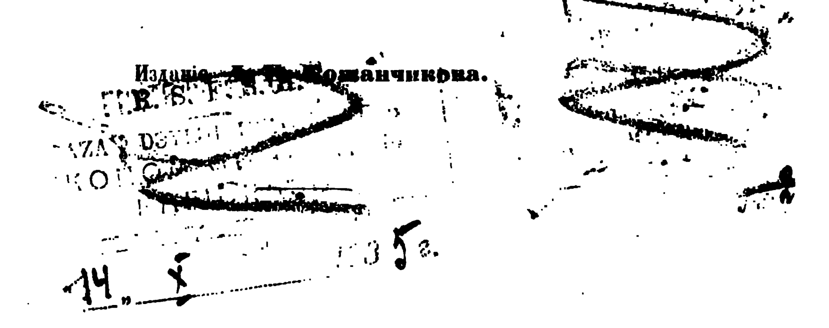
ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

ИЗЪ

НОВОГОРОДСКОЙ И ПСКОВСКОЙ

ГУБЕРНІЙ,

ПАВЛА ЯКУШКИНА.

Изданіе Д. Е. Кожанчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

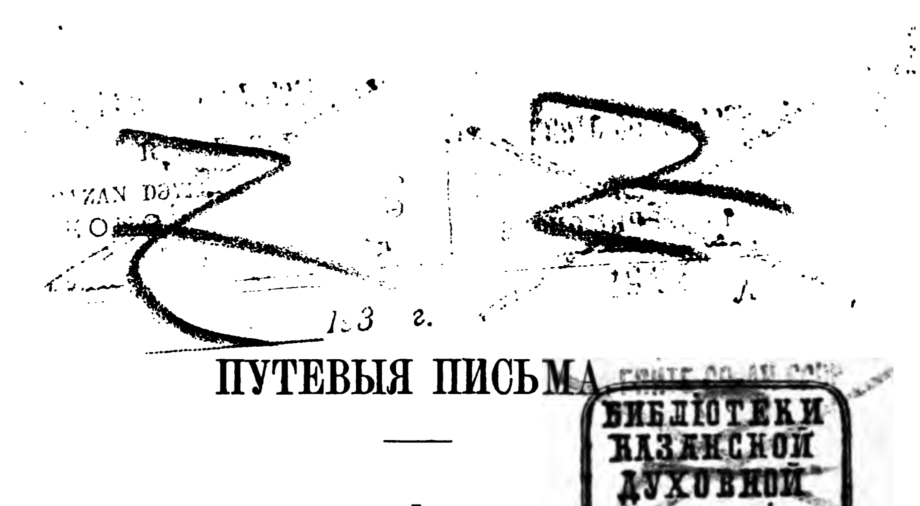
ТИПОГРАФІЯ ТОРГОВАГО ДОМА С. СТРУГОВЩИКОВА, Г. ПОХИТОНОВА, Н. ВОДОВА И К°.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 23-го Марта 1860 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА

I

ИЗЪ НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНIИ.

---

29 Ноября 1858 года.
Тверь.

Вчера я прiѣхалъ въ Тверь съ тяжелымъ поѣздомъ; дорога была скучная; отъ нѣчего дѣлать, я подсѣлъ къ мужикамъ; разговорились о Кокоревѣ; кто-то похвалилъ домъ его въ Москвѣ, близъ Покровки.

— «Небось цѣлковыхъ шесть стоитъ», замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Бываютъ дома и дешевле, отвѣтилъ на это другой.

— Какъ, дешевле шести цѣлковыхъ, сказалъ я?

— Много дешевле.

— Какiе же такiе дома?

— А вотъ, что одна то лошадь домовъ по двадцати возитъ!

—«Въ этихъ домахъ всякому жить придется!» замѣтилъ сѣдой старикъ, покачавъ головою: «называются только они гробами, а то та же домовина, стало-быть — домъ!»

Въ [illegible] вагонѣ везли кондукторовъ, которые отъ нечего дѣлать перепились и поминутно ссорились между собою. Одинъ изъ нихъ, старый отставной ундеръ, сильно негодовалъ на молодежь; такъ называлъ онъ своихъ товарищей, тоже отставныхъ ундеровъ съ сѣдыми усами.

—«Молодежь эта», говорилъ онъ, «не умѣетъ служить Богу и Великому Государю! не умѣетъ: тоже служитъ, говоритъ; да какъ служитъ, спрошу я? не по нашему: я служилъ..... служу.... буду служить—не по ихнему. До гробовой доски буду служить! Въ наше время служили не по нынѣшнему. Вотъ хоть къ примѣру взять, были мы подъ Варною, тогда съ Туркомъ война была, а въ ту пору я служилъ въ Преображенскомъ. Вышелъ приказъ такой: со всей гвардіи вызвать 120 человѣкъ охотниковъ, такъ куда тебѣ 120, 12 тысячь вызвалось! Начальники велѣли жеребій трясти. Стали трясти: вышелъ жеребій мнѣ. Фельдфебель былъ у насъ Петровъ; тотъ давалъ мнѣ 50... 100 рублей, пусти только его съ моимъ же-

ребьемъ; да я не взялъ! А былъ тогда еще рядовымъ!..»

Много онъ и еще разсказывалъ; но какъ онъ на каждой станціи прохаживался, то языкъ его выговаривалъ все невнятнѣй и невнятнѣй, а наконецъ и совсѣмъ отказался служить. Пріѣхавъ въ Тверь, я пошелъ въ трактиръ ужинать, гдѣ ко мнѣ подошелъ одинъ господинъ храброй наружности. Мы съ нимъ разговорились и сей господинъ оказался, сверхъ моего ожиданія, какимъ-то чиновникомъ или писцомъ при комитетѣ по крестьянскому дѣлу. Между прочимъ онъ говорилъ мнѣ, что комитетъ рѣшилъ печатать всѣ свои протоколы, чѣмъ писецъ былъ сильно недоволенъ: «для чего, кому надо знать? прикажутъ, когда придетъ время!»

Сегодня по утру я пошелъ отыскивать Рж. и Р.: въ Твери я былъ въ первый разъ; Рж., по просьбѣ М. П. Погодина, могъ указать мнѣ на что особенно надо взглянуть; а Р., какъ секретарь Губернскаго Правленія, могъ, при пѣшеходномъ моемъ путешествіи по Тверской губерніи, оказать большую помощь: я знаю по опыту, какъ трудно растолковать нѣкоторымъ особамъ, особливо становымъ съ братіею, цѣль моихъ походовъ, а секретарю, да еще Губернскаго Правленія, не то что нашему брату, во всемъ повѣрятъ. Но къ моему великому горю, я ни того ни другаго не нашелъ въ Твери; они оба уѣхали въ

Москву. За розысками ихъ я опоздалъ къ обѣднѣ въ соборъ, который мнѣ очень хотѣлось видѣть. Отъ нѣчего дѣлать, я отправился въ трактиръ «чаевать», и тамъ напалъ на купцовъ, пришедшихъ туда тоже чайку попить. Не могу вамъ сказать, какъ у насъ зашелъ разговоръ; кажется одинъ изъ насъ попросилъ газету у другаго. Мы разговорились и сѣли за одинъ столъ. Перекинувъ нѣсколько словъ, я спросилъ ихъ: какъ идетъ торговля послѣ открытія чугунки: сильнѣе, или упала? Вѣроятно, значительно увеличилась?

—«Увеличилась!... какое увеличилась: не въ примѣръ туже пошла!»

— Отъ чего же?

—«Какъ отъ чего? Москва стала ближе. Теперь кому что надо купить, заплатилъ 1 р. 15 к., да и въ Москву; а тамъ онъ хоть и не дешевле купитъ, да думаетъ: во ста мѣстахъ побываю. Теперь ни одна свадьба не бываетъ безъ поѣздки въ Москву! Сперва этимъ товаромъ, такъ сказать по нашему, краснымъ, на два милліона въ розницу Тверь торговала; а теперь на 200 тысячь! На 2 милліона то есть, въ розницу, торговала на ассигнаціи, а на 200 тысячь серебромъ, все-таки это выходитъ 700 тысячь; а остальные-то гдѣ взять?»

— Вы говорите про торговлю краснымъ товаромъ; а какъ же у васъ идетъ хлѣбная торговля?

—«То же и съ хлѣбомъ! хлѣба везутъ по Волгѣ

много, изъ Твери еще больше; да только хлѣбъ насквозь проходитъ: въ одну заставу ввезутъ, въ другую вывезутъ; съ Волги на желѣзную дорогу, да и вся недолга. Вотъ Новгородъ сперва какъ горевалъ, что желѣзная пойдетъ мимо; а теперь желѣзная дорога такъ отрѣзала, что вся та сторона къ нему потянула! Вся сторона: Псковъ, Курляндія, Лифляндія, Швеція!... Теперь въ Новгородѣ то и дѣло что строятся: вотъ недавно купецъ.... купецъ.... забылъ какъ прозывается.... вотъ какъ по Волхову пойдешь, такъ на углѣ будетъ.... забылъ! Такъ этотъ купецъ поставилъ домъ во сто тысячь, да тысячь серебромъ! А у насъ нонече сильныхъ людей, богачей нѣтъ. Ты знаешь, Михайло Яковлевичь, сказалъ онъ, обращаясь къ своему товарищу, Старицкаго купца.... Ивана Дементьева? »

— Безпоповаго-то? (1) что въ прошломъ году умеръ?... Знаю.

—«Что за сила была! одинъ всей здѣсь торговлей ворочалъ: въ Старицѣ жилъ самъ, а въ Твери никакого хлѣба безъ него не покупали!»

— А умеръ собакой! отозвался какой-то господинъ въ чуйкѣ, тоже изъ купцовъ.

Мои товарищи примолкли.

— Отъ чего же собакою? сказалъ я.

---

(1) Безпоповый, т. е. раскольникъ безпоповщинскаго толку, «Филиповщина есть», какъ мнѣ сказалъ одинъ здѣшній мѣщанинъ.

—« Да вотъ видите, сударь ты мой», продолжалъ господинъ въ чуйкѣ: «умираетъ онъ, совсѣмъ умираетъ; знаетъ: умереть безъ святыхъ таинъ—всю родню и родъ засудятъ, такъ и пріобщился; а похоронъ справлять не велѣлъ: позвали только восемь поповъ, а ни архіерея, ни архимандрита—никого не позвали, да такъ похороны и справили! И тѣхъ бы не справили, коли можно бъ было,—тѣмъ и кончили!»

— У нихъ, вѣрно, старыхъ книгъ много? спросилъ я.

— «Много. Умеръ отецъ моего тестя,—онъ былъ изъ такихъ же, такъ онъ оставилъ пудовъ тридцать такихъ же старинныхъ книгъ! Да я всѣ ихъ во Ржевъ спустилъ: тамъ до этого охотники!»

— Да и я охотникъ; коли есть у васъ еще, я куплю, сказалъ я.

— «А на что же вамъ: у васъ, какъ кажется, борода стриженая?» спросилъ онъ меня.

Я ему сказалъ, для чего мнѣ нужны старыя книги и рукописи.

Купецъ смекнулъ.

— «Понимаемъ!.... Если хотите достать, то сходите къ Т*-Б*. У него два прозвища; онъ живетъ у старой аптеки; у него своя лавка тамъ есть. Да еще сходите къ Ж*; а этотъ живетъ за Волгою во второй улицѣ: у нихъ много книгъ, можетъ быть

они и продадутъ вамъ. На Ж* сильно гораздо не надѣйтесь, онъ самъ старой вѣры; а у Т*-Б*, если онъ еще не все растранжирилъ, купите, да и задешево купите; отецъ его былъ человѣкъ крѣпкій, любилъ покойникъ старыя книги; а какъ старикъ-то померъ, достались эти старыя книги сынкамъ, они и пустили ихъ въ ходъ: сперва подѣлили, а потомъ на перегонки во Ржевъ. Во Ржевѣ это запримѣтили: за рубль десять копѣекъ платили. Коли осталось—и вамъ продадутъ ихъ съ удовольствіемъ».

Собесѣдникъ мой, Михаило Яковлевичь Барсуковъ, обязательно предложивъ мнѣ свои услуги, пригласилъ меня къ себѣ вечеромъ на чай. Узнавъ, что я изъ Орла, онъ много разспрашивалъ объ орловскомъ пожарѣ. Разговорившись о пожарѣ, одинъ изъ собесѣдниковъ разсказалъ мнѣ случай, бывшій въ Твери.

—« Былъ въ Твери пожаръ, и какой-то мужиченко одинъ одинёшенекъ отстоялъ домъ..... да не одинъ домъ: загорись тотъ домъ,—много бъ города сгорѣло!.... Взлѣзъ этотъ мужиченко на крышу, подаютъ ему воду; воды недостало, стали давать квасъ; такъ и не далъ дому загорѣться. На низу противъ вѣтру было жарко стоять, а по вѣтру еще хуже! Да еще сказать: наверху духу больше, колижъ еще къ тому сказать, что на его сторону вѣтеръ былъ—просто быть нельзя!.... Ему кричатъ

снизу: «Слѣзь, слѣзь!.... Пропадешь по напрасному! Слѣзь!» А тотъ знай свое дѣло дѣлаетъ: поливаетъ крышу, то водой, то квасомъ; такъ и не слѣзъ! И какъ ужъ онъ тамъ стоялъ, Богъ его знаетъ! Такъ-то этотъ мужиченко и отстоялъ домъ; не самъ отстоялъ,—такъ ему Богъ далъ! Ну, когда Богъ помиловалъ, хозяинъ и даетъ ему сѣринькую, 50 рублей бумажку, значитъ,—такъ мужиченко.... а и мужиченку всему-то грошъ цѣна—такъ мужиченко не беретъ!—Не я, говоритъ, отстоялъ твой домъ: отстояла твой домъ Мать Пречистая Богородица Владимірская, такъ ты Ей, Матушкѣ Владимірской Богородицѣ и помолись, да Ее, Матушку, и поблагодари. Такъ и не взялъ!»

30-го Ноября. Тверь.

Михайло Яковлевичь Барсуковъ, церковный староста Тверской Знаменской церкви, разсказалъ мнѣ, что у нихъ въ церкви есть восковой образъ Владимірской Богородицы, по всей Твери считающійся за явленный и чудотворный, и что его носить по домамъ не разрѣшено.

Мнѣ разсказывала здѣшняя баба про эту икону слѣдующее:

«Явилась она лѣтъ за пятьдесятъ, можетъ и

больше; явилась она протомойкѣ. Жила, женщина благочестивая, въ работницахъ у одного тверскаго купца; ея дѣло было поутру пораньше встать, горницу прибрать, воды наносить, обѣдъ сготовить, послѣ обѣда всѣхъ уложить, а тамъ самоваръ поставить, чаемъ напоить, ужинъ приготовить.... Сказать правду: день-ночь работай на хозяина,—спи на себя..... Пошла эта благочестивая женщина на Волгу, бѣлье, рубашки мыть. Видитъ она, моя матушка, женщина благочестивая, видитъ, что волной что-то къ ней прибиваетъ; смотритъ — воскъ плыветъ. Взяла она тотъ кусокъ, бережнёхонько положила, да и отнесла домой. Хозяинъ былъ строгій: всякъ день надѣвалъ чистыя рубашки; не то что по субботамъ, или къ празднику тамъ, а всякъ день, какъ сказано. Бѣлья было, стало быть, много. На утро эта женщина благочестивая опять пошла на Волгу бѣлье мыть. Стала она бѣлье мыть, къ ней плыветъ еще кусокъ воску; она и этотъ кусокъ взяла домой. Принесла домой, сложила эти два куска, они и срослись, видитъ—образъ Пречистой Богородицы Владимірской. Только она сложила эти два куска не ровно,—такъ и теперь, по сю пору, остались: рубчикъ остался посреди.»

Эту икону запрещаютъ брать на домъ, «да все-таки берутъ,—говоритъ Барсуковъ:—не хочется съ попомъ ссориться!»

— За чѣмъ же съ попомъ ссориться, изъ-за чего? Въ Москвѣ Иверскую берутъ на домъ. Пусть берутъ и вашу Владимірскую. Ваше дѣло....

—« Да вѣдь иконы-то берутъ въ другихъ мѣстахъ не по нашему: Иверскую, какъ вы къ примѣру взяли, Иверскую везутъ въ каретѣ, съ честію: благочиніе соблюдено; а нашу Матушку подъ полу, да и пошелъ! Крадучись—вотъ что́ не хорошо! А ка́къ, видя большую заступу отъ иконы, не пустить ее въ домъ? Несовершенное дѣло!»

Еще Барсуковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ камень, найденный при нивеллировкѣ улицы, съ надписью: «здѣсь лежитъ Микола попъ.....» дальше онъ не помнитъ.

По указанію Барсукова, я ѣздилъ къ Ж*, за рѣчку Тьмагу, но ничего не нашелъ. Впрочемъ Барсуковъ мнѣ обѣщалъ поискать и, буде найдетъ что, меня увѣдомитъ. Возвратившись отъ Ж*, я понесъ въ лавку къ Барсукову статью М. П. Погодина, и «Путь Севастопольцевъ», Кокорева, за что́ былъ приглашенъ Барсуковымъ въ трактиръ чайку попить. Къ намъ подсѣлъ еще одинъ господинъ въ чуйкѣ, его товарищъ.

Мой новый собесѣдникъ сталъ разсказывать о раскольникахъ. Догматовъ ихъ онъ не зналъ, зналъ только одно, что они безпоповые, да еще, что они

всѣмъ *мірщатъ* (1). Такъ мужъ жёной мірщитъ, жена мужемъ.—«Ужъ на что мальчишки, и тѣ туда же! Разъ я ѣздилъ за Тверцу. Та сторона за Тверцой такъ и называется Азія. Азіаты настоящіе, всѣ безпоповые. Стоитъ, этакъ, чашечка; я и возьми ее, водицы хотѣлъ испить; какъ закричитъ мальчишка, этакъ лѣтъ семи, а то шести, какъ закричитъ: «чашку мою мірщитъ, чашку мірщитъ»! Отецъ молчитъ. Я ему: «Ну и жена чашку мірщитъ?»—«И жена чашку мірщитъ».—«Ну, а спать вмѣстѣ, это не мірщитъ?»— «Это нужда, стало не мірщитъ»....Поди съ ними! А то вотъ было дѣло: были два брата—одинъ былъ головой, а другой былъ праздникскій (2), голова-то былъ православный, а праздникскій безпоповый; жили они врозь, т. е. въ отдѣлѣ. Голова-то и пріѣзжаетъ къ брату, къ безпоповому-то, на праздникъ. У нихъ былъ престольный праздникъ; надо садиться обѣдать; безпоповый и говоритъ:

---

(1) Старообрядцы, особенно безпоповщинскіе, называютъ православныхъ *мірскими*. Всякое общенье съ мірскими называется *мірщеньемъ*. Мірщить вещь—значитъ поганить ее. «Жена мужемъ мірщитъ», т. е. попрекаетъ его въ мірщеньи, а потому и брезгуетъ имъ. Должно замѣтить, что всѣ раскольники, какого бы толку ни были,—не міряне, и потому другъ другомъ не *мірщатъ*.

(2) Разскащикъ мнѣ это слово объяснилъ, что онъ былъ празднымъ, т. е. не на службѣ; это не вѣрно—праздницкими называются у кого престольный праздникъ.

«Вы погодите садиться....» А кромѣ головы еще были православные: — «Мы пообѣдаемъ сначала, а вы послѣ. Намъ съ вами мірщитъ». Голова ничего. «Обѣдайте, говоритъ, мы хоть и послѣ». Отобѣдали они; ну, осталось у нихъ въ чашкѣ сколько тамъ щей, каши что-ли; только они, не сполоснувши чашки, подлей туда еще, да и поставь на столъ. Какъ схватитъ голова чашку, да въ лицо брату:—«Вамъ отъ насъ мірщитъ, а намъ отъ васъ, думаешь, не мірщитъ? и намъ мірщитъ!» Какъ пошла драка, весь праздникъ дуро́мъ свернули, послѣ въ судъ: ужъ судили-судили, а чѣмъ порѣшили— этого я не знаю навѣрно.»

Поутру ходилъ къ обѣднѣ, къ Знаменью; церковь не очень старинная и небольшая. Ее испортили пристройкой; къ совершенно круглой церкви придѣлали корридоръ, и какъ внизу нельзя было сдѣлать въ этомъ узкомъ корридорѣ ни одного придѣла, то придумали устроить хоры, а на хорахъ два придѣла. Изъ церкви вмѣстѣ со мной пошелъ одинъ здѣшній купецъ (онъ мнѣ не сказалъ своей фамиліи). Мы съ нимъ разговорились, и онъ мнѣ плакался на княгиню Б.

«Я, говорилъ онъ, торговалъ желѣзнымъ товаромъ; и по Твери былъ однимъ изъ сильныхъ людей, торговцевъ. Дѣла велъ съ княгинею большія, да еще и не съ ней, а съ ея батюшкомъ покойникомъ

все время вели дѣла..... Толькотъ приходитъ время платить ей, а тутъ мой должникъ обанкрутился; да не то-что въ правду, а такъ, притаился. Я къ княгинѣ: «Потерпи матушка хоть недѣльку, еще съ батюшкой торговали»,—а со мной она торговала лѣтъ сорокъ. Мнѣ теперь лѣтъ семьдесятъ, да и въ ту пору было лѣтъ шестьдесятъ.—Съ батюшкой торговались, говоритъ моя княгиня, батюшка деньги и бралъ; а я съ тобой торговалась, мнѣ ты и платишь; пересталъ платить — въ острогъ!—Куда тебѣ! все продали съ аукціона: было товару на пять сотъ тысячь—продали на двѣсти. Съ аукціона продавали—еле-еле съ процентами расплатился, а продавай-ка самъ—не ходилъ бы по міру!»

2-го Декабря, Чудовская станція.

Вчера вечеромъ выѣхалъ изъ Твери и ничего не могу сказать про нее; кажется она сильно сбивается на такъ много любимый мною славный городъ Харьковъ. Да и сами жители говорятъ про свои родные города одно и тоже; въ Харьковѣ я слышалъ поговорку: Харьковъ городокъ—Петербурга уголокъ. Въ Твери то же говорятъ, что «Тверь—Петербургская сторона»! «По плану перестроена» (1), вотъ един-

(1) Одна изъ лучшихъ улицъ—Набережная, всѣ дома—каменные и всѣ до одного, по правую сторону отъ Проломной улицы—совершенныя казармы.

ственная похвала Твери, которую мнѣ удалось слышать отъ Тверитянина. Про Тверь старую, про Тверь богатую, какъ она осталась въ пѣсняхъ (и то не Тверскихъ), и помину нѣтъ; кой-гдѣ промелькнетъ старое названіе улицы, церкви, но все-таки главная улица въ Твери—Милліонная. Въ два дни, которые я пробылъ въ ней, мнѣ не удалось видѣть ни одного тверскаго женскаго наряда: всѣ въ нѣмецкихъ платьяхъ.

Не Тверь старую, не ту Тверь, которая послѣдняя стояла за удѣлы, а часть Петербурга, по-петербургски благоденствующую, я видѣлъ въ Твери. Это не то, что Ярославль. Когда мнѣ привелось лѣтъ 12—13 назадъ быть въ Ярославлѣ, я сказалъ одному ярославскому посадскому, что Москва лучше Ярославля: посмотрѣли бъ вы, какъ горячо вступился онъ за батюшку-Ярославль-городъ! Когда я напомнилъ ему про святыни московскія, онъ сказалъ:—«Да, это правда! Да Москва-то на крови стоитъ, а на Ярославлѣ ни капли крови человѣческой нѣтъ!»

Изъ Твери поѣздъ (тяжелый) выходитъ въ 10 часовъ вечеромъ, а я забрался туда въ концѣ 9-го, не знавши, что въ Твери поѣздъ стоитъ цѣлый часъ, при мнѣ одна старуха просила всѣхъ кондукторовъ и офицеровъ взять ее съ собой, потому-что у ней денегъ нѣтъ ни копѣйки—всѣ потратила въ Твери: она солдатка, такъ ей надобно было изъ кантонистовъ

дѣтей выписывать, и надобно было ей всего-то ѣхать до Волочка, а тамъ въ сторону.... Плакала старуха, кланялась въ ноги, но всѣ начальствующіе ей отказали: не имѣемъ, говорятъ, права.—Признаться вамъ сказать, меня удивляла эта брутовская стойкость, это «чувство законности» даже при такихъ обстоятельствахъ! На чугункѣ въ вагонѣ два какіе-то юноши свели коллежскаго ассессора изъ Нѣмцевъ и Русака мужика, обоихъ пьяныхъ; станціи двѣ или три поили ихъ еще: они то цѣловались, то бранились, наконецъ кондукторъ долженъ былъ принять мѣры, чтобъ драма не перешла въ мимическое представленіе, и развелъ ихъ. По уходѣ своего врага-пріятеля, коллежскій ассесоръ сталъ бранить русскую полицію, русскій народъ, и много-много онъ говорилъ, пока одинъ изъ самыхъ простодушнѣйшихъ мужиковъ обѣщалъ поколотить его, если онъ не замолчитъ.

—«Да молчи же ты!... Ступай куда хочешь: кромѣ Россеи земель много!—крикнулъ мужикъ и Нѣмецъ замолчалъ.

Въ Вышній-Волочокъ мы пріѣхали въ три часа полуночи, гдѣ я и остался. Когда поѣздъ двинулся, я пошелъ къ извощикамъ, которые, зная часъ прихода поѣздовъ, пріѣзжаютъ къ этому времени. У самой станціи на снѣгу лежало мужиковъ человѣкъ 15.

—Что́ вы, братцы, тутъ дѣлаете? спросилъ я.

—«Машины, ваше степенство, ждемъ; да холод-

но гораздо. Самъ смотри: часа два ждемъ, а еще до утра далече; вѣдь въ Москву машина отойдетъ утромъ. Не въ терпежъ пришло: хоть по копѣйкѣ, али тамъ сколько за ночлегъ заплатили бъ, да негдѣ: кругомъ жилья нѣтъ!»

Я имъ посовѣтовалъ идти въ контору, какъ они называли станціонный домъ, и уѣхалъ. Не знаю — пустили-ли ихъ туда, а то въ-самомъ-дѣлѣ имъ бѣднымъ пришлось не въ терпежъ: на дворѣ было морозно, да и вѣтеръ былъ порядочный.

Пріѣхавъ въ Вышній-Волочокъ, я сейчасъ же легъ, а на другой день пошелъ посмотрѣть городъ. Волочокъ довольно хорошо выстроенъ, но показался мнѣ какъ-то непривѣтнымъ. А кажется тамъ чего-чего нѣтъ: и клубъ, и кофейная: въ кофейную собираются господа кофей, шоколадъ кушать; въ клубѣ назначены вечера карточные, вечера танцовальные, — только на улицахъ народу нѣтъ. Впрочемъ и дурное время выбралъ я для осмотра Волочка; надо пріѣхать лѣтомъ во время судоходства.

Мнѣ захотѣлось посмотрѣть здѣшній каналъ и шлюзъ, хотя, правду сказать, зимою не много увидишь. Тамъ стоялъ какой-то старикъ, съ которымъ мы разговорились. Я у него спросилъ, что одѣлала имъ желѣзная дорога: поднялась ли торговля отъ чугунки? — «Да, кажись, другъ любезный, ни поднялась, ни опустилась; какъ была, такъ и есть. Вотъ только

овесъ пошелъ шибче, прошлый годъ со всѣхъ мѣстовъ къ Волочку потянули, и сухопутьемъ—и на судахъ, а отсюда на чугунку, да и въ Питеръ; особливо зимой сильно овесъ идетъ».

— Да отъ чего же по водѣ не отправляютъ овса въ Питеръ? здѣсь есть пароходы?

—«И по водѣ отправляютъ, только пароходовъ здѣсь нѣтъ. Да и на что они, отъ нихъ проку никакого: вотъ нынче развелись пароходы въ Твери: стерляди были ни по чемъ!»

— Ты говоришь: рыбу распугали; какъ же такъ всю рыбу распугали,—этимъ лѣтомъ въ Твери стерляди-то были ни по чемъ?

—«А вотъ видишь ты: рыбу распугали изъ своихъ мѣстовъ, она и бросилась вся врозь; теперь-то ее много, да вòду-то ей больше не будетъ.»

Какъ-то проходя вдоль чугунки, подошелъ я къ одной будкѣ, и закуривъ папироску, спросилъ у солдата, чтò онъ здѣсь дѣлаетъ?

—«Да ничего,—отвѣчалъ онъ: начальство велѣло, какъ идетъ поѣздъ, палкой честь отдавать, караулъ дѣлать,—только сорвется поѣздъ съ дороги, съ рельсовъ,—за хвостъ не удержишь.»

4-го Декабря. Новгородъ.

Воля ваша, а нашъ вѣкъ—вѣкъ «блага и пользы».

Мы всѣ хлопочемъ нынче о пользѣ ближнему; взгляните на любое объявленіе объ изданіи журнала, для чего онъ издается: «Наши дамы сознали, что женщины.... образованіе.... только съ этой цѣлью мы рѣшились для *общей пользы* издавать журналъ». Въ другомъ читаемъ: «Давно чувствовалась потребность въ газетѣ, которая-бы за дешевую цѣну распространяла въ народѣ свѣдѣнія, знанія.... поэтому мы *для общей пользы....* » Одно только забываютъ господа заботящіеся объ общественной пользѣ, забываютъ спросить самихъ себя—съумѣютъ ли они сдѣлать какую-нибудь пользу? А то, пожалуй, вмѣсто пользы и вредъ выйдетъ! Это мнѣ пришло въ голову больному, а болѣнъ-то я сдѣлался отъ «пользы», которую мнѣ навязали! Дѣло вотъ въ чемъ: изъ Чудовской станціи до Новгорода ходятъ ежедневно дилижансы,—одинъ казенный, другой графскій, графа Г. Въ казенномъ мнѣ не хотѣлось ѣхать—, онъ неудобно устроенъ: внутри кареты сидѣнье не поперегъ, какъ въ обыкновенныхъ, а вдоль, влѣзаютъ сзади, и садятся затылкомъ къ окну; мнѣ кажется, что, впродолженіи семидесятиверстной дороги, вѣтеръ сильно надуетъ въ затылокъ. Я сталъ разспрашивать про частные дилижансы, а казенный между-тѣмъ уѣхалъ, и я пошелъ отыскивать кондуктора графскаго дилижанса; но его нигдѣ не оказывалось. Съ помощію гривенника я только могъ узнать, что кондукторъ пьянъ и рѣшительно къ

дѣлу неспособенъ. Дѣлать было нѐчего, я сталъ терпѣливо ждать минуты отъѣзда, и пошелъ обѣдать въ гостинницу, которая здѣсь очень чисто содержится. За обѣдомъ хозяинъ говорилъ мнѣ, что этотъ дилижансъ « не для аферы устроенъ, а собственно для того, чтобъ проѣзжающимъ было хорошо: вѣдь ямщикъ запроситъ съ васъ и Богъ-знаетъ какую цѣну, а нѐчего дѣлать—дадите! Вотъ и устроили этотъ дилижансъ по таксѣ,—значитъ «для пользы»,—и дѣйствительно, дилижансъ отправляется очень аккуратно, тотчасъ по приходѣ поѣзда желѣзной дороги. Какъ только пріѣхалъ поѣздъ, я съ одной стороны, пьяный кондукторъ съ другой, бросились къ дилижансу.

— Есть мѣсто?

— Есть—извольте садиться!

Влѣзаю: не успѣлъ еще сѣсть, за мной еще господинъ, еще и еще.

— Есть мѣсто? проговорилъ женскій голосъ.

— Есть!

—«Ну, какъ тѣ не грѣхъ?» проговорилъ одинъ изъ ямщиковъ (которыхъ здѣсь много стоятъ на тройкахъ, парахъ, въ одиночку). «Какъ не грѣхъ отбивать у насъ работу? И добро бы для себя хлопоталъ, а то чортъ знаетъ для кого!»

Но несмотря на эту рацею, барыня все-таки влѣзла въ карету.

— Есть мѣсто, есть мѣсто?» слышалось отовсюду,

но кондукторъ, возчувствовавъ весь грѣхъ отбивать работу, закричалъ: «Пошелъ! мѣста нѣтъ!» вползъ, кое-какъ на козлы, и мы поѣхали.

На ходу мы стали размѣщаться; оказалось, что всѣхъ мѣстъ семь, а насъ было пятеро, чему мы, конечно, порадовались,—просторнѣе! Едва мы усѣлись, о ужасъ! мы замѣтили, что дверецъ въ каретѣ не имѣется! Вмѣсто дверецъ висѣлъ какой-то клокъ кожи; клокъ, который ни справа, ни слѣва, въ одномъ мѣстѣ на вершокъ, въ другомъ на четверть, не закрывалъ отверзтія. Я погоревалъ объ этомъ вслухъ; баринъ, сидѣвшій тутъ (какъ послѣ оказалось членъ комитета по крестьянскому дѣлу), смѣясь, проговорилъ: «И ты, мужичокъ, этимъ огорчаешься? Не хорошо! Ха, ха, ха! Каково! мужичокъ вошелъ въ карету, нашелъ недостатки. Прошу покорно!» (1). Я его назвалъ «вашимъ благородіемъ» и сказалъ, что онъ, въ качествѣ барина, долженъ заступиться за мужичка: вѣдь мужичокъ заплатилъ деньги, такъ надо, чтобъ мужичокъ даромъ денегъ не платилъ». Пока мы такъ пріятно бесѣдовали, мы замѣтили, что одного стекла въ окнахъ кареты нѣтъ; еще немного проѣхали—свѣчи стали валиться въ фонаряхъ; въ обыкновенный фонарь вставили свѣчку, она, разумѣется, отъ тряски нерессорнаго экипажа, никакъ не могла держаться; мы остано-

(1) Надо замѣтить, что я былъ въ полушубкѣ и съ бородой.

вились, зажгли снова фонарь; но черезъ пять минутъ та же исторія; мы бросили. Въ темнотѣ мы сдѣлали открытіе: крыша кареты во многихъ мѣстахъ отстала, такъ что въ щель проходилъ палецъ. Надо замѣтить, что эти кареты еще очень недавно ходятъ.

Можете судить о моемъ горестномъ положеніи: я ѣхалъ въ вагонѣ по чугункѣ, одѣваться тепло было не для чего, сѣлъ въ карету—тоже; но послѣ оказалось, что я сижу на механически устроенномъ сквозномъ вѣтру. Пріѣхали на станцію, я упросилъ одного пассажира наружнаго мѣста помѣняться со мной, и онъ (о, несчастный!) согласился. На этой же станціи баринъ, назвавшій меня мужичкомъ, извинялся, и хоть я его увѣрялъ, что единственное мое желаніе—походить на мужика, и что я очень радъ, что могу казаться мужикомъ, онъ все-таки не могъ повѣрить, что онъ меня ни мало не обидѣлъ. Вторую станцію я проѣхалъ хорошо: ночь свѣтлая; хоть вѣтеръ, да не сквозной; а внутри кареты темно и вѣтеръ, чувствительнѣе; да къ тому же на козлахъ сидѣлъ мальчикъ, кажется, сынъ ямщика; я его перетащилъ къ себѣ, а онъ въ благодарность цѣлую дорогу пѣлъ мнѣ пѣсни: «Конченъ, конченъ дальній путь», «Во пустынюшку мальчикъ удаляюсь», и тому подобныя. Да одну пѣсню про Ярославль-городъ. Ярославль городъ и здѣсь, на битой дорогѣ, не потерялся. Пѣсню, которую пѣлъ мнѣ мальчикъ, я зналъ прежде, она сложена про пожаръ Ярославля;

но я его заставилъ пропѣть два раза; мнѣ хотѣлось прислушаться къ выговору. Такъ онъ выговаривалъ: ёму вмѣсто ему, загоряеться вмѣсто загорается, полторы вёрсты вмѣсто полторы версты, рӯучей, поглядишь.... Еще въ этой пѣсни поется:

«Загоралася одна лавочка
Съ черными соболями,
Съ *писаными картами*....»

На слѣдующей станціи насъ не пустили въ станціонный домъ. Почему?—мы не знаемъ: ѣхали мы, кажется, въ дилижансѣ, и на почтовыхъ лошадяхъ. Здѣсь же потеряли мы одного пассажира; онъ пошелъ въ ямскую избу закурить папироску, да и пообогрѣться немножко, а какъ здѣсь не подають сигналовъ, и пьяный кондукторъ не смотритъ—всѣ ли пассажиры, то онъ съ папироской во рту вышелъ изъ избы, въ ту минуту, когда экипажъ уже тронулся. И этому господину предоставили удовольствіе бѣжать версты двѣ, и кричать сколько ему ӯгодно: нашъ дилижансъ такъ стучалъ и дребезжалъ, что ничего не было слышно. Несчастный господинъ, имѣя полное право бѣжать еще далѣе, воротился однако на станцію, размышляя такъ: догнать не догоню, а назадъ идти будетъ дальше. Пріѣхали въ Новгородъ въ четвертомъ часу, хоть и обѣщались привезти въ первомъ.

— Извольте выходить!

Мы всѣ выскочили, кондукторъ сталъ стучаться въ

гостинницу. Гостинницу отперли и мы услышали голосъ:

—«Нумеровъ нѣтъ!»

—«Пойдемъ въ новую гостинницу», предложилъ кондукторъ: «тамъ гостинница того же хозяина.»

Мы туда—тамъ тоже услышали: «нумеровъ нѣтъ!»

—«Теперь, господа», сказалъ кондукторъ: «извольте идти куда хотите, нумеровъ нѣтъ: здѣсь ночевать негдѣ!»

Представьте себѣ мое бѣдственное положеніе: въ незнакомомъ городѣ, въ четыре часа ночи, на улицѣ, съ кучею вещей. Что́ бы вы стали дѣлать? Подумавъ немного, я приказалъ кондуктору везти себя къ графу Г., т. е. содержателю полезнаго заведенія дилижансовъ. Это немножко удивило кондуктора.

—«Да вы знакомы съ нимъ»? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ не знакомъ.

—«Такъ за чѣмъ же ночью идти къ нему?»

— Какъ за чѣмъ? ночевать.

—« Ночевать въ конторѣ можно. »

— Можно? Такъ отъ чего же ты меня прямо не провелъ въ контору?

—« Помилуйте, я вамъ предлагалъ, да вы не хотѣли....»

И солгалъ кондукторъ, вовсе и не предлагалъ, а всячески старался спровадить съ рукъ поскорѣе.

Приходимъ въ контору: прекрасный номеръ, гдѣ

рѣшительно ничего не напоминаетъ конторы, а просто—нанятой номеръ для проѣзжающихъ. На другой день въ контору пришелъ нашъ забытый путникъ, взялъ вещи, разсказалъ про свое горе и ушелъ.

Изъ этой повѣсти можно вывести слѣдующее нравоученіе: если хочешь сдѣлать пользу, дѣлай самъ; если увидишь, что въ томъ дѣлѣ, за которое взялся, ты дуракъ,—брось: и тебѣ будетъ дурно и другимъ плохо; самъ будешь работать, да будешь знать толкъ въ дѣлѣ—будетъ хорошо; заставить же пьянаго холопа дѣлать добро для спасенья барской души—довольно трудно.

5-го Декабря. Новгородъ.

Познакомился съ И. К. Купріяновымъ и Н. К. Отто, учителями гимназіи, и съ Отто ѣздилъ вчера по Новгороду. Городъ по плану выстроенъ! Новгородъ чрезвычайно похожъ на кладбище, усѣянное памятниками. Умерла воля новгородская, остались одни памятники, да и тѣ по возможности испорчены. Не стану вамъ говорить о новгородскихъ древностяхъ,—вы найдете много описаній; но разскажу вамъ, что̀ я чувствовалъ при осмотрѣ ихъ. Сперва мы поѣхали въ здѣшній Кремль. Рядомъ съ Св. Софіею стоятъ присутственныя мѣста, извѣстной казенной постройки, а между ними стоитъ что-то въ родѣ тѣхъ версто-

выхъ столбовъ, которые торчатъ на шоссе подъ Москвой. Это изволите видѣть «памятникъ.» Что долженъ напоминать этотъ памятникъ, право не знаю, спросить даже не хотѣлось. Послѣ уже я узналъ, что этотъ памятникъ поставленъ за 12-й годъ дворянами. Изъ Софіевскаго собора мы пошли въ грановитую палату. Трудно вообразить себѣ, что нибудь свѣтлѣе, радостнѣе этой палаты. Эта палата — палата пиршествъ Новгородцевъ у своего пископа. Но образованные люди и ее не оставили въ покоѣ: передѣлали ее на церковь, и иконостасомъ отгородивши часть, какъ бы отрѣзали кусокъ отъ цѣлаго, да и украсили по своему. «Сперва она была росписана попроще», сказалъ мнѣ провожавшій монахъ, «а теперь разукрасили получше.» Но все таки не могли испортить, какъ ни старались!

Еще мнѣ понравился разсказъ священника въ Никольскомъ соборѣ про очень древній образъ Николая Чудотворца.

— «Эта икона, какъ стоитъ, такъ и должна стоять; принять ее никакъ невозможно: печать консисторская къ ней приложена. Сія икона много чудесъ дѣлаетъ, да «власти» не дозволяютъ....»

Раскрылась рука Господня и Новгородъ долженъ пасть! Вы, вѣрно, знаете, что когда росписывали Софійскую церковь, то писцы, написавши Христа съ благословляющей рукой, увидѣли на другой

день по утру руку сжатую; писцы поправили — на другое утро тоже. Наконецъ они услыхали голосъ: «писцы, не пишите меня съ благословляющей рукой; напишите съ сжатой дланью; въ этой рукѣ я держу Новгородъ,—когда раскроется рука — падетъ Новгородъ.» Это преданіе мнѣ разсказалъ одинъ здѣшній мѣщанинъ, и прибавилъ: «ручка уже стала разжиматься; больше половины разжалась...» Часто случается, что въ церкви кромѣ попа да дьячка народу нѣтъ Но въ Великомъ Новѣгородѣ этого не хотѣлось бы видѣть: мы, ѣздивши по церквамъ во время вечеренъ, находили всѣ церкви пустыми, а въ одной изъ самыхъ древнихъ церквей, въ церкви Спаса, и попа не нашли: попъ пошелъ, кажется, въ острогъ служить; видите, этотъ попъ служитъ и здѣсь, и къ острогу *прикомандированъ*.

8-го Декабря. Спасо-Писконецъ.

Вчера я выѣхалъ изъ Новгорода на биржевомъ извощикѣ съ И. М. М., который проводилъ меня до Ракомы [1].

Пріѣхавъ въ Ракому, извощикъ остановилъ лошадь у своего знакомаго мужика, а самъ пошелъ съ нами на *пóсидки*.

---

[1] Ракома очень сторинная деревня: тамъ былъ дворъ Ярослава 1, въ лѣтописяхъ объ ней въ первый разъ упоминается по случаю избіенія Ярославомъ Новгородцевъ.

«Войдете, господа, Богу помолитесь, предупредилъ онъ насъ на пути въ избу, въ которой были посидки.

Мы вошли, изба была просторна, въ ней не было ни одного стола; близь передняго угла горѣлъ свѣтецъ съ лучиною, кругомъ стѣнъ по лавкамъ сидѣли дѣвки, до двадцати пяти, и всѣ за пряжей. Дѣвки были одѣты въ сарафаны и повязаны пестрыми бумажными платками по Московски: свернувъ платокъ косынкою и подвязавъ подъ подбородкомъ.

— Здравствуйте, красныя дѣвушки, сказали мы помолясь Богу.

— «Здравствуйте, молодцы хороши!» отозвались въ отвѣтъ однѣ изъ нихъ.

— «Милости просимъ, «проговорили другія, продолжая прясть.

— «Надо дѣвушкамъ свѣчей купить,» сказалъ въ полголоса извощикъ.

— Сколько? спросили мы.

— «Да сколько хотите: какая дѣвушка понравится, той и затопите.»

— Намъ всѣ нравятся, можно всѣмъ затопить?

— «Это еще лучше: значитъ вся посидка понравилась.»

Мы дали нашему наставнику три рубли и велѣли купить пять фунтовъ свѣчей шестерику. Онъ побѣжалъ.

— «Садитесь, мȯлодцы хорȯши, къ нашимъ дѣвушкамъ» сказала одна дѣвка побойчѣй другихъ.

— Позволь мнѣ около тебя сѣсть, проговорилъ я, подойдя къ одной дѣвушкѣ.

— «Садись, рȯдненькій, садись», отвѣчала она, не много подвигаясь, чтобъ дать мнѣ мѣсто.

Между тѣмъ нашъ извощикъ принесъ свѣчей.

— «На-те вамъ свѣчи и сдачу, сказалъ онъ подавая мнѣ и то и другое. Свѣчи пять фунтовъ стоятъ цѣлковый, вотъ вамъ два рубли».

— Затопляй свѣчи, отвѣчалъ я, принимая сдачу.

Тотъ подошелъ къ свѣтцу, въ которомъ горѣла лучина, зажегъ пукъ свѣчей и, подходя къ дѣвушкамъ, передъ каждой ставилъ по свѣчкѣ между льномъ и личинкою [1].

— «Вамъ почтеніе сдѣлали», тихонько проговорила моя сосѣдка.

— Какое почтеніе? спросилъ я.

— «А какъ же: съ васъ взяли цѣлковый за пять фунтовъ свѣчей: много брали, отъ того и уважили».

— А съ васъ сколько жъ берутъ?

— «Мы не покупаемъ; покупаютъ наши мȯлодцы; да покупаютъ они не фунтами, а по свѣчкѣ, по двѣ; такъ съ нихъ-то берутъ за кажинную свѣчку 4 копѣйки; почесь четвертакъ фунтъ-то обойдется.»

---

[1] Здѣсь не употребляютъ гребня, а личинку, къ которой привязываютъ ленъ.

Въ избу стали входить молодцы хороши, по одному, по два и больше. Каждый изъ нихъ, перекрестясь передъ иконой, говорилъ: «Здравствуйте, красныя дѣвушки!» и получалъ въ отвѣтъ привѣтливое: «здравствуйте, молодецъ хорошій!»

Многіе изъ нихъ затопляли свѣчи, ставили за лучинки дѣвушкамъ, тѣ отвѣчали имъ поклономъ: «спасибо, добрый молодецъ», не прерывая работы; а коли пѣлась пѣсня, однимъ поклономъ, не прерывая и пѣсни. За тѣмъ молодцы садились около дѣвушекъ только когда мѣсто не было занято другимъ; въ послѣднемъ случаѣ молодецъ, поставивъ свѣчку отходилъ въ сторону или садился около другой. У многихъ дѣвушекъ горѣло уже по двѣ свѣчи. Дѣвушки въ полголоса разговаривали съ молодцами.

— «Чтожъ вы дѣвушки не поете?» проговорилъ кто-то изъ толпы молодцевъ безъ мѣстъ, т. е. изъ числа тѣхъ, которые стояли около дверей.

— «Да попоемъ-те пѣсенокъ, попоемъ-те пѣсенокъ нашихъ!» отозвалось нѣсколько дѣвушекъ изъ тѣхъ, какъ я замѣтилъ, около которыхъ не было молодцевъ хорошихъ.

Дѣвушки запѣли:

Не сиди-тко Дунюшка, Дунюшка поздно съ вечира (1),
Ты не жги-ль, Дунюшка, огня до билова дня.

(1) Sic. Я записалъ ее съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора и ударенія.

Что до билинькаго до денечка, до краснова солнышка,
Что на утренній-то зари Дунюшка притомилася,
На тесовенькую кровать спать Дуня ложилася.
Что повидѣлся Дунюшки сонъ, сонъ нерадостянъ.
Ни про батюшку Дунюшки сонъ, ни про ро́дную матушку,
Что повидился [1] Дуни сонъ про мила дружка,
Про миляныкаго дружка, Дуни, только про Иванушка.
Вотъ сказали только про не (во), — во даляхъ живя [2],
Да не въ Питерѣ живя, ни въ славно́й Москвѣ,
Что работатъ мой милой въ Новѣгороди,
Да работу работатъ родненькой мой, ни тяжелую
Ни въ работникахъ живя миляныкой, да онъ ни въ прикащикахъ.
Ёнъ живетъ мой милой—самъ хозяиномъ,
Ставитъ миляныкой, ставитъ домы каменны.

— Славная пѣсня, сказалъ я своей сосѣдкѣ. Въ самомъ дѣлѣ эта пѣсня мнѣ понравилась: ложилась Дунюшка не на простую кровать, а на тесовонькую; живетъ мой милой не въ работничкахъ не въ прика-

[1] Я заставлялъ эту пѣсню пропѣть нѣсколько разъ, и каждый разъ пѣли въ 6-мъ стихѣ повидѣлся, въ 8-мъ стихѣ повидился.

[2] Т. е. живетъ въ далекихъ мѣстахъ.

щикахъ.—самъ хозяиномъ! да и не пустымъ дѣломъ милой занимается: ставитъ дома каменны!...

— Славная пѣсня, дѣвушка! нѣтъ ли у васъ еще, спойте.

—« Какъ не быть у насъ пѣсенокъ хорошихъ! отвѣчала моя сосѣдка; послушай родненькій, послушай нашихъ пѣсенокъ хорошихъ.»

Дѣвушки запѣли еще пѣсни, но на мою бѣду не совсѣмъ хорошія. Желая показать, что они дѣвушки *полированныя,* затянули романсы. Впрочемъ, надо правду сказать, довольно трудно было узнать эти романсы: такъ были передѣланы и слова, а въ особенности голоса. Кстати прибавлю, что здѣсь поютъ превосходно; здѣшнія пѣвицы поютъ своими голосами и не насилуютъ ихъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Орлѣ, Тулѣ, Тамбовѣ, Воронежѣ: тамъ и женщины, и дѣвушки стараются пѣть потолще, т. е. по возможности контръ-альтомъ. Еще прибавлю, что здѣшніе голоса хоровыхъ пѣсенъ не испорчены солдатскими пріемами. Вѣрно вамъ случалось слыхать хоръ солдатъ, фабричныхъ и т. п. припомните: запѣваетъ запѣвало; казалось бы, что все будетъ и въ самой разгульной пѣснѣ мирно и свѣтло: Не тутъ-то было! Вдругъ, по командѣ, всѣ судорожно подхватываютъ; за этимъ подхватомъ пѣсня опять пойдетъ своимъ чередомъ, но этотъ перерывъ васъ непріятно поражаетъ. А случается, что

пѣсня и оканчивается тоже вдругъ по командѣ!... Михайло Александровичъ Стаховичъ, котораго мы такъ неожиданно лишились, и отъ котораго мы многаго могли ожидать, говорилъ мнѣ, что подъ команду стали у насъ пѣть со временъ Суворова. На сколько это справедливо, я не берусь рѣшать; могу только сказать, что въ деревняхъ по солдатски не поютъ; мужики, да къ тому коли еще бывалые, случается затягиваютъ:

Графъ Пашкевичь предводитель
Громкимъ голосомъ вскричалъ....

Но отъ женщинъ мнѣ не случалось слышать такихъ пѣсенъ, хотя и онѣ поютъ солдатскія, только не эти; мнѣ часто попадалась, особенно въ послѣднее время; слѣдующая пѣсня:

Какъ сказали другу —
Да на царскую службу!
Плакала — рыдала,
Слезы утирала,
Всеё ночь не спала....

Эту пѣсню я слышалъ въ Орловской губерніи, и въ Новгородской, и отъ солдатъ и отъ женщинъ. Въ солдатскихъ хорахъ запѣваетъ одинъ, а передъ третьимъ стихомъ т. е. передъ словами: «плакала рыдала», какъ будто бросаются на пѣсню, врываются въ нее. Пѣвицы же *пристаютъ* къ пѣснѣ; тоже одна запѣваетъ, а остальныя начинаютъ пѣть, когда которой вздумается: одна съ слова «царскую», другая съ «рыдала», третья

«ночь не спала», какъ придется. Пѣсня идетъ свободно, легко; видно, что пѣсня поется, а не служба справляется. Моя сосѣдка разговаривала со мной, но продолжая въ тоже время участвовать въ пѣсни, бросивъ мнѣ нѣсколько словъ, начинала пѣть, разумѣется, съ того слова или даже слога, который тогда пѣлся.

— «Походимте дѣвушки, походимъ, повеселимъ молодцовъ!» заговорили нѣкоторыя.

— «Походимъ, походимъ!»

— «Ну молодцы хорòши, ходите кто нибудь!»

Не вставая съ мѣстъ и продолжая прясть, онѣ запѣли:

Какъ по первой по порошѣ,
Какъ по первой по порошѣ,
Ходилъ молодецъ хорошей.

При началѣ этой пѣсни, вышелъ одинъ молодецъ хорошій съ платкомъ, и сталъ ходить около пѣвицъ, при словахъ пѣсни:

Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Шелковой-то онъ платочекъ
Дѣвкѣ на колѣни....

Онъ бросилъ платокъ дѣвкѣ на колѣни; та взяла, не спѣша погасила свои свѣчи и поставила прялку([1]) на лавкѣ къ сторонѣ и вышла на средину. Пѣсня, по обыкновенію всѣхъ хороводныхъ (или какъ здѣсь называютъ короводныхъ), оканчивалась поцѣлуемъ.

([1]) Прялкой называютъ здѣсь данце со личинкой; а настоящую прялку самепрялкой.

Послѣ чего, когда молодецъ сѣлъ, стала ходить дѣвушка и бросила.

Шелковый платочекъ
Парню на колѣнки.

Парень вышелъ при концѣ пѣсни, поцѣловалъ дѣвку и началъ ходить подъ ту же пѣсню. Когда дѣло дошло до шелковаго платочка, онъ бросилъ его на колѣни моей сосѣдкѣ. а когда ей пришлось бросить этотъ платочекъ, она бросила на колѣни мнѣ. Дошла очередь и мнѣ выбирать: желая за любезность сосѣдки, выбравшей меня, отплатить ей такою же любезностью, я вызвалъ ее же.

—«Рóдненькій, послушай что я тебѣ скажу, сказала сосѣдка, садясь около меня, у насъ такъ не водится: я тебѣ кинула шелковый платочекъ, а ты ту жъ пору и мнѣ. Такъ-то будетъ зазорно.»

— Да отъ чего же зазорно? спросилъ я.

— «Да ужъ такъ у насъ не повелось, отвѣчала она. Пожалуста, рóдненькій, теперь на первый разъ возьми другую дѣвушку, а на другой разъ хоть и меня.»

Съ часъ продолжался хороводъ, потомъ опять начали пѣть простыя пѣсни: часу до перваго ночи продолжались посидки, я не дождался окончанія и ушелъ не помолясь на иконы и не простясь.

—«Куда тутъ молиться!» сказалъ мнѣ мой наставникъ,—выходя вмѣстѣ со мною,—«какъ кончит-

ся посидка, всякъ дружень схватитъ друженицу, да и пойдетъ куда нужно!»

— Какъ, при всѣхъ? спросилъ я.

— «А чтожъ, колибъ одну, а то вѣдь всѣхъ потащатъ!»

— Ну, а если у которой нѣтъ дружня?

— «А солдаты на что?»

— Что жъ ты не хваталъ? спросилъ я его.

— «Бока берегъ, баринъ», отвѣчалъ онъ: «тутъ у кажинной дѣвки есть дружень; такъ она ужъ съ нимъ и водитъ дружбу. А посторонній сунься-ка: всѣ ребята, не то что одинъ дружень, всѣ на тебя накинутся, да такъ вздуютъ!...»

— А какъ же солдаты-то? спросилъ я.

— «Хороша и дѣвка, коли между своими дружня не найдетъ! Коли дѣвка между своими парнями дружня не нашла: значитъ отпѣтая!»

Здѣсь должно прибавить, что не всѣ дѣвушки заходятъ далеко съ своими дружнями; большею частію дружень беретъ за себя дружницу, совершенно цѣломудренную. Разумѣется не обходится безъ грѣха; и хотя незаконное рожденіе ребенка считается позорнымъ, но не исключаетъ дѣвушку—мать изъ общества: онѣ выходятъ за мужъ чаще не за дружня а на посидкахъ и въ хороводахъ участвуютъ на равнѣ съ другими дѣвушками.

Изъ Ракомы я пошелъ къ Спасо-Пископцу (Спасъ-

Епископецъ). На пути около Самокражи, мнѣ попался Спасо-Пископскій крестьянинъ, ѣхавшій на лошади въ саняхъ.

— «Не по пути ли, ваше степенство?» спросилъ онъ меня. «Коли по пути, подвезть можно.»

— Я иду, почтеннѣйшій, въ Спасо-Пископецъ, отвѣчалъ я ему.

— «Садись со мной», сказалъ онъ, «на лошади въ саняхъ все лучше, чѣмъ ногами работать».

Я сѣлъ на сани и мы доѣхали до Спасо-Пископца. Узнавши, что здѣсь есть харчевня, гдѣ и чай найдется, я предложилъ Леонтію Ивановичу (такъ звали крестьянина) пойдти со мной чайку напиться, на что онъ согласился.

— «Пойду, только лошадь на мѣсто поставлю», сказалъ онъ; «сей часъ приду.»

Я вошелъ въ харчевню, которая помѣщалась въ двухъ комнатахъ и кухнѣ, и въ которой никого не было, кромѣ хозяина да полового мальчика.

Я велѣлъ подать себѣ чаю.

— «На сколько человѣкъ прикажете?» спросилъ меня хозяинъ.

— На двухъ, отвѣчалъ я.

— «Чаю на двухъ, молодцы», пропѣлъ хозяинъ.

Черезъ пять минутъ пришелъ Леонтій Ивановичъ, а черезъ десять подали намъ чай, до того дурной, что я при всемъ моемъ уваженіи ко всякому чаю, никакъ не могъ выпить и одного стакана.

— Вода видно не хороша? сказалъ я Леонтію Ивановичу.

— «Нѣтъ кажись, ничего», отвѣчалъ онъ.

Я съ этимъ никакъ не могъ согласиться, и спросилъ хозяина, какую онъ воду налилъ?

— «Вода-то у насъ не совсѣмъ хороша, отвѣчалъ мнѣ хозяинъ; для чаю вовсе негодится. А если къ тому еще прибавить прикажете, коли воды возьмешь изъ куба, полѣнишься самоваръ поставить, совсѣмъ пить нельзя: рыбой сильно отзываетъ».

— А ты какой налилъ?

— «Да для скорости изъ кубика» отвѣчалъ онъ.

— А можно самоварчикъ поставить?

— «Да я не зналъ, что вамъ не покажется; вотъ этимъ, сказалъ онъ, указывая на моего собесѣдника, что хочешь подай—все выпьютъ! А вамъ сейчасъ самоваръ нагрѣю».

— А что будетъ стоить? спросилъ я.

— «Цѣна таже: десять копѣекъ съ двухъ, у насъ лишняго не берутъ».

Самоваръ былъ поставленъ. Леонтій Ивановичъ между тѣмъ занимался чайкомъ, не обращая вниманія на нашъ разговоръ, даже и тогда, когда до него рѣчь коснулась.

Я у него спросилъ: чѣмъ онъ занимается?

— «Мы ловцы,» отвѣчалъ онъ; «я просто ѣзжу.» а мой братъ *ватàманомъ*. Меньшимъ ватàманомъ,

прибавилъ онъ, *въ двойникахъ*; а захоти: самъ двойникъ наберетъ».

Я сталъ спрашивать у него объ ихъ промыслахъ.

— «Про наши промыслы сказать кромѣ хорошаго нечего: сами Апостолы были рыбарями, по нашему сказать, ловцами. Наши промыслы легкіе, веселые, особливо зимой,—гораздо хороши!»

— А зимой у васъ рыбу не такъ ловятъ, какъ лѣтомъ? спросилъ я, чтобъ какъ нибудь вызвать его на разговоръ.

— «Зимній ловъ, само собою разумѣй, не лѣтній» началъ Леонтій Ивановичъ, »зимой скопляются тридцать два человѣка, а лѣтомъ въ двойникѣ бываетъ всего на все только двадцать»,

Я, какъ самовидѣцъ, могъ повѣрить его разсказы, въ настоящее время, только про зимній ловъ; потому и сталъ спрашивать: какъ они зимой рыбу ловятъ?

— «Настоящіе ловцы зимніе, я говорю, въ два невода ловятъ: это двойники„, началъ разсказывать Леонтій Ивановичъ, отъ времени до времени прихлебывая чаекъ: «вотъ соберется народъ, человѣкъ двадцать ловцовъ, или тамъ тридцать, у кажиннаго ловца шестнадцать сажень сѣтей, а у кажинныхъ двухъ ловцовъ есть по лошади съ санями, со всею снастію, какъ запречь надлежитъ. Соберутся ловцы, человѣкъ двадцать, а больше станутъ собирать до

тридцати одного ловца. Наберутся скоро: на это дѣло охотника много у насъ! Послѣй (1) того скопятся, да и спросятъ: "кому быть ватàманомъ„?—Положатъ на кого: на Ивана-ли Петрова, на Ѳедора-ли Васильева,всѣ къ тому Ѳедору Васильеву и идутъ. А коли случится тутъ Ѳедоръ Васильевъ, то тутъ же ему и объявится, коли же нѣтъ его на ту пору, съ ними идутъ къ нему на домъ. И выбираютъ они ватàманомъ ловца ловкаго, да и знамаго: надо кнѣи (мотня, матка), снасти (веревки) въ долгъ взять. Ловцы сѣти сами вяжутъ, а то и купить не дорого: шестнадцать сажень сѣтей можно взять за десять цѣлковыхъ; ну а кнѣю всегда покупаютъ въ городѣ; за пару кнѣй надо дать 300 рублей ассигнаціями, а дорога пенька—всѣ 100 цѣлковыхъ отдашь; да за снасти цѣлковыхъ 50. По этому самому и выбираютъ ватàмана знамаго, чтобъ ему въ городѣ все что надо въ долгъ дали. Приходятъ къ нему на домъ въ избу....А тотъ Ѳедоръ Васильевъ сидитъ будто ничего и не знаетъ.

— «Что вамъ надо ребята»? скажетъ онъ, да скажетъ онъ такъ сурово. «Зачѣмъ пришли?»

«А тѣ ему въ отвѣтъ:—Такъ и такъ: насъ скопилось тридцать одинъ человѣкъ съ сѣтьми и лошадьми: будь нашимъ большимъ ватàманомъ. А коли

(1) Sic.

нѣтъ тридцати одного ловца; то скажутъ: Насъ собралось двадцать, тамъ что-ль, человѣкъ, али двадцать пять, остальныхъ самъ набери. Будь намъ ватаманомъ большимъ, безъ тебя намъ въ двойнакахъ ходить не приходится.

«Тотъ, по обычаю, сперва на перво поломается: начнетъ говорить, что, «у меня де на то и разума не хватитъ, а безъ большаго разума, какъ я за такое дѣло возьмусь»?—Да это онъ такъ только разговоры разговариваетъ, поговоритъ, и станетъ у нихъ большимъ ватаманомъ. Тутъ большой ватаманъ спроситъ:

— «Кого же, мы ловцы, поставимъ малымъ ватаманомъ?»

«Ну тѣ и положатъ, къ примѣру сказать, хоть на тебя, али тамъ на меня, али еще на кого: тотъ тоже отговаривается, да только поменьше, да и гораздо поменьше, пойдетъ въ малые ватаманы. Тамъ бо́льшій ватаманъ скажетъ:

— «Кому рѣльщикомъ быть?»

«Рѣльщикъ ватаману подручный, тоже большой человѣкъ, безъ рѣльщика ватаманъ водки не пьетъ. Выберутъ двухъ рѣльшиковъ, кажинному ватаману по рѣльщику, а кажинному ватаману и кажинному рѣльшику по пѣхарю, да еще четыре воротильщика, что во́ротъ ворочаютъ, а остальные просто ловцы. Ну, а когда не наберется тридцать два ловца, у кого есть сѣти да лошадь, нанимаютъ рублей за десять

серебромъ въ зиму казаковъ—такъ у насъ зовутъ бездомныхъ работниковъ. Какъ только всѣхъ выберутъ, затопятъ (затеплятъ,) Богу свѣчку, помолятся Богу, поцѣлуютъ образъ-икону. Помолясь, и ни одинъ уже ловецъ не отойдетъ въ другой двойникъ, не моги до поры до времени слова сказать! Помолясь Богу и отстать нельзя: недаромъ Бога цѣловали! Помолясь Богу, сядутъ за столъ, выпьютъ винца (вино это и обѣдъ—большой ватаманъ покупаетъ, а послѣ съ добычи вычитаютъ). За столъ посадятъ большаго ватамана въ переднiй уголъ, а малый ватаманъ угощаетъ.»

— А жена большаго ватамана? перебилъ я.

«Той когда же? Отвѣчалъ Леонтiй Ивановичъ: той въ пору успѣть подавать!....вотъ и скажетъ большой ватаманъ:

— «Ну ребята, собираться тогда-то, а пока надо невода, баломуты справить.»

«Всѣ уже и слушаютъ. Какъ прикажетъ ватаманъ, такъ и скопится къ нему вся братiя невода сшивать. Кажинный принесетъ съ собою свою сѣть шеотнадцать сажень, сошьютъ въ четыре крыла: по два крыла на неводъ. А бо́льшiй ватаманъ, человѣкъ бывалый, выбираетъ день легкiй, гла̀за, да и дурнаго дѣла боится. Случается ватаманъ и самъ на тѣ дѣла ходокъ, тотъ самъ перехитритъ; если же плохъ— дожидается пока главные дѣльцы на озеро поѣдутъ;

а то такъ сдѣлаетъ: будешь съ нимъ бокъ о бокъ ловить —у него тоня въ триста рублей и больше, а ты на рубль серебра! А то и того хуже, грязи захватишь, весь день провозишься, бываетъ—пробьешься и двое сутокъ».

— Скажи пожалуста, Леонтій Ивановичъ, спросилъ я, какъ это грязи захватишь?

— «А эта грязь бываетъ, ваше степенство, когда ледъ неблагополучно станетъ: въ большіе вѣтры станетъ озеро, дѣлаются бугры льду съ низу и борютъ невода, такъ бываетъ, что невода ночуютъ подо льдомъ: назадъ вытягиваютъ, а то сперва вытянутъ одно крыло, а послѣ другое».

— Ну а, выбравши день, у кого собираются? спросилъ я. Да и когда же день тотъ назначаютъ?

— «А назначаютъ тотъ день у насъ зимніе ловцы, какъ только озеро станетъ, продолжалъ Леонтій Ивановичъ; всѣ сходятся къ большому ватаману, затопятъ свѣчу, выпьютъ винца, пообѣдаютъ, все тѣмъ же порядкомъ, какъ и прежде, и съ того часу ватаманъ большой полный хозяинъ, хоть до полусмерти убьетъ кого: никто до поры до времени не смѣй слова сказать. Пообѣдаютъ и поѣдутъ на озеро. Въ этотъ день они только одну тоню и сдѣлаютъ: своего счастья попытать; да и рыбу ту не продаютъ, сами съѣдятъ. Послѣ того уже ватаманъ скажетъ день, въ который скопляться на настоящій ловъ. Со-

берутся и поѣдутъ. Закинутъ тоню, вынутъ. Бо́льшой ватáманъ сказано всему хозяинъ: вынутъ тоню, онъ и скажетъ мокряку, за сколько ее рыбакамъ, отдавать; мокрякъ и не смѣетъ ее дешевле спустить.»

— Мокрякъ кто такой? спросилъ я моего разскащика.

— «А мокрякъ изъ нихъ же бываетъ, по очереди, отвѣчалъ онъ. «Нынче одинъ мокрякъ, завтра другой, всѣ бываютъ, окромѣ ватáмановъ и рѣльщиковъ; для того, нельзя имъ у себя денегъ держать. Какъ скажетъ ватáманъ мокряку цѣну, тотъ дешевле не можетъ продать, дороже—лучше для всей братіи,—дороже—продавай. А коли рыбаки ватáманской цѣны не дадутъ: мокрякъ ночь ночуй, не дадутъ на другой день—другую: на третій день только съ озера можно эту рыбу свезти. Самъ ватáманъ не можетъ: отъ того что.... ну, да это послѣ. Вотъ какъ мокрякъ продастъ рыбу, деньги возьметъ у рыбаковъ, и пойдетъ къ братіи на другую тоню. Другую тоню, если бываетъ, онъ же продаетъ; сколько тонь закинутъ въ тотъ день—во всѣхъ онъ мокрякъ и всѣ деньги себѣ подъ сохранъ беретъ. Ватáманъ себѣ ни гроша не оставляетъ. Даромъ хоть отдáвай всю, пока ватáманомъ,—никто слова сказать не скажетъ, только денегъ брать не можетъ".

— Да какъ же такъ? Ну онъ сойдется съ какимъ нибудь обманщиковъ, будетъ говорить, что даромъ

отдаетъ, а съ него будетъ деньги брать? спросилъ я.

— «Этого на братіи сдѣлать нельзя,» убѣдительно сказалъ Леонтій Ивановичь, а почему этого сдѣлать на братіи нельзя, не сталъ онъ и разговаривать объ такомъ, по его мнѣнію, невозможномъ дѣлѣ.

— «Какъ скопится у ловцовъ много денегъ, большой ватаманъ и велитъ расправѣ быть. Скопятся.— Большой ватаманъ сядетъ за столъ, а всѣ ловцы стоятъ. Большой ватаманъ и скажетъ: «У тебя столько-то денегъ!» А тотъ ловецъ, къ которому тѣ слова были, ему подаетъ деньги. Ватаманъ приметъ и положитъ на столъ. Тамъ у другаго спроситъ, возьметъ и тоже положитъ на столъ. Оберетъ у всѣхъ, кто въ мокрякахъ былъ, и всѣ деньги тѣ на столѣ лежатъ. Ватаманъ при всѣхъ пересчитаетъ деньги. Всѣхъ денегъ къ примѣру двѣсти рублей; изъ этихъ денегъ за кнѣи можно отложить сто что-ль рублей, на церковь Божію столько-то, за прогулы (1) столько, на водку, если ловъ былъ хорошъ! И никто ему на то ни слова не скажетъ, хоть всѣ деньги пропить велитъ! Отложивъ сколько надо, ватаманъ дѣлитъ всѣмъ ловцамъ: на ловца съ лошадью двѣ части, а на пѣшаго одну, и отдаетъ тѣ деньги кажинному ловцу самъ въ руки, и себѣ оставляетъ равную часть. Такія-то расправы бываютъ во всю зиму до чет-

---

(1) На общіе прогулы, на угощенія у большаго ватамана.

верга, пятницы, или субботы на масляной. Тогда ватаманъ велитъ быть большой расправѣ. Большая расправа бываетъ такая же, какъ малая, только бо́льшой ватаманъ отсчитаетъ на той большой расправѣ деньги, коли остались что, да этого и не бываетъ, за кнѣи, да за снасти, а на водку не откладываетъ, а послѣ скажетъ: «надо на церковь Божію отложить!» Если хорошъ былъ въ ту зиму ловъ, отложатъ больше: бываетъ рублей пятнадцать, а бываетъ и по рублю, и тѣ деньги отдаютъ попу, на Святой недѣлѣ, на церковь. И на то ему никто не говоритъ ни слова; развѣ какой изъ другаго прихода, такъ скажетъ; «дай мнѣ, ватаманъ, мою часть, не хочу я своей церкви обижать!» Ватаманъ и отдаетъ ему часть, а тотъ отнесенъ деньги эти въ свою церковь, а спорить не смѣетъ. Какъ только кончится расправа, ватаманъ встанетъ, да и спроситъ: «хотите ли, братцы, на тотъ годъ со мною рыбу ловить?» Если онъ не хорошо, имъ служилъ, всякъ ему свою правду выскажетъ, разберутъ неводъ, всякъ свою сѣть, кнѣю, снасти продадутъ, деньги раздѣлятъ и разойдутся. Колижъ все было ладно, ловцы вата́мана поютъ водкой, а вата́манъ подноситъ всей братіи. Гульба пойдетъ такая, что и Боже мой! На тотъ пиръ никому, кромѣ той братіи, и придти нельзя; развѣ когда бо́льшой вата́манъ позоветъ... Пройдетъ масляница,—въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ зубы полоскать; да такъ

наполощутся, что во вторникъ, а то и въ среду опохмѣляться надо! Кончится гульба, ватаманъ скажетъ: опять выѣзжать. Опять выѣдутъ на озеро и ловятъ пока забереги ([1]) пойдутъ, съ тѣмъ же ватаманомъ, коли хорошо служилъ,—а нѣтъ, такъ съ новымъ, которому обѣщались на зиму. Пойдутъ забереги и разойдутся до зимы, а зимой ужъ приходятъ къ ватаману своему.»

Простившись съ Леонтіемъ Ивановичемъ, я хотѣлъ ѣхать на озеро посмотрѣть ловцовъ на мѣстѣ, да въ субботу былъ Николинъ день, вчера воскресенье; нынче не поѣхали.

— «Заворожка вышла», говорили мнѣ: «такъ, братецъ ты мой, отдѣлаютъ, что на десять цѣлковыхъ во всю недѣлю не наловишь; знамое дѣло: ловца тоня кормитъ, такъ одинъ другова и боится; вотъ и положили ѣхать завтра; всѣ и остались, да и гуляютъ.»

Въ самомъ дѣлѣ, гульба идетъ страшная! человѣкъ болѣе полутораста по улицѣ поютъ пѣсни и ѣздятъ на ловецкихъ лошадяхъ.

9 Декабря. Спасо-Пископецъ.

На канунѣ я нанялъ лошадь съ проводникомъ

([1]) Забереги т. е. когда вода покажется около береговъ.

ловцомъ, который чѣмъ свѣтъ разбудилъ меня, и мы вышли съ нимъ на улицу.

Почти передъ самымъ солнцемъ съѣхались на улицѣ въ Спасо-Пископцѣ три двойника. Каждый двойникъ стоялъ отдѣльно отъ другаго, и я сталъ около одного изъ нихъ, именно того, къ которому принадлежалъ мой провожатый. Бо́льшой ватàманъ подъѣхалъ, посмотрѣлъ на всю братію и не спѣша, степенно, спросилъ:

— «Всѣ наши здѣсь?»

Ловцы переглянулись другъ на друга, и тоже не спѣша отвѣтили ему голосовъ въ шесть-семь: «Всѣ!»

— «Ну, съ Богомъ!» сказалъ ватàманъ, снялъ шапку, а за нимъ и вся братія перекрестились нѣсколько разъ на востокъ, сѣли и поѣхали. Бо́льшой ватàманъ впереди, малый за нимъ, тамъ два рѣльщика и у каждаго изъ нихъ по пѣхарю, а за ними на четырехъ лошадяхъ ворота съ воротильщиками, на двухъ лошадяхъ съ кругами (толстыми веревками, сложенными въ круги), на шести лошадяхъ невода. Въ одно время съ ними отправились и другіе двойники, въ такомъ же порядкѣ, какъ и первый.

По отъѣздѣ ловцовъ я съ своимъ товарищемъ пошелъ пить чай и на этотъ разъ самъ хозяинъ попросилъ меня подождать самоварчика: «изъ кубика-де вода будетъ не такъ-то хороша.»

— Скажи пожалуста, спросилъ я своего проводника за чаемъ, издалека пріѣхали эти ловцы?

— «Да изволишь видѣть, ваше степенство, всѣ поозо́ры, кто ловцомъ, т. е. кто рыбу ловитъ, а кто рыбакомъ—кто рыбу покупаетъ; только всѣ въ озерѣ, всѣ озеромъ живутъ. А зимніе двойники на этомъ берегу, отъ Юрьева до Ретли (¹), а надъ всѣми ими Спасо-Пископецъ: сюда всѣ рыбаки скопляются.»

Напившись чаю, мы поѣхали на озеро. Ильмень въ полую воду подходитъ къ самому Спасо-Пископцу, а сильною водою и берега подмываетъ; въ послѣдніе двадцать лѣтъ около Спасо-Пископца отмыло саженъ на двадцать. Старики помнятъ берегъ на версту дальше нынѣшняго. Когда вода сойдетъ,—до озера версты двѣ. Зимой нельзя замѣтить, гдѣ начинается озеро: такъ пологи берега.

— А какая вода лучше для ловцовъ, спросилъ я своего спутника, сильная или малая?

—«Какъ можно!» отвѣчалъ онъ: «въ малую воду рыба лучше ловится: рѣки мелѣютъ, рыба и сваливается въ озеро; а въ сильную—вся по рѣкамъ разойдется, да въ рѣкахъ почитай все лѣто и живетъ; для насъ

(¹) Эти селенія слѣдующія: Спасъ-Пископецъ, Лука, Погостъ, гдѣ живутъ крылошане, Самокража, Ондворъ, Козынево, Бабки, Мо́рино, другое Мо́рино, Ракома, Троица, Юрьево, Медвѣжья Голова, Розшибъ, Три Отроки, Лѣсья Горка, Милославское (Милёславьсько), Моисѣевица, Егорій, Васильевское, Лукиншино, Сдринага, Картово Донецъ, другой Донецъ, Верховье, Хотинъ, Либоѣжа, Гвоздецъ, Липица, Заболотье, Курицкая, Новолокъ, Еровица, Ероново, Ямокъ, Островокъ, Сергова, Завола.

зимнихъ двойниковъ все едино, а для лѣтнихъ гораздо, гораздо хуже.»

Выѣхавъ на озеро, мы взяли нѣсколько на востокъ отъ дороги на Ужинъ и, проѣхавши версты двѣ-три, увидали до восьмисотъ саней съ сѣдоками: на саняхъ, непремѣнно сѣдокъ, хотя бы мальчикъ, или даже дѣвочка.

— Зачѣмъ столько народу собралось? спросилъ я своего проводника.

— «А рыбу покупать у двойниковъ-ловцовъ, отвѣчалъ онъ: это все рыбаки. Сюда пріѣзжаютъ верстъ за пятнадцать, а то и больше.»

Шумъ былъ страшный между рыбаками; но очень немногіе, не болѣе сотни, толковали о дѣлѣ, прочіе же разговаривали кой о чемъ; дѣти играли. Изъ толковавшихъ о дѣлѣ на первомъ планѣ стоялъ мужикъ, съ окладистой бородой, въ новомъ дубленомъ полушубкѣ, сверхъ котораго былъ надѣтъ на распашку тулупъ тоже дубленый.

— «Всѣ двойники на озерѣ?» спросилъ онъ громкимъ, зычнымъ голосомъ.

— Теперь всѣ выѣхали! проговорили нѣкоторые.

— «Ну, слушай!» крикнулъ первый, «отступнова— рыбакамъ на кажинную дугу по гривеннику!»

— Какъ можно по гривеннику! зашумѣли въ толпѣ: теперь ловъ хорошій! Не грѣхъ прибавить! Рубль пять надо дать! Три гривенника!

— «Еще что тамъ врать!» вскрикнулъ опять дубленый тулупъ: «сказано по гривеннику, и будетъ!»

Въ толпѣ еще раздавалось: «Три гривенника! Четвертакъ! Хоть пяти-алтынный бы дать!» но тулупъ сталъ толковать съ своими, т. е. съ дѣловыми.

— «Ну давай разсчетъ дѣлать: сколько рыбаковъ надо оставить», началъ тулупъ: «къ Спасо-Пископскимъ на двухъ по 8, да Егору Степанову 7; на Самокражу Семенову 6, да Ивану Петровичу 8....»

— Къ Петру Семенычу можно прибавить, сказали въ толпѣ.

— Будетъ и шести! заспорили другіе!

— «Будетъ шести!» сказалъ тулупъ: «на Ретлю(1) пять: онъ прошлую недѣлю плохо ловилъ: рыбаки за нимъ даромъ проѣздили!....»

Такимъ образомъ, иногда немного поспоривъ, иногда настаивая, иногда уступая, онъ разсчиталъ на десять двойниковъ 68 человѣкъ рыбаковъ—.«Кто на озерѣ останется?» спросилъ онъ послѣ разсчета: «отходи!»

Въ сторону отошло человѣкъ до восьмидесяти; сосчитали, бросили жеребій кому отходить; потомъ сосчитали, сколько дугъ осталось, и оставшіеся ры-

(1) На всемъ озерѣ десять большихъ ватамановъ-двойниковъ; всѣ они живутъ на западномъ берегу: въ Спасо Пископцѣ 3, въ Самокражѣ 2, въ Милославьскѣ 2, у Егорья 1, съ Малаго Бору (Борку) и, съ Ретли 1. Еще есть одинъ съ Трехъ-Острововъ, у того въ двойникѣ 8 человѣкъ.

баки на всякую дугу дали по гривеннику. Съ каждой дугой, т. е. запряженной лошадью долженъ быть кто нибудь, хоть маленькая дѣвочка; въ противномъ случаѣ дуга лишается права на отступной гривенникъ.

Я сѣлъ въ сани и поѣхалъ на тоню.

— Скажи пожалуйста, спросилъ я своего проводника: за что же рыбаки платятъ отступнаго всѣмъ, кто пріѣдетъ на озеро?

— «Такой законъ, ваше степенство», отвѣчалъ мнѣ мой проводникъ: «всѣ рыбаки, сколько ни наесть, отъ Юрьева до Ретли, всѣ пріѣзжаютъ; а чтобъ даромъ не ѣздить, получаютъ, значитъ, по гривеннику. Да и всѣмъ даютъ, кто на озерѣ случится: коли хотите, подходите, и вамъ дадутъ», прибавилъ онъ усмѣхаясь.

— Нѣтъ, за это спасибо, сказалъ я, а скажи пожалуйста: зачѣмъ законъ такой положенъ? Вѣдь ихъ подводъ слишкомъ семьсотъ осталось, по гривеннику выходитъ слишкомъ семьдесять рублей,—эти деньги съ ловцовъ же выручаютъ.

— «Безъ этого нельзя«, отвѣчалъ онъ:« имъ тоже хлѣбъ надо дать, оттого такой законъ изъ поконъ вѣку и положенъ: мы за этимъ не гонимся! Да и правду сказать: не всегда столько народу и скопляется: другой разъ пріѣдетъ дугъ пятьсотъ, не больше.»

Мнѣ говорилъ мой проводникъ, что онъ за себя поставилъ козака на этотъ день, чтобы ѣхать со мною.

— Сколько ты заплатилъ за день козаку? спросилъ я его.

— «Да заплатилъ дорого: пятнадцать копѣекъ,» отвѣчалъ онъ: «случается дешевле нанимаемъ.»

— Какъ же такъ: ты нанялъ работать за пятнадцать копѣекъ, а тѣ даромъ получаютъ почти по стольку же?

— «Да онъ безъ лошади!«

— Но все же мнѣ кажется, что козаку супротивъ рыбаковъ дали мало.

— «Да козаку-то заплатилъ я одинъ,» говорилъ мнѣ проводникъ,«а рыбакамъ міръ платитъ: оно и легко. Ваше степенство говоришь: съ насъ съ ловцовъ рыбакамъ деньги сходятъ. Слушай: всѣхъ двойниковъ десять, въ кажинномъ двойникѣ тридцать два человѣка; это выходитъ всѣхъ 320 человѣкъ; да съ Трехъ-Островов Тарасъ Ивловъ,—у того 8 человѣкъ: имъ и легко платить; а я одинъ отдавай деньги своему козаку!»

Противъ этой логики я спорить не могъ.

— Скажи пожалуйста, спросилъ я, немного помолчавъ: я хочу купить у ловцовъ рыбы?

— «Сперва, когда жеребій трясли», отвѣчалъ онъ, «можно бъ было: недостало бы жеребья—купилъ, а теперь ни за какія деньги тебѣ ловецъ не продастъ: нельзя; всю рыбу продавай рыбакамъ, что по жеребью достались.»

— Ну коли дешево дадутъ?

— «Два дни все-таки не смѣй съ озера свозить, а на третій день вези куда хочешь; только это ужъ плохо: поволочится по льду, лицо и сдастъ; да и прогулъ къ тому жъ!»

— Какъ же рыбаки покупаютъ у ловцовъ, допрашивалъ я проводника: одинъ передъ другимъ цѣну набиваютъ, или столкуются прежде?

— «Какъ можно набивать цѣну!» отвѣчалъ проводникъ:« этакъ въ задоръ войдешь, и не вѣсть что надѣлаешь! Рыбаки тоже покупаютъ рыбу скопомъ: ты говоришь: покупаю, торгую на рубль, я говорю на два, тотъ на три; такъ и дѣлятъ всю рыбу.»

— А если я скажу, что всю рыбу оставляю за собой, сказалъ я, не понимая въ чемъ дѣло: тогда какъ же другіе-то?

— «Да не то», проговорилъ онъ мнѣ съ досадою, видя мою непонятливость: «не то: сколько у кого капиталу, тотъ противъ капиталу и беретъ часть.»

— А если я скажу, что у меня капиталу сто тысячъ, а у меня ихъ нѣтъ?

— «Міръ не обманешь!» отвѣчалъ онъ мнѣ, и я не сталъ больше на это возражать.

Проѣхавши версты полторы-двѣ по озеру, мы увидѣли ловцовъ, которые, вынувши одну тоню, ѣхали на другую.

— Отчего у большаго ватамана лошадь-то хуже всѣхъ? спросилъ я у проводника.

— «Такъ случилось», отвѣчалъ онъ мнѣ: «эта лошадь не ватаманская; ватаманская вонъ подъ кругами.»

— Отъ чего же онъ на своей лошади не ѣздитъ?

— «Случается ѣздитъ и на своей, когда очередь достанется», отвѣчалъ онъ: «лошадей запрягаютъ по очереди; ватаманъ свою лошадь отдаетъ на братію, для того, что для лошади работа не ровна—запасъ тяжело возить, рѣльщика легче.»

— А если лошадь пропадетъ?

—«Случается падетъ, или въ щель (1) угодитъ: міромъ съ добычи покупаютъ.»

Калякая съ своимъ товарищемъ, мы проѣхали за ловцами, ѣхавшими въ прежнемъ порядкѣ, еще версты полторы или двѣ; потомъ большой ватаманъ взялъ нѣсколько вправо, а малый влѣво, каждый съ своимъ неводомъ, рѣльщиками, пехарями и проч. Когда ватаманы разъѣхались на полверсты или немного менѣе, большой ватаманъ показалъ мѣсто *слива-*

(1) Въ большіе морозы на Ильменѣ озерѣ ледъ трескается во всю длину или ширину отъ берега до берега, и даетъ щели, въ оттепель ледъ сдвигается и, разумѣется, сходится не по прежнему, а находитъ одна льдина на другую, и образуетъ гряду, которую на дорогахъ пробиваютъ. Щели ловцы тоже считаютъ своею обязанностію на дорогѣ задѣлывать, что очень не трудно: отколятъ льдину и подвинутъ къ трещинѣ.

ломъ—такъ, съ сѣткой лопата, какъ мнѣ еще прежде объяснили.

— «Становись здѣсь!» сказалъ ватаманъ.

— «Значитъ, нашелъ мѣсто, гдѣ задорку быть, т. е. поддавкѣ», вполголоса проговорилъ мнѣ мой провожатый: «сейчасъ пехаря ... ишь какъ пхутъ пехаря пешнями!»

Въ-самомъ-дѣлѣ пехаря молодецки работали своими пешнями (ломъ съ рукояткой) и разомъ пропехали задорокъ, или поддавку, т. е. прорубили пролубь въ квадратный аршинъ.

— «Здѣсь не пропхнутъ въ задорокъ рѣль-то (шестъ), рѣль-то десять саженъ печатныхъ», продолжалъ мой товарищъ: «здѣсь мѣсто мелкое.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, ватаманъ приказалъ прибавить еще пролубь аршина на два въ длину и на четверть въ ширину, такъ что эта пролубь имѣла форму лопаты. Потомъ спустилъ въ задорокъ свою рѣль, къ которой была привязана веревка въ палецъ толщиною-потомъ рѣльщикъ опустилъ свою. Пехаря, расходясь подъ тупымъ угломъ, чтобъ распустить неводъ почти во всю его длину, пробивали для ватамана и рѣльщика углы, т. е. дырья въ четверть кругомъ; ватаманъ пошелъ правою стороною, а рѣльщикъ лѣвой, оба съ кутой ([1]), которою, опуская ее въ углы, ло-

(2) Кута́ дѣлается изъ деревянной палки толщиной пальца въ два съ половиной и длиной аршина 2, ½ къ одному концу придѣлываются

вили рѣль и гнали впередъ; случалось, что рѣль не попадала на уголъ, тогда ватаманъ или рѣльщикъ, какъ случится, сякомъ (1) щупали рѣль и проводили къ углу; иногда рѣль зацѣплялась подо льдомъ, рѣльщикъ наваливался на куту, рѣль спускалась ниже и проходила. Углы пехаря рубили одинъ отъ другаго на разстояніи саженъ девяти, а когда вышли тонкія веревки, къ нимъ привязали круги, т. е. толстыя веревки, за которыя тянутъ неводъ. Тонкія веревки *спускаютъ* руками, а толстыя *тянутъ вóротами* (2). Малый ватаманъ въ то же время дѣлалъ тоже самое, только стоялъ не съ правой стороны, а съ лѣвой, т. е. противъ большаго ватамана, а его рѣльщикъ противъ рѣльщика большаго ватамана. Когда они подошли одинъ къ другому, на половину или немного больше, они стали съуживать неводъ. Когда ватаманы сошлись, пехаря пробили высохъ (пролубь, аршина въ два въ длину и четверти въ три шириной).

— «Кольца!» сказалъ большой ватаманъ.

Пехаря, не говоря ни слова, въ одну минуту про-

вилочки, которыми захватываютъ рѣль и гонятъ впередъ, а съ другаго очень пологую дугу въ ширину груди; когда рѣль зацѣпитъ за ледъ, на эту дугу налягутъ, рѣль спустится ниже и ее легко гнать впередъ.

(1) Сякъ—деревянный шестъ съ загибиной.

(2) Ворота: утверждаютъ вертикально на саняхъ ось, на которую надѣваютъ бочку, на бочку же наворачиваютъ канатъ, а чтобъ сани не двигались. къ нимъ привязываютъ топоръ, который вбиваютъ въ ледъ.

рубили четыре дыры, тоже въ четверть кругомъ, отступя отъ высоха на аршинъ.

— Это для чего? спросилъ я у товарища своего, съ которымъ мы подошли къ высоху.

— «А вонъ видишь кольца — для нихъ», отвѣчалъ онъ: указывая на четыре шеста, длиною аршина три, на концахъ которыхъ были на-крѣпко придѣланы желѣзныя кольца, вершка два съ половиною въ діаметрѣ.

— А эти кольца для чего?

— «Нижнюю тетиву къ землѣ прижимать, нето вся рыба внизъ уйдетъ: станутъ неводъ вытягивать, вытянутъ близко къ высоху, неводъ-то и привздынется, а какъ кольцами-то навалятся, рыбѣ-то въ нихъ уйдти и нельзя, а коли выскочитъ изъ одного невода, въ другой сигнетъ: все тутъ останется.»

Стали показываться крылья невода.

— «Держи кольца!» громко сказалъ большой ватаманъ, становясь съ сливаломъ противъ высоха.

Колечники опустили въ колечныя дыры свои кольца и сильно на нихъ навалились.

Стали вытаскивать неводъ; по мѣрѣ того какъ вынимали изъ воды, его укладывали на сани. Ловцы въ кожанныхъ передникахъ и въ тягухахъ (рукавицахъ, что воды не боятся) подошли, стали въ два ряда и начали тянуть неводъ; въ это время колеч-

ники сильно напирали на нижнюю тетиву своими кольцами, воротильщики вòротами тянули канатъ.

—« Зазѣвался! » крикнулъ большой ватаманъ на одного колечника, который, повернувшись на мгновеніе, далъ приподняться на четверть своему крылу.

Большой ватаманъ весело посматривалъ, съ какимъ-то достоинствомъ, выбрасывая сливаломъ ледъ изъ высоха, притащенный неводомъ.

—« Это-то и ѐсть грязь », вполголоса сказалъ мнѣ мой товарищъ.

Еще далеко было до кнѣи, а въ крыльяхъ уже много попадалось рыбы и вцѣпившихся раковъ; но ловцы на рыбу не обращали никакого вниманія: она оставалась на тѣхъ же крыльяхъ, только мальчишки, которыхъ было здѣсь десятка полтора, увидавъ крупную рыбину (1), бросались за нею. Бòльшею частію на мальчишекъ не обращали вниманія; только крикнетъ кто нибудь изъ ловцовъ, коли ему мѣшаютъ:

—« Куда ты, малецъ!.... Э, пострѣлъ! »

На что малецъ-пострѣлъ тоже съ своей стороны рѣшительно не обращалъ никакого вниманія, лѣзъ за другой рыбиной, па что тотъ же ловецъ не говорилъ ему ни слова.

Но возгласы были очень рѣдки, и ловцы, молча,

---

(1) Рыбиной называется *одна* рыба; *рыба*—имя собирательное.

сильно тянули неводъ: во всемъ было видно какое-то удивительное спокойствіе, величавость.

—« Эко сколько этой дряни—раковъ набралось!« сказалъ мой проводникъ.

— Отъ чего же дряни? спросилъ я.

—« Да вѣдь ракъ вцѣпится въ неводъ, его и не отцѣпишь», отвѣчалъ онъ: «случится весь неводъ стянуть; такъ мы ихъ ногами мнемъ..... руками ничего не сдѣлаешь.»

— А вы раковъ не продаете?

— «Кому на озерѣ продашь! А въ городъ везти нельзя: ракъ морозу боится.»

На крыльяхъ больше-и-больше показывалось рыбы, мальчишки чаще-и-чаще бросались за большой рыбиной.

— «Матка близко!» крикнулъ большакъ.

Всѣ ловцы, тянувшіе неводъ, дружно встряхнули крылья невода и вся рыба, взлетѣвъ на сажень къ верху, свалилась въ высоху.

— «Разомъ! разомъ!» опять крикнулъ ватаманъ.

И опять ловцы встряхнули рыбу къ маткѣ.

— «Матка показалась», сказалъ ловецъ.

— «Кольца отнимай!» отдалъ приказъ большой ватаманъ.

Пущенныя колечниками кольца почти вылетѣли изъ воды.

Стали вытаскивать матню. Рыба въ ней заполо-

скалась, забилась. Вытащивъ матню, отнесли ее отъ высоха сажени на двѣ и высыпали рыбу на ледъ. Большой ватаманъ подошелъ къ рыбѣ; къ высоху подошелъ малый ватаманъ; и его ловцы стали вытаскивать свой неводъ, тѣмъ же порядкомъ, только безъ колечниковъ; кольца были вынуты въ одно время съ первыми. Большой ватаманъ *сливаломъ* сталъ отбрасывать большую рыбу въ сторону, а рыбаки, наскобливъ топоромъ снѣгу, стали имъ пересыпать рыбу, чтобъ не смерзлась. Вынули матню малаго ватамана, и рыбу высыпали отдѣльно; большой ватаманъ и тамъ отбрасывалъ большую рыбу; рыбаки тоже пересыпали снѣгомъ. Большой ватаманъ что-то шепнулъ одному ловцу, на тотъ разъ бывшему мокрякомъ, и всѣ отошли, и рыбаки и ловцы, въ сторону.

—« Теперь, ваше степенство», училъ меня проводникъ: «коли хотите, можно поподчивать ватамановъ.»

Я изъявилъ на это свое согласіе.

—« Петръ Егоровичь, Алексѣй Семеновичь!» сталъ онъ звать ватамановъ: «подойдите сюда: вотъ его степенство хочетъ васъ поподчивать.»

Къ намъ подошли четыре мужика, два ватамана и два рѣльщика, въ крѣпкихъ тулупахъ, въ осташковскихъ сапогахъ.

— «Здравствуйте, ваше степенство!» сказалъ мнѣ

большой ватаманъ, снявъ шапку, поклонился мнѣ и тотчасъ же надѣлъ; онъ, сознавалъ, что такому человѣку, какъ большой ватаманъ, непристойно стоять безъ шапки ни передъ какимъ лицомъ.

Всѣ мнѣ поклонились и тоже надѣли шапки; я имъ тоже поклонился.

— «Что, ваше степенство», началъ большакъ: «пріѣхали посмотрѣть на наши промыслы?»

— Да, пріѣхалъ полюбоваться, отвѣчалъ я.

— «На наши промыслы много народу ѣздитъ взглянуть», степенно сказалъ ватаманъ.

Мой проводникъ между тѣмъ досталъ два полуштофа водки, одинъ сунулъ, ни слова не говоря, рѣльщику, а другой откупорилъ.

— «Забылъ, бѣда, стаканчикъ захватить», торопливо проговорилъ онъ: «да и закусить не взялъ. Большой ватаманъ, дай рукавицу!»

— «У насъ и закусить найдется», сказалъ ватаманъ, подавая рукавицу: «горячаго нѣтъ, а рыбничекъ (1) у всякаго за пазухой; безъ того нельзя: цѣлый день не ѣвши нельзя; варить на озерѣ негдѣ, такъ хоть сухова пожуешь.»

Мой проводникъ налилъ въ рукавицу водки и поднесъ большому ватаману.

---

(1) Пирогъ съ рыбой.

— «Подноси его степенству», сказалъ онъ, отстраняя рукавицу и указывая на меня.

— Я не хочу, отвѣчалъ я ему: я привезъ водку, васъ поподчивать.

— «Намъ безъ васъ пить не приходится», проговорили и ватаманы и рѣльщики: «безъ хозяина какое питье! Безъ хозяина питья не бываетъ!»

Я хлебнулъ; мнѣ подали начатый рыбникъ. Мой проводникъ долилъ и подалъ большому ватаману.

—« Будь здоровъ!» сказалъ онъ мнѣ и полегоньку выпилъ.

Проводникъ, поднеся другому ватаману, откупорилъ другой полуштофъ, далъ рѣльщику рукавицу, исправлявшую должность рюмки, налилъ въ нее водки, встряхнулъ, посмотрѣлъ на полуштофъ, еще подлилъ и отрывисто сказалъ: «пей!» Тотъ выпилъ; напослѣдокъ онъ вылилъ остальное и подалъ другому рѣльщику.

— «Ну, ваше степенство, возьми у насъ рыбки» сказалъ мнѣ большой ватаманъ.

— Сдѣлай одолженіе, продай!

— «А много ли вашему степенству надо?» спросилъ меня большой ватаманъ.

— Да на уху только, отвѣчалъ я.

— «Объ этомъ тебѣ съ нами нечего разговаривать! Семенъ». сказалъ онъ, обращаясь къ моему проводнику: «отбери его степенству рыбки получ-

ше—на ушку, да лещика два-три побольше—зажарить!»

Мнѣ не хотѣлось даромъ брать у нихъ ни рыбки на ушку, ни лещика зажарить; но мой Семенъ выбралъ рыбу что̀ ни есть лучшую, завязалъ въ платокъ и положилъ въ сани. Дѣлать было нечего. Я, сказавши *спасибо*, получилъ въ отвѣтъ «нѐ начемъ», и поѣхалъ къ другой тонѣ.

—« Грязи хватили!» сказалъ мнѣ мой Семенъ, еще далеко не доѣзжая до другаго двойника: «Вишь: ватаманъ большій у пешни лежитъ.»

Я не велѣлъ останавливаться, и мы проѣхали мимо ватамана, который угрюмо лежалъ около неконченнаго угла, въ которомъ торчала пѣшня. Мы отправились въ Спасо-Пископецъ; на третью тоню ѣхать не хотѣлось: я прозябъ, да къ тому же мой Семенъ увѣрялъ, что мы подаренную рыбу живую довеземъ домой. «А изъ живой рыбы, сравнить нельзя, хороша уха!» Онъ положилъ рыбу подъ полу, и мы, въ самомъ дѣлѣ, ѣли уху изъ живой рыбы.

— «Вотъ когда *патъ* бываетъ», говорилъ мнѣ за ухой мой хозяинъ: «ватаманъ веселъ бываетъ.»

— А что̀ такое патъ? спросилъ я.

— «А это значитъ: тоню большую вытащитъ», отвѣчалъ онъ: «бываетъ матку и не вынуть; такъ

ватаманъ сливаломъ рыбу-то вычерпываетъ, пока матка не полегчаетъ!»

Въ Спасо-Пископцѣ я познакомился съ тамошнимъ дьячкомъ, который мнѣ подарилъ *запись о вкладахъ*. Онъ ѣздилъ долго искать ихъ и очень издержался, по этому обрадовался избавившись отъ соблазна. Я привожу здѣсь ее потому, что у насъ не было, кажется, нигдѣ напечатано ни одной записи.

Вотъ она въ точной копіи, съ сохраненіемъ всѣхъ неправильностей языка, безсмыслицъ и приписокъ, сдѣланныхъ рукою дьячка:

Запись о вкладахъ (1).

1. У Богатырскихъ воротъ на юркѣ котелъ серебра и мѣди.

2. Тамъ же противъ большихъ песковъ подъ орѣшникомъ котелъ.

3. Тамъ же въ бору найдешъ черный пень и близъ того пня огневище старинное, то подъ огневищемъ котелъ артельный.

4. Тамъ же въ бору найдешъ каменный крестъ на

(1) Приписки, сдѣланныя дьячкомъ, напечатаны курсивомъ.

сопкѣ, вышина креста два аршина, то подъ нимъ сундукъ въ крестѣ мѣдномъ и вырѣзано у сего города поклажа.

5. Не доходя промежицы набито на камнѣ два слѣда. И подлѣ втораго камня краснаго, то подъ нимъ подголовокъ золота.

6. ......[1] мостъ, лежитъ плоской камень, то надъ нимъ крестъ, то за доро́гой котелъ серебра.

7. Близъ церковища въ лѣсу подъ горой засыпано два котла.

8. За мшариной на дорогѣ подъ самимъ церковищемъ—вынятъ въ погребу.

9. Подъ церковью въ погребу 12-ть бочекъ серебра и церковной утвари.

10. Тамъ же противъ алтаря, по старинной дорогѣ, сундукъ съ серебромъ и серебряной посудой.

11. Не доходя Флора и Лавра сажень 10-ть, тамъ лежитъ камень бѣлый, примѣтами на немъ выбитъ подносъ, то подъ нимъ котелъ.

12. У Меньщиковыхъ погребъ потайной, а ходъ въ него съ задняго погреба на право въ углу за щекотуркою, и онъ весь подъ дворомъ, и въ немъ 6-ть бочекъ серебра.

Въ полѣ кладовъ.

1. Близъ Нарвы за 25 верстъ, близъ почты, на

(1) Въ подлинникѣ затерто это мѣсто.

немъ же лежитъ камень, а на камнѣ набитъ крестъ, и отмѣрь на полдень 7 саженъ...найдешъ три сундука съ деньгами.

2. За Варламьевыми воротами, близъ красной сосны, отмѣрь 4 сажени и тамъ котелъ. Тамъ же еще на восходъ 17 сажень отмѣрь отъ того мѣста, и тутъ есть кладъ.

3. На прудахъ старокаменная часовня и тутъ подъ порогомъ котелъ съ деньгами.

4. Тамъ же возлѣ ручья лежитъ камень, набитъ съ примѣтами утка, сабля, и то оберти около носа уткина, то тамъ 7 котелковъ.

5. Близъ старинныхъ заводовъ кирпичныхъ на ручью котелъ. Плита есть, выбито два котла, на полдень отмѣрь либо 1 сажень либо 10-ть, и копай.

6. Изъ Зябкова или изъ Зядкова Бредней (?) на берегу найдешь двѣ сопки, какъ сѣнныя кучи, то между ними отмѣрь по сажени, то найдешь въ обѣихъ сторонахъ по бочкѣ денегъ.

7. Тамъ же садъ выискать и подъ онымъ садомъ три сундука.

8. У Поспова Корыта выше близъ часовни стоитъ *не разобрать* ([1]) примѣтъ-рябина, отмѣрь шагъ, и тамъ копай—котелъ.

9. Близъ пожни есть рѣчка Поспова и рѣчка Мѣдновка. У послѣдней возлѣ часовни стоитъ крестъ

(1) Напечатанное курсивомъ означаетъ пометы самаго дьячка.

безъ головы и то супротивъ его сугорокъ, не далеко каменный, то подъ нимъ сундукъ зарытъ костьми и каменьями.

10. Въ Азбаранѣ въ ручью два котла между ракитникомъ въ луговинѣ, съ деньгами.

11. Близъ башни подъ стѣною сундукъ, примѣта надъ нимъ красный камень, на камнѣ назначено сундукъ не великъ, котелъ съ деньгами, копай.

12. На рѣчкѣ Поддасевкѣ найдешъ красный камень на бору и на немъ набита повареда, а оттуда хвостомъ выбитъ, то тамъ котелъ съ деньгами.

13. На томъ же бору найдешь—роги набиты на камнѣ, то и отмѣрь 12 шаговъ отъ камня на востокъ, то тамъ котелъ.

14. На бойницѣ найдешь малую рѣль на островкѣ, подъ сею рѣлью въ корню котелъ.

15. И тамъ же близъ ключовъ найдешь два камня, на нихъ набито по кресту, то между нихъ деньги опущены.

16. За Великой рѣкой близъ Покровской церкви во святыхъ воротахъ. *Ужъ вынято.*

17. На столобцѣ близъ Мшары есть ключъ обросши травой, то въ немъ три ствола ружейныхъ опущено червонцевъ.

18. У Владьемскаго моста подъ четвертой *неразобрать* подъ столбомъ сундукъ.

19. Тамъ же есть примѣты норы—въ поры въ

одну между широкою, въ углу кубокъ серебра.

20. Въ городѣ Трехъ Святителей монастырь, предъ алтаремъ саженъ восемь бочка сороковая денегъ.

21. За Потетнинымъ въ песку, супротивъ Молошной горки, въ песку сундукъ.

22. Близъ кирпичнаго завода на межникѣ выбитъ *неразобрать* котелъ, то на полдень отмѣрь сажень, и тамъ котелъ.

23. На зимней дорогѣ не доходя Поклонной горки, близъ кривой сосны въ березникѣ же, между сопокъ, есть полубочекъ съ деньгами.

24. На старинной Порховской дорогѣ за 2-мъ домомъ гродней (?) по лѣвую сторону забору, найдешь двѣ сопки, какъ сѣнныя копны, то между ихъ двѣ бочки мѣдныхъ пятаковъ.

25. Тамъ же есть двѣ сопки, станутъ противъ Горнева, что старовѣровъ кладутъ, котелъ съ деньгами.

26. Тамъ же есть на ручью каменной выкладъ, то подъ нихъ сундукъ серебра.

27. Не доходя рѣчки Кеби на дорогѣ на камнѣ слѣдъ человѣческій, на полдень отмѣрь сажень — котелъ съ деньгами.

28. По одну сторону Ханскаго шляха въ сопкахъ ящикъ съ червонцами.

29. За перевозомъ между двухъ горокъ въ гору впущена фура—*неразобрано* съ Литовскимъ королемъ.

30. Идти въ Радынку есть восточный ручей, близъ того ручья на гору, между двухъ вересинъ, двѣ сумы переметны съ деньгами.

31. Еще близъ того восточнаго ручья есть на рѣкѣ островокъ, на немъ камень, то есть подъ нимъ котелъ.

32. На спускѣ на перевозѣ есть мостокъ дубовый, сажень, то подъ нимъ три котла: въ двухъ серебро, а въ третьемъ серебряная посуда, 12-ти братіями, по 30-ть фу.....

33. У Пателеймона за порогомъ котелъ въ старой часовнѣ.

34. Въ воротахъ пивной котелъ серебра.

35. Противъ алтаря, въ бору или въ гору, смотря по мѣсту, за 25 дороги или сзади дороги, близъ ивова куста, дверь въ погребъ и то въ погребу 4 бочки со всякими деньгами.

Конецъ.

Писано со старинной бумаги, нечаяннымъ манеромъ найденной.

Желаю всякому.»

Я пригласилъ этого дьячка ѣхать съ собою на озеро, на что тотъ согласился, даже взялъ довольно сходную цѣну за свою лошадь, и захватилъ для меня тулупъ, а какъ на мнѣ былъ только одинъ полушубокъ, то этотъ тулупъ спасъ меня отъ многихъ бѣдъ. На ту пору на дворѣ была сильная стужа, да

къ тому еще и съ вѣтромъ. Проѣздивъ съ этимъ товарищемъ по озеру, мы очутились на южномъ берегу Ильменя, около древняго села Ужина (1). Мнѣ не хотѣлось возвращаться назадъ, и мы поѣхали на Ужинъ. Мой товарищь привезъ меня на постоялый дворъ, гдѣ сперва мы вошли въ общую избу, а послѣ, вѣроятно по рекомендаціи дьячка, меня попросили войти въ другую чистую избу, чему признаться я былъ радъ, пробывъ на морозѣ болѣе 6 часовъ. Тамъ нашелъ я юнкера, квартировавшаго въ этой избѣ. Мы съ нимъ разговорились, и онъ мнѣ разсказалъ очень много любопытнаго про свою армейскую жизнь. Выслушавъ его, вы вѣрно согласились бы, что самая несчастная жизнь — это жизнь юнкера на *вольныхъ квартирахъ*. Юнкеру обыкновенно отводятъ лучшую избу въ деревнѣ, но онъ долженъ жить вмѣстѣ съ хозяиномъ, а хозяинъ смотритъ на этого бѣднаго постояльца, какъ на самаго заклятаго своего врага: поставь къ нему солдата — солдатъ и дровъ нарубитъ, и воды принесетъ, и дѣлается какъ-будто семьяниномъ, онъ со всей семьей дѣлитъ хлѣбъ-соль, да дѣлитъ и трудъ; а баринъ, поставленный на квартиру, остается, хоть поганенькимъ, а все-таки бариномъ, и хозяинъ, не смѣя явно его бранить и дѣлать ему непріятности, старается насолить этому барину

---

(1) Первый разъ упоминается въ исторіи при Иванѣ III.

сколько можетъ. Разговорившись о житьѣ бытьѣ юнкерскомъ, я услыхалъ отъ него слѣдующее:

— «Былъ я постоемъ на Терёхѣ»; началъ онъ разсказывать: «пришли на село подъ вечеръ, мнѣ отвели, разумѣется, какъ юнкеру, квартиру хорошую, у богатаго мужика. Немножко осмотрясь, я велѣлъ хозяйкѣ давать ужинать. Хозяйка не даетъ часъ, не даетъ другой. Я и прикрикнулъ на нее. Гляжу — несетъ моя хозяйка мнѣ ужинъ: какую-то похлёбку, щи-ли, не знаю, только *въ черепкѣ*. Ну, думаю, здѣсь раскольники, вѣрно всѣмъ мірщатъ, поѣмъ и изъ черепка.... Хозяйка поставила на столъ черепокъ; а черепокъ этотъ года два не мытъ; я—грѣшный человѣкъ, взбѣсился и отвѣсилъ хозяйкѣ пощечину одну, другую.... Хозяйка только взвизгнула, да на улицу... А тамъ у нихъ такой колокольчикъ прилаженъ; она въ тотъ колокольчикъ и давай набатъ бить; сейчасъ же собрался народъ; моя хозяйка и пожалуйся имъ на меня:—«Приколотилъ меня, говоритъ: сама не знаю за что.» Мужики потолковали межъ собой, потомъ отдѣлились отъ сходки человѣка четыре (сходка же оставалась на мѣстѣ), и пришли ко мнѣ. «За что,—говорятъ,—прибилъ ты, твое здоровье, свою хозяйку?» Я имъ разсказалъ все дѣло, какъ было. — «Правда?» спросили они хозяйку. Та молчитъ. Мужики посмотрѣли, посмотрѣли на нее и говорятъ ей: —«Пойдемъ же съ нами.» Мужики пошли впередъ, баба

за ними прямо на сходку, тамъ разсказали міру про все, да такую ей встрепку задали!...»

Мы проговорили съ этимъ господиномъ до вечера, по деревенски, довольно поздняго: часовъ до девяти. Въ это время вошли въ избу извощики и полѣзли на печь грѣться.

— «Плохо братъ сдѣлали», проговорилъ одинъ изъ нихъ, ворочаясь на печи.

— «Да что сдѣлаемъ хорошо-то», отозвался другой.

— «А какъ замерзнетъ?»

Я спросилъ у нихъ, о чемъ они горюютъ?

— «Да вотъ видишь ли, другъ любезный», сталъ говорить одинъ изъ нихъ: «ѣхали мы семь человѣкъ, у каждаго человѣка по три лошади. Мятель, пàдора ты видишь какая на дворѣ, а на озерѣ просто быть нельзя.... У нашего товарища лошади и притомились, нейдутъ. Мы было всѣ скопомъ и порѣшили ждать на озерѣ, пока Богъ проститъ. Такъ вишь нельзя: въ ногахъ товарищъ валяется: «Ступайте, братцы, вамъ, говоритъ, изъ-за меня не пропадать!» Мы такъ и сякъ, туда и сюда: проситъ малый.... Мы и поѣхали.»

Легли спать. Мнѣ не спалось, да и извощикамъ тоже: на разсвѣтѣ пріѣхалъ отсталый извощикъ на одной лошади, а двухъ лошадей отпрягши привязалъ къ санямъ, да и бросилъ. Извощики вскочили,

достали гдѣ-то полштофа водки и сунули въ руки пріѣзжему товарищу. Тотъ приложилъ его къ губамъ, и до тѣхъ поръ не отнималъ, пока всего полштофа не высушилъ; послѣ того его положили на печь, накрыли полушубкомъ или, кажется, двумя, дали ему вздремнуть часа два и разбудили. Мятель была страшная: на улицу и днемъ страшно было выдти.

— «Ободняло», сказалъ будившій: «поѣдемъ за возами; я возьму свою лошадь, да онъ даетъ свою да вотъ онъ съ нами на своей ѣдетъ.»

Тотъ зѣвнулъ, перекрестился, и сталъ не спѣша одѣваться.

— А далеко вашъ товарищъ оставилъ свои возы? спросилъ я.

—«Экой ты, ваше степенство, простой человѣкъ: въ ту самую падору хочешь версты знать!... Ильмень отъ Ужина до Пискоща двадцать три версты, а теперь и дороги нѣтъ; можетъ и за Взвадъ заѣхалъ!»

— Ну, а какъ возы разобьютъ?

— «Этого сдѣлать нельзя», утвердительно сказалъ одинъ изъ извощиковъ.»

— Отъ чего же?

—«Здѣсь озеро кругомъ!»

Извощики отправились, а мы съ юнкеромъ сѣли за чай. Спустя полчаса вернулись провожавшіе, я пригласилъ одного изъ нихъ на чашку чаю.

— Проводили своего товарища? спросилъ я.

—«Проводили, ваше степенство.»

—Спрашивали про возы, видѣли ихъ?

—«Встрѣтился обозъ, говоритъ, одинъ возъ разбитъ; да совралъ: тому быть нельзя.»

—Отъ чего же?

—«Здѣсь озеро кругомъ.»

И въ-самомъ-дѣлѣ: часа въ три пріѣхали эти извощики съ возами, которые всѣ оказались цѣлы.

Старая-Руса. 13-го Декабря.

Добрался я наконецъ до Старой-Русы. Военныя поселенія, такъ сказать, заслонили собою память о старинѣ. Пользуясь досугомъ, спѣшу записать коекакія собранныя мною свѣдѣнія о торговлѣ.

По Ильменю, Ловати и Полѣсти суда, которыя преимущественно строятся въ Холмѣ, доходятъ до Старой-Русы: лѣтомъ ходитъ сюда разъ въ недѣлю пассажирскій пароходъ и буксируетъ суда, въ-особенности *самины,* очень тяжелыя на ходу; онѣ строятся длиной отъ 7 до 10 саженъ, шириною отъ $1^1/_2$ до 2 саженъ, глубиною отъ 2 до 3 аршинъ; самина называется также *голубятницею;* на саминахъ клади кладутъ отъ 4,000 до 2,000 пудовъ дровъ, овса больше, сѣна меньше: сѣно паруситъ, и при небольшомъ противномъ вѣтрѣ самина съ сѣномъ должна стоять; на саминѣ только 3 человѣка рабочихъ, а по-

тому на ней дешевле провозъ. За медленностію хода, пассажировъ на саминѣ не возятъ. Пассажировъ и легкій товаръ возятъ въ *лодкахъ* извозницкихъ, которыя тоже плоскодонны, длиною отъ 3 до 4 саженъ, шириною въ одну сажень; онѣ дѣлаются съ палубою на носу, и у передней части палубы двѣ мачты, парусъ ставятъ косой, *латинскій*, какъ выразился купецъ С***. Изъ плоскодонныхъ судовъ были прежде еще *семерки*, въ 7 саженъ длиною глубиною отъ 4 до 5 аршинъ, съ двумя мачтами; также *водовики*, которые еще больше *семерокъ* и того же устройства; но, за мелководьемъ рѣкъ и озера, ихъ замѣнили саминами. *Рушинка* или *Руська лодка*, иначе и чаще называемая *сойма*, вошла въ употребленіе не больше 10—15 лѣтъ; строится съ килемъ длиною 3 сажени, шириною 1 сажень, глубиною $1\frac{1}{2}$ аршина; она сшивается кореньями и потомъ сбивается желѣзными скобами; на ней рѣдко возятъ товары, а больше пассажировъ; это судно называется *рѣйнымъ:* можетъ рѣять, т. е. лавировать. *Полулодокъ*—та же сойма, только гораздо шире, и нѣсколько длиннѣе, а потому и на ходу не такъ легка. На полулодкѣ рабочихъ бываетъ отъ 4 до 8 человѣкъ; но какъ она можетъ поднять до 8,000 пудовъ легкаго товара и до 6,000 п. сѣна, то провозъ на ней обходится дешевле, чѣмъ на другихъ судахъ. Всѣ лодки дѣлаются съ двумя мачтами и почти всѣ съ

палубами. *Сѣнныя барки*, крытыя, на которыя кладутъ отъ 7 до 8,000 пудовъ сѣна. Она на мѣстѣ стоитъ до 300 р., на ней 8 человѣкъ рабочихъ, идетъ до Питера 9 недѣль, а случается и все лѣто. Коли нѣтъ своей барки, то нанимаютъ и платятъ за провозъ съ пуда 7—8 к. При каждомъ суднѣ бываетъ непремѣнно маленькая лодка, которая здѣсь называется *пàвозка*. На этихъ судахъ идетъ товаръ въ Петербургъ. Главный товаръ: сѣно, дрова, овесъ и ленъ; не въ большомъ количествѣ: кожи, говядина, тряпье, рожь, яблоки. Отъ устья Шелони до устья Ловати, съ береговъ Ильменя, съ Осташкова, Демьянска, Холма, Старой-Русы, Сольцы, Порхова, Острòва и Пскова черезъ Ильмень проходитъ въ Питеръ товара, по разсказамъ здѣшнихъ старожиловъ, на сумму до 4.300,000 р. сер. Изъ одной Старой Русы въ этотъ годъ отправлено: льну до 70,000 пуд., цѣною около 3 р. 60 к. сер. за пудъ. Цѣны на ленъ бываютъ очень неправильны: отъ 2 до 5 р. сер. за пудъ. Кромѣ того отправляли много *кудели* или *изгребы* и пакли. Паклей называютъ очески отъ льна при чисткѣ, самые грубые, когда снимутъ со льна паклю, при дальнѣйшей его чисткѣ, идетъ изгреба. За провозъ льна берутъ копѣекъ по шести отъ Старой-Русы до Питера. Овса, по цѣнѣ до 3 р. 20 к. сер., идетъ до 100,000 четвертей; овесъ бываетъ до 2 р. сер., а нынче былъ

дорогъ. Сѣно берутъ прямо съ пожней (съ покосовъ); по рѣкамъ Полѣсти и Ловати, а вообще по берегамъ Ильменя. Лучшимъ же сѣномъ считается Бронницкое, которое идетъ ко Двору. Дрова больше берутъ на Ловати. Вся вообще торговля по озеру Ильменю съ Новгородомъ и Питеромъ, съ основанія военныхъ поселеній, значительно упала. Такъ напрмѣръ: изъ одной Старой-Русы отправлялось, по разсказамъ купцовъ, одного льна до 250,000 пуд., а теперь лучшая цифра непревышаетъ нынѣшней, т. е. 70,000 пуд. Вообще военныя поселенія разстроили хозяйство народное, въ особенности въ первые года: когда мужики ходили на ученья, имъ не до работы было; а теперь при обращеніи поселенцевъ въ государственные крестьяне, вѣроятно, положеніе ихъ улучшится, но пока оно еще не устроилось.

Въ Старой-Русѣ бываютъ слѣдующія гулянья, которыя здѣсь называются праздницкими: праздницкая Женъ Мѵроносицъ у церкви Успенія, Троицкая у церкви Троицы, Духовская у церкви Св. Духа, Преображенская противъ церкви Спаса Преображенія за рѣкой, Кузьмо-Демьянская противъ бывшаго монастыря, говорятъ, очень древняго, уничтоженнаго Аракчеевымъ при постройкѣ для военныхъ поселеній *провіантскаго и солянаго магазиновъ*; праздницкая еще бываетъ, тоже противъ бывшаго монастыря на другомъ берегу, близъ слободы Перхина или Пѣрина,

Егорьевская—весной, Никольщина—весной и зимой, Дмитріевщина, Веденщина—у приходскихъ церквей. Ивановщина теперь празднуется, не по прежнему; сперва, до Аракчеева, наканунѣ Ивана Купала, за ворота ставили выкопанный кустъ *дѣдовника* (рѣпейника?), который и стоялъ тутъ, пока совсѣмъ завянетъ, а вечеромъ, тоже наканунѣ, на улицахъ раскладывали кучи жигучей крапивы, чрезъ которыя перепрыгивали парни и дѣвушки. Теперь этотъ обычай вывелся; только на праздницкихъ *хороводы играютъ*.

Старая-Руса. 14 Декабря.

Я познакомился съ А. А. С. Онъ занимается много русской исторіей. У него написаны огромныя три тетради, въ которыхъ между прочимъ есть вещи и хорошія; онъ отъискиваетъ мѣста около Русы, упоминаемыя въ лѣтописяхъ. Онъ мнѣ разсказалъ замѣчательную исторію о бывшемъ здѣсь архивѣ. Когда Аракчеевъ сталъ устроивать солдатскій «заводъ», всѣ дѣла, находившіяся въ архивѣ, велѣно было передать военному начальству. Начальство распорядилось такъ: всѣ дѣла и бумаги до-петровскія выбросило на улицу. С. говоритъ, что онъ съ такого выброшеннаго подлинника списалъ опись Старой-Русы, составленную при Михаилѣ Өеодоровичѣ, послѣ сдачи Шве-

дами Новгорода. Была и другая опись Русы и опись пожней, составленная при Алексіѣ Михайловичѣ, но тоже утрачена. У С. я видѣлъ хронографъ прекраснаго письма, въ листъ, на 740 листахъ, оканчивающійся 1613 годомъ; шлемъ, найденный въ курганѣ Кіевской губерніи, и Псалтирь, печатанную, кажется, при Грозномъ. Потомъ ходили мы по городу: городъ какъ городъ, всѣ наши города *на славный Питеръ городъ* сбиваются: улицы прямыя, широкія, и хорошо выстроенныя, съ магазинами модъ, водокъ и проч., набережныя очень красиво отдѣланы, лавокъ около 200. На постройку позволено брать изъ городскихъ суммъ деньги по 5% съ уплатою при займѣ части суммы и процентовъ, но берутъ очень неохотно. До уничтоженія солдатскихъ поселеній, въ думѣ городской предсѣдательствовали господа офицеры, которые и распоряжались постройками. А было когда-то время и Старой-Русы: въ 1467 году въ моръ умерло 28 поповъ, 1,500 монаховъ, да народу мелкаго, христіанъ православныхъ, 9,000, да отъ Ивана III бѣжавшіе 9,000 утонули въ Ильменѣ: народу выбыло не мало! А все-таки при Иванѣ Грозномъ съ однихъ соловаренъ старорусскихъ сходило въ царскую казну 18,000 тогдашнихъ рублей; при Михаилѣ Өеодоровичѣ въ Старой-Русѣ было 400 соловаренъ и 300 лавокъ около теперешнихъ ваннъ.

С. мнѣ говорилъ, что до Аракчеевщины въ Старой-

Русѣ было 18 первогильдейскихъ капиталовъ. Теперь еще указываютъ на всю набережную, застроенную купеческими домами, которымъ только и дѣло было что соль варить; но переулки, въ которыхъ прежде жили работники-соловары и *трепцы*, теперь опустѣли. Трепцовъ, т. е. тѣхъ, которые ленъ трепали, сперва было до 2,000, а теперь не доходитъ и до тысячи.

С. повелъ меня на соловарни; онѣ только недавно стали отдаваться въ арендное содержаніе (за 15,000 р. сер.), а прежде состояли въ казенномъ управленіи. Вы не можете вообразить какое странное впечатлѣніе дѣлаетъ видъ разрушающихся домовъ, въ которыхъ помѣщались чиновники, казенные управляющіе, соляное управленіе, соляная полиція, и тому подобпое.... Эти соловарни отобраны отъ горожанъ и устроены казеннымъ образомъ при Екатеринѣ II. Мой чичероне повелъ меня на одну городильню на самый верхъ, по полуразрушенной, частію безъ перилъ, и покрытой гололёдкою, лѣстницѣ. На мой вопросъ — „за чѣмъ туда идти?„ онъ только сказалъ «увидите» и я, покоряясь ему, кой-какъ карабкался за нимъ. Наконецъ онъ привелъ меня на какой-то полуразвалившійся балконъ. «Здѣсь“ — сказалъ онъ — “сидѣла мать отечества, Екатерина Вторая Великая!» Я его поблагодарилъ, и просилъ повести меня еще къ ваннамъ. Ванны очень красиво, европейски, устроены. Соляное

маленькое озеро не замерзаетъ, и не дорожки, а крытыя галлереи кругомъ.

Нынче хотѣлъ уйдти изъ Русы, да сказалъ мнѣ С., что у фонъ-З***, постоянно здѣсь живущаго, есть много книгъ, рукописей и вещей. Я сей же часъ послалъ къ нему просить дозволенія посмотрѣть его кабинетъ и получилъ отъ него разрѣшеніе на завтрашній день въ 4 часа. Еще могу сказать одно, что соборъ здѣшній, по словамъ С., очень древній; этотъ соборъ былъ некрасивъ. Графъ Аракчеевъ, какъ человѣкъ образованный, не захотѣлъ его такъ оставить; а какъ новый соборъ было дорого строить, то онъ только украсилъ древній: придѣлалъ къ нему. много хорошихъ украшеній, дурныя вещи сломалъ, и вышелъ *Соборъ Военныхъ Поселеній* — хоть куда! Въ этихъ же видахъ онъ сломалъ церковь Іоанна Предтечи, гдѣ теперь стоитъ часовня. Когда рыли фундаментъ для этихъ пристроекъ, отрыли кладбище. Многіе скелеты нашли перевернутыми, и въ нихъ по забитому осиновому колу. Вы вѣрно знаете, что умершимъ колдунамъ, чтобы они не пугали міръ православный, вбиваютъ, коли они ходятъ покойниками по міру, перевернувши ничкомъ, осиновый колъ въ спину, да и опять закапываютъ.

Кстати: вотъ нѣсколько названій травъ, записанныхъ мною со словъ здѣшняго мужика Григорія Абрамова.

Сорокопритошная: «отъ сорока притокъ; впадаётъ отъ сорока притокъ; владаётъ по сухимъ мѣстамъ; плетется въ середкѣ, какъ прўтчичекъ (шнурокъ), а по бокамъ, какъ копѣечка».

Мядушникъ: «отъ грудей пьютъ; по мокрымъ мѣстамъ шапкой ростетъ, розовенькой копѣечкой; помогаётъ отъ многихъ болѣзней».

Суконникъ: «точно какъ бѣлое сукно; какъ идете по бору, такъ на бору ростетъ».

Заячья кислица: «она и *скусомъ* кислая, а сама такая гладкая. Когда женщинѣ *разрпжаться*—такъ та трава».

Въ Новѣгородѣ на Крещеньѣ многіе купаются въ пролуби, а въ Старой-Русѣ этимъ суевѣріямъ не вѣрятъ.

Старая-Руса. 15 Декабря.

Нынче поутру ходилъ къ г. фонъ З***. У него кабинетъ набитъ его работою: тонко вырѣзанныя изъ кости разныя вещицы, картонныя коробочки и т. п., все показываетъ его нѣжную душу. Разъ ѣздилъ онъ на охоту, и у него расковалась лошадь. Онъ заѣхалъ въ кузницу подковать ее, и нашелъ тамъ двѣ кольчуги: одну двойчатую, другую простую; первая прекрасно сохранилась и отличной отдѣлки: каждое колечко украшено маленькою пуговкою. Шлемъ, у ко-

тораго одинъ только наушникъ оторвался; одиннадцать стрѣлъ, длиною до 5 четвертей, дерево совершенно смотритъ новымъ; стрѣлы эти оканчиваются желѣзнымъ копьецомъ, вбитымъ въ стрѣлу, которая послѣ, должно быть, струной связана, а съ другой стороны на четверть съ 4 сторонъ перёна, т. е. въ стрѣлѣ вдѣлана гривка пера; нагрудникъ, у котораго нижняя часть сдвижная; два меча, одинъ русскій, другой рыцарскій. Онъ разспросилъ кузнеца, гдѣ онъ нашелъ, что̀ далъ, и что̀ хочетъ съ ними дѣлать? Тотъ отвѣчалъ, что купилъ у мужика, а тотъ, пахавши землю, выкопалъ изъ земли (на мѣстѣ Шелонской битвы), купилъ за рубль серебромъ, а теперь думаетъ перековать на подѣлку. Г. фонъ-З*** былъ великодушенъ: онъ предложилъ кузнецу рубль сереб. и два пуда желѣза; кузнецъ охотно согласился и фонъ З*** сдѣлался владѣльцемъ этихъ вещей. Кромѣ того, у него же я видѣлъ перстень, на которомъ вырѣзанъ драконъ, или что-то подобное; крестъ въ вершокъ, на которомъ превосходно сохранились изображенія: посреди Спаса, на верху ангела, а по бокамъ и внизу по два Евангелиста; эти двѣ вещи серебряныя. Далѣе: двѣ серьги серебряныя, на каждой серьгѣ два подвѣска, украшенные камнями; эти серьги толщиною почти въ ржаную соломину; ружье венеціанское, съ вычурнымъ замкомъ, который заводится ключомъ: кремень падаетъ на быстро вер-

тящееся огниво, которое находится среди замка; это ружье прекрасно отдѣлано мозаикой, украшено арабесками, — и т. д.; пистолетъ съ двумя стволами, стрѣляющими въ одно время, съ ножемъ посреди, съ мѣдной ложей. Замѣчательно, что всѣ эти вещи найдены на мѣстѣ Шелонской битвы.....

Когда я предложилъ г. фонъ-З*** уступить мнѣ вещи, онъ запросилъ за двойчатую кольчугу, шлемъ, 4 стрѣлы и нагрудникъ 150 р. сер., за два меча 10 р. сер. При этомъ былъ С. и сталъ его уговаривать не продавать: пропадутъ дескать. Г. фонъ-З-*** на это очень равнодушно отвѣчалъ, что ежели ему дадутъ деньги, то ему все-равно—пропадутъ ли они, или нѣтъ. «Я охотникъ, страстный охотникъ, прибавилъ онъ нѣмецко-русскимъ языкомъ, а дадутъ деньги—пусть пропалъ!»

Отъ него мы пошли въ городское училище, въ которомъ два класса, и два учителя въ военныхъ мундирахъ (изъ унтеръ-офицеровъ—теперь коллежскіе регистраторы, кажется), и одинъ священникъ: въ этомъ училищѣ учатъ Закону Божію, Ариѳметики до десятичныхъ дробей, да Грамматики первую часть. Учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ до 85. Для такого города, какъ Старая-Руса, довольствоваться этимъ училищемъ слишкомъ мало, а потому двѣ мадамы завели пансіоны; у одной мадамы 8 дѣвочекъ, а у другой до 15 дѣвочекъ и мальчиковъ. Въ одинъ

изъ нихъ я заходилъ: учатъ дѣвицъ — сама содержательница, да сестра, да племянница, да священникъ: другихъ учителей нѣтъ, да и достать негдѣ.

С. Ужинъ. 26-го Декабря.

Вчера около 12 часовъ вышелъ изъ Русы. Руса хоть и не та Руса, которая была до Аракчеева, все-таки очень торговый городокъ: въ уѣздномъ городѣ больше 100 лавокъ открытыхъ; это хоть бы другому и губернскому! Лавки всѣ бо́льшею частію съ крестьянскимъ товаромъ; это тоже хорошо: стало-быть этотъ городъ строенъ не для Питера, а для жителей. Пройдя съ версту отъ города, я сошелся съ мужикомъ изъ Бологижа. Онъ слышалъ, что въ Старой Русѣ будутъ продавать водку задешево, и пошелъ въ городъ къ обѣднѣ, но слухъ оказался ложнымъ, и онъ проходилъ даромъ. Доро́гой онъ разговорился и разсказалъ про «Аракчеевщину». Пріѣхалъ Аракчеевъ, и сталъ всѣхъ брить, только стариковъ за 60 лѣтъ оставилъ. Сталъ Аракчеевъ деревни *въ связи ставить*: Звозъ, Мозольчино, Лозьево, Дубки-Бабки, Гущино—всѣ перевелъ въ Дубовицу. Вотъ другой годъ какъ имъ свободу дали, они и стали переходить на старыя мѣста, Гущино уже все перешло. Мой спутникъ зазвалъ меня къ себѣ обѣдать. Мужики живутъ вообще очень богато, зем-

ли у нихъ довольно; на душу высѣваютъ 10 мѣръ ржи и 20 овса кромѣ пожней. Однимъ они обижаются: сперва брали у нихъ по мѣркѣ — съ души, а теперь отобрали у нихъ земли съ 30 душъ одну десятину, и заставляютъ ее обработывать. Этимъ они вообще недовольны. Не знаю, правду ли онъ говорилъ, что Аракчеевъ завелъ такой порядокъ: мальчика, какъ подростетъ, требовали въ училище, гдѣ учили грамотѣ, а кромѣ того маршировкѣ, а какъ войдетъ въ лѣта, то отправляли въ полевые полки. Три сына есть — трехъ возьмутъ, одинъ — и одному не спускаютъ. Только такой порядокъ былъ не долго: года черезъ два дали *кафтанчики форменные,* велѣли всѣмъ бороду брить, голову стричь, да начальства много понадѣлали, съ тѣмъ и оставили. А теперь другой годъ пошелъ, какъ и начальство отбросили, оставили однихъ своихъ. Съ тѣхъ поръ мы и обросли прибавилъ разказчикъ. И въ-самомъ-дѣлѣ обросли: теперь трудно найти бывшаго поселянина бритаго и стрижинаго. Здѣсь въ Бологижѣ во время обѣда (мы опоздали къ обѣду и обѣдали вдвоемъ), мальчикъ лѣтъ 10, сынъ хозяйскій, принесъ кучу костей: они собираютъ кости и продаютъ *булынямъ* за самую бездѣлицу: у одной дѣвочки было набрано костей до 3½ фунтовъ, да тряпья комокъ, и объ ней какъ объ счастливицѣ говорятъ, что она получила 3 коп. сер. Рѣдко случается, чтобъ эти ве-

щи, тряпье и кости, продавались за деньги, большею частію за крендел**ё**къ, сер**ё**жку и т. п.

При самомъ выходѣ изъ Бологижа мнѣ попались Тверскіе крестьяне. Они были въ Ростовѣ (Ярослав. губ.), набрали тамъ огородныхъ сѣмянъ и скапидару, и ѣхали за Чудовскую станцію. Ихъ было шесть подводъ, на каждой подводѣ хозяинъ и работникъ, которому хозяинъ платитъ до весны отъ этой поры, т. е. всего недѣль за 12 по 10 руб. сер. У каждаго *сѣмянщика*, какъ они здѣсь называются, есть свои знакомые. Каждый хозяинъ заработываетъ за всѣми расходами отъ 45 до 60 руб. сер. Когда я встрѣтился съ этими сѣмянщиками и просилъ ихъ подвезти меня, то они, какъ народъ торговый, не соглашались; какъ только же я объявилъ, что «около кабака будетъ привалъ», они всѣ бросились на возы и просили сѣсть. Проѣзжая черезъ Чернецъ, Большо-Учно, мои попутчики сходились вмѣстѣ, шли пѣшкомъ, и пѣли пѣсни. У одного изъ нихъ былъ замѣчательный голосъ, только манера его не хороша: походила очень на Тургеневскаго рядчика. Этотъ господинъ жилъ въ Питерѣ и тамъ *образовался*. Они и теперь каждое лѣто ѣздятъ въ Питеръ и тамъ торгуютъ, а на зиму пріѣзжаютъ домой, пробудутъ дома недѣли двѣ, три, въ Тверской губерніи, а послѣ *заѣзжаютъ* въ Ростовъ, берутъ сѣмена и ѣдутъ по своимъ знакомымъ. Распродавши, за 500 верстъ отъ дома, свои то-

вары, они часто продаютъ и лошадей, и сани, а сами великимъ постомъ возвращаются домой по чугункѣ.

Нынче на улицѣ собрались *дѣвицы* и парни, и ходили въ хороводѣ. Здѣсь хороводъ водятъ такъ: по одну сторону стоятъ въ линію дѣвицы, а по другую тоже въ линію парни. Поютъ пѣсни, не хороводныя, а какія попало; первый парень подходитъ къ дѣвицѣ, поклонится ей, возьметъ ее за руку и проведетъ ее по всему ряду, опять поклонятся другъ другу и станутъ сзади всѣхъ, дѣвушка къ дѣвицамъ, а парень къ молодцамъ; потомъ другая пара такимъ же порядкомъ, потомъ 3-я, 4-я, сколько найдется. Тамъ опять 1-я, 2-я и такъ далѣе. Наконецъ остановятся и пойдутъ такимъ же образомъ въ другую сторону. Пробывши на улицѣ часа три, я самъ пошелъ въ хороводъ, да и случилась бѣда: я не зналъ, что надо дѣвушкѣ поклониться—они и осмѣяли; но послѣ все обошлось хорошо. Какъ расходится хороводъ, парни закричатъ: о! о! ура! о! о! И нечего грѣха таитъ: бóльшею частію парни дѣвушекъ„ кто въ овинъ, кто подъ тынъ„—какъ разсказывалъ мнѣ старикъ крестьянинъ.

Шимской перевозъ. 2-го Января 1859 г.

Новый годъ, сколько я ни ходилъ по улицамъ въ Ямъ-Мшагѣ, встрѣтилъ не такъ, какъ мнѣ хотѣлось;

посидокъ не было: подъ праздникъ грѣхъ собираться на посидки. По улицамъ народу было мало; мятель дула страшная, и въ Ямъ-Мшагѣ у меня никого не было изъ знакомыхъ. А въ этотъ вечеръ, говорятъ, хорошо бываетъ: дѣвушки сходятся по три, по четыре и льютъ олово, ходятъ на ручей, отгребаютъ камушки, и по нимъ судятъ, каковъ будетъ женихъ: коли камушекъ гладкій и женихъ будетъ гладкій, коли шершавый, то и женихъ шершавый; пѣтуха межъ кучекъ съ овсомъ пускаютъ. По утру пошелъ къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни, познакомившись съ священникомъ, осматривалъ церковную библіотеку. Въ ней я нашелъ Цвѣтную Тріодь, напечатанную при Іоаннѣ и Петрѣ; обличеніе Никитино, написанное при Алексіѣ Михайловичѣ; синодикъ, въ которомъ изъ царей Петръ упоминается почти послѣднимъ, и то приписано другою рукою. Замѣчательно, что онъ названъ Великимъ, но послѣ это названіе замарано, потомъ написанъ Петръ III совершенно другой рукой и новѣйшимъ почеркомъ, а весь синодикъ полууставомъ. Въ этомъ синодикѣ упоминаются роды Сергіевыхъ, Ушаковыхъ, Скворцовыхъ, Ямскихъ-Охотниковыхъ, Устиновыхъ, Черемнецкихъ, Володимеровыхъ, Щербаковыхъ. Въ настоящее время Скворцовыхъ, Ямскихъ-Охотниковыхъ, Черемнецкихъ, Володимеровыхъ и въ окружности нѣтъ. Здѣсь же видѣлъ образъ Соборъ Богородицы. Церковный староста, здѣшній крестьянинъ Василій

Васильевичь Часный, разсказывалъ мнѣ, что этотъ образъ украденъ раскольниками въ 1823 году изъ Базловки. Этотъ образъ пишется такъ: Богородица на верху, а соборъ Апостоловъ внизу. Раскольники, отрѣзавши нижнюю часть, верхнюю бросили въ пролубь въ р. Мшагу, гдѣ и была она найдена; а нижнюю и по сю пору не нашли. Послѣ обѣдни мы отправились къ священнику, куда скоро пришелъ В. В. Часный, а потомъ содержатель станціи, того же села крестьянинъ. Они много говорили о названіи мѣстностей: я имъ далъ Погодинскую брошюру, и просилъ узнать — какія изъ названій сохранились до сихъ поръ. Вотъ что между прочимъ они мнѣ разсказали: Въ Свинортѣ стоитъ обыденная церковь Ивана Богослова. Царь Иванъ Грозный, проѣзжая чрезъ Свинортъ, въ день своихъ имянинъ, приказалъ ее выстроить; она вся сдѣлана изъ плиты, а не изъ кирпича. Въ этой церкви, говорятъ они, есть чаша деревянная: даръ Грознаго въ день освященія. Послѣ пошли мы съ В.В. къ содержателю почтовыхъ станцій. Онъ, какъ самъ говоритъ, старовѣръ, но у него все на дворянскую ногу: диваны, кресла, зеркала, закуска дворянская, и въ заключеніе муфта, которую носитъ его жена. Одно только напоминаетъ православный домъ: въ обоихъ углахъ образа. Изъ его оконъ я видѣлъ *окрутниковъ*. Нѣсколько парней, человѣкъ 5—6, окрутились (нарядились) *рыцарями*. Изъ рубахъ женскихъ,

изъ юбокъ, шалей сдѣлали курточки, коротенькія юбки, на голову намотали шали, соломы, и вышло что-то въ родѣ шлемовъ, потомъ завернули тоже шалями лица до носа. Въ такомъ нарядѣ окрутники ѣздятъ только на новый годъ, отъ обѣда до вечера, разумѣется, какъ подобаетъ рыцарямъ, верхами. Пробывши здѣсь полчаса, или нѣсколько больше, я поѣхалъ съ В. В. къ нему, и у него остался довольно долго, слушая его разсказы.

Жители Ямъ-Мшаги всѣ хлѣбопашцы, у нихъ, какъ и у всѣхъ здѣсь, земля раздѣляется на выти, на каждую выть полагается 12 душъ, на каждую выть высѣваютъ 12 четвериковъ. Случаются урожаи самъ-десять, а средніе самъ-4, самъ-5. Кромѣ того занимаются ловлею рыбы: ловить мережами начинаютъ съ полнаго разлива до Николы, а потомъ со Спаса — пока вода станетъ. Рыба водится слѣдующая: щука, язь, окунь, сопа, плотнякъ (плотва), «у самую Миколу лещь съ икрой», налимъ, изрѣдка судакъ и сиги. Весною, по рѣкѣ ставятъ заколы: на 20 верстахъ заколовъ 15 ставится. А на заводяхъ у устья заколы эти ставятъ поперегъ рѣки, выбирая гдѣ мельче, изъ лучинокъ, т. е. изъ досчечекъ пальца въ 2—3 толщиною. Эти лучины перепутываютъ мочалой изъ старыхъ кулей или чѣмъ придется. Лучины привязываются одна въ другой какъ можно ближе, чтобъ рыба не могла пройдти, когда же вода станетъ сбы-

вать, рыба начнетъ сваливаться къннзу, къ самому заколу. Тоже одинъ изъ главнѣйшихъ здѣсь промысловъ составляетъ извозничество. Во время послѣдней войны здѣшніе извощики выѣзжали на 400 и болѣе подводахъ (по 3 подводы на человѣка, стало быть болѣе 100 извощиковъ). Другими ремеслами они стыдятся заниматься: топоръ взять въ руки—на за что! Въ послѣднее время выучились человѣкъ 18 портняжничать, а прежде ѣздили сюда портные ярославскіе. Долго я сидѣлъ у почтеннаго Василія Васильевича. Надо правду сказать, что рѣдко отыщется такой крестьянинъ: онъ образованъ, и я видѣлъ у него исторію Карамзина и Энциклопедическій Лексиконъ. Онъ ихъ читаетъ толкомъ и при всемъ томъ любитъ свое крестьянство, и живетъ, какъ онъ выразился: «по закону Божію, какъ Богъ велѣлъ». Когда я ему объявилъ —за чѣмъ я хожу,—онъ съ разу понялъ и обѣщалъ помогать. Отъ него я пошелъ домой. У моего хозяина, который и бѣднѣе и грубѣе Василія Васильевича, были гости—его племянница, изволите видѣть, отдана замужъ за Нѣмца. Такъ эта пара, пожаловала къ „дяденькѣ», и они всѣ трое пировали и кутили. Не вдругъ смекнувъ, въ чемъ дѣло, и не зная гостей, я присѣлъ къ нимъ. Барыня сейчасъ со мной заговорила: „Какъ здѣсь дурно проводятъ святки; никакихъ такихъ хорошихъ удовольствій не дѣлаютъ. Вотъ у насъ въ Сольцѣ, это мож-

но чести приписать! Сдѣлаютъ вамъ лодку!!... "— „Врешь, дура, лодку какъ есть и съ мачтой поставятъ на полоза!„ обозвался дяденька Русской Нѣмки.„ Ну и выходитъ сдѣлаютъ! Запрягутъ лошадей, да такъ и катаютъ! А въ Новгородѣ!.....„ Я оставилъ ихъ, замѣтилъ въ книжку все слышанное и видѣнное, да и легъ спать.

Я думалъ, что день мой кончился; нѣтъ: только что я заснулъ, пришелъ отъ становаго пристава разсыльный, разбудилъ меня и просилъ, впрочемъ очень вѣжливо, пожаловать къ становому. Я подумалъ,-подумалъ и пошелъ: онъ отъ меня стоялъ черезъ нѣсколько дворовъ. Прихожу. Этотъ почтенный господинъ сидитъ въ халатѣ и пьетъ пуншъ съ какимъ-то торговымъ мужикомъ (какъ послѣ я узналъ, отцомъ той, которая вышла за Нѣмца). «Почему вы, милостивый государь, не явились ко мнѣ сейчасъ по прибытіи въ Ямъ-Мшагу?»—«Да ежели позволите вамъ сказать откровенно,—отвѣчалъ я: не имѣлъ ни желанія, ни охоты, ни надобности.»—«Я все-таки начальникъ, а къ начальнику всегда должно являться; этого наконецъ вѣжливость требуетъ». Я видѣлъ, что начальнику не угодно было меня посадить, взялъ стулъ и подсѣлъ къ столику; это его немного озадачило.—«Позвольте узнать: зачѣмъ вы сюда прибыли?».—Я сталъ ему разсказывать, онъ не понимаетъ, я ему показалъ письмо ко мнѣ отъ Редакціи Р. Бе-

сѣды на бланкѣ съ печатью—онъ пришелъ въ недоумѣніе; но надо было видѣть ужасъ «начальника», когда я ему сказалъ, что Географическое Общество, состоящее подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Николаевича, посылаетъ многихъ для этой же цѣли.—«А у васъ есть какая-нибудь бумага отъ него?»—«Меня не Общество отправило, но я все-таки имѣю отъ него предложеніе собирать пѣсни, сказки и т. под.» (Я въ-самомъ-дѣлѣ получилъ такую бумагу отъ Общества по ходатайству В. И. Даля.)—«И подписана она Обществомъ?»—«Нѣтъ, однимъ генералъ-адъютантомъ Литке.» —«Сдѣлайте одолженіе, доставьте мнѣ ваши бумаги завтра поутру.» На другой день поутру, часовъ въ 8, ко мнѣ приходитъ разсыльный за бумагами. Я отослалъ. Жду часъ, жду другой: надо идти, а нельзя: бумаги не возвращены!.... Наконецъ я посылаю хозяина. Онъ возвратясь и говоритъ, что становой самъ идетъ. Ну, думаю, хочетъ меня вѣжливости учить: знать съ визитомъ идетъ. Входитъ становой и эксъ-становой, котораго я видалъ прежде.—«Здравствуйте, батюшка!»—«Здравствуйте, батюшка; прошу покорно садиться», сказалъ я, ему указывая на стулъ.—«Все то у васъ бумаги, все то бумаги, сказалъ онъ усаживаясь. Да ни какъ у васъ хозяина дома нѣтъ?»—«Да, кажется.»—«Прекрасный человѣкъ, вашъ хозяинъ!.... А я васъ выпустить не могу-съ!»—«Это почему?»—«А

такъ-съ! позвольте осмотрѣть ваши вещи!»—«Съ большимъ удовольствіемъ: извольте...»—«Нѣтъ, милостивый государь, одинъ я не стану..эй! сюда?» Съ этими словами въ комнату ввалилось человѣкъ десять или больше народу.—«А, вотъ что: по посидкамъ ходите, ко мнѣ не явились! Это понятые. Гдѣ ваши вещи?» Я ему указалъ на портфель: у меня только и было вещей, а остальныя я оставилъ въ Новѣгородѣ. Становой, спросивъ у хозяйскихъ: «все-ли?» сталъ разсматривать бумаги и читать ихъ вполголоса: «самина.... рушинка....» и засмѣялся, а за нимъ и всѣ понятые. Добрался онъ до пѣсенъ: «Скоро Дунюшка».... Отставной становой не утерпѣлъ, засмѣялся, и во все горло запѣлъ: «Дунюшка, Дунюшка притомилася!..»—«Да кто жъ эту пѣсню не знаетъ?» говорили понятые, смѣясь изъ угожденія становому: «у насъ любую дѣвку спроси—споетъ!» Долго бъ эта исторія еще продолжалась, если бы становой не отыскалъ писемъ ко мнѣ. Онъ хотѣлъ ихъ читать вслухъ, но я рѣшительно не позволилъ. Тутъ было между другими письмо отъ Купріянова, и мое заготовленное письмо къ Ч.; первый ѣздилъ по Новгородской губерніи съ предписаніемъ отъ Губернатора; поэтому становой его зналъ, а къ Ч. я писалъ наканунѣ и по счастію съ полнымъ титуломъ на конвертѣ. Это меня спасло отъ дальнѣйшихъ бѣдъ. Становой сконфузился и сталъ отдавать назадъ мои вещи. Но—

каюсь—я разсердился и требовалъ, чтобъ онъ далъ мнѣ какую-нибудь бумагу, по которой я бы могъ на него жаловаться. Онъ сперва не хотѣлъ, но такъ-какъ я настаивалъ, то онъ объявилъ, что можетъ составить актъ. Пошли мы къ нему въ канцелярію, вещи мои понесли за нимъ, тамъ составили какой-то глупѣйшій актъ; при этомъ еще случилось маленькое несчастіе :украли у меня нѣсколько тетрадокъ, при переноскѣ вещей въ канцелярію. Вѣрно соблазнился какой-нибудь понятой: мужики папиросы дѣлаютъ изъ всякой бумаги: думаю и мои тетради пошли тоже на папиросы.

Отъ становаго я прямо пошелъ въ Шимское. Уже начинало смеркаться и погода была не совсѣмъ хорошая. Народъ здѣсь до-нѣльзя привѣтливый: мнѣ попался водовозъ и предлагалъ стать на дровни, за бочкой, и я насилу отговорился только тѣмъ, что могъ замочить полушубокъ. Подходя къ Шимскому, уже довольно поздно, я встрѣтилъ мужика:-«Куда же ты, родной,—сказалъ онъ: ты пережди до завтра въ Шимскомъ, а завтра Богъ дастъ, найдешь обратныхъ—доѣдешь!» Я поблагодарилъ его за совѣтъ, мы разошлись, и онъ запѣлъ: «Спаси Господи люди Твоя...».

Новгородъ. 6-го Января.

Нынче ходилъ на водоосвященіе. Я стоялъ у са-

мой Іордани. Со мной рядомъ было нѣсколько мужиковъ, одинъ изъ нихъ съ совершенною увѣренностію говорилъ: «вотъ какъ погрузятъ въ воду крестъ, вода выступитъ». И точно: едва крестъ былъ погруженъ, вода выступила—отъ народа хлынувшаго къ пролуби, сдѣланной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Іордани, чтобъ умываться и пить освященную воду. Двое молодцовъ раздѣвшись (когда они успѣли—Богъ ихъ знаетъ!), бросились въ пролубь! Несчастный будочникъ закричалъ запретъ, да ужъ поздно. Купальщики окунулись три раза, вылѣзли изъ пролуби, и стали одѣваться, не торопясь одѣлись, и пошли потихоньку, какъ-будто послѣ сытнаго обѣда. Полицейскій солдатъ постоялъ около пролуби съ полчаса и ушелъ. Едва онъ ушелъ, опять стали купаться: одинъ за другимъ человѣкъ до 50 перекупалось. Я слышалъ, какъ одинъ изъ выкупавшихся, идя не спѣша, говорилъ: «послѣ купанья легче дѣлается».... Дѣвушки тоже купаются. Собирается ихъ нѣсколько, становятся кругомъ пролуби, чтобъ прикрыть раздѣвающуюся, и потомъ нѣкоторыя изъ нихъ купаются; неумѣющіе же плавать, какъ мужчины, такъ и женщины, кидаются въ рѣку на кушакѣ, или взявшись за палку.

Въ Новгородѣ на стѣнной колокольнѣ показываютъ колоколъ, про который мнѣ разсказывали слѣдующее: ѣхалъ Грозный царь съ торговой стороны на Софій-

скую. Въѣхалъ онъ на большой мостъ (его теперь нѣтъ). Въ то время ударили въ колоколъ, подъ Иваномъ конь палъ на колѣна. Грозный велѣлъ у колокола отрубить уши. Теперь этотъ колоколъ перелитъ. Въ Псковѣ есть такое же преданіе, тамъ тоже показываютъ колоколъ безъ ушей, онъ лежитъ на колокольнѣ на плахахъ, и въ него звонить нельзя.

Былъ въ Новгородскомъ уѣздномъ училищѣ. Когда я шелъ туда, никакъ не думалъ найти то, что̀ нашелъ. Мнѣ все казалось, что Новгородское училище должно быть похоже на Обоянское, Богодуховское, Харьковское и всѣ училища, которыя мнѣ Богъ привелъ видѣть, а ихъ было не мало. Я имѣлъ случай испытать все счастіе быть учителемъ въ уѣздныхъ училищахъ, и въ уѣздныхъ, и въ губернскихъ городахъ. Одинъ разъ я шелъ по улицамъ просвѣщаемаго мною города, навстрѣчу мнѣ попался ученикъ. Тотъ мнѣ поклонился, я велѣлъ ему надѣть шапку, сталъ съ нимъ разговаривать и шутить. Поговоривъ минуты двѣ, мы съ мальчикомъ разошлись. Увидала это какая-то старуха и замѣчательно оригинально выразила свое неудовольствіе:—«Вотъ такъ учитель!» говорила она: «вотъ такъ учитель; нѣчего сказать! Нѣтъ, сперва учителя не таковы были, бывало ученикъ увидитъ учителя—за версту бѣжитъ: а попался подъ руку, такъ отпотчуетъ, что на-поди! Сиди дома! А это что̀ за учитель—ученикъ передъ

нимъ въ шапкѣ стоитъ!».... При входѣ въ Новгородское уѣздное училище, я вспомнилъ эту старуху: то́-то бы она, горькая, сердилась! Ученики нетолько на улицахъ не бѣгаютъ отъ учителей, да и въ классахъ-то смотрятъ по человѣчески. Я прошелъ въ третій классъ, и, по просьбѣ смотрителя, спрашивалъ учениковъ. Вопросы были не совсѣмъ для дѣтей легкіе, напр. я спросилъ у одного ученика: когда исторія въ первый разъ упоминаетъ о Новгородѣ, и что́ онъ знаетъ объ этомъ городѣ еще? Мальчикъ, подумавъ съ минуту, сталъ разсказывать чрезвычайно толково; видно было, что онъ соображалъ и говорилъ свое, а не заученое на память, какъ говорится, на зубокъ. Другихъ я спрашивалъ изъ географіи, грамматики—тоже! Смотритель подалъ мнѣ какую-то ученическую тетрадку. Я думалъ, что это неизмѣнный разборъ: *Столъ* имя сущ. мужеск. рода и т. д. и не спѣшилъ взглянуть въ нее. Но представьте себѣ—что́ я нашелъ въ этой тетрадкѣ: ученическія сочиненія, и не на обыкновенныя темы: «ученіе полезно, добродѣтель пріятна».... Нѣтъ, здѣсь не было ни одного сочиненія о *высокихъ предметахъ:* одинъ разсказываетъ, какъ его захватила буря на Ильменѣ-озерѣ, другой тоже какую-то обыденную для него вещь. Но видно, что онъ самъ разсказываетъ, языкомъ довольно правильнымъ и замѣчательно яснымъ. Про правописаніе я не могу ничего сказать, кромѣ

того, что я прочиталъ цѣлое сочиненіе, и нашелъ одну ошибку, да и ту надо приписать опискѣ, потому-что запятыя, *яти* и *ести* и тому подобныя хитрости поставлены правильно. Вспомнилъ я еще одного профессора университета, который говаривалъ студентамъ, отвѣчающимъ на экзаменѣ своими словами, а не по тетрадкѣ: «Лучше автора не скажете, а потому совѣтую отвѣчать какъ у васъ записано». А тутъ въ уѣздномъ училищѣ приказываютъ отвѣчать «не слово въ слово, а толково». Еще послѣдняя замѣтка объ этомъ прекрасномъ училищѣ. Всѣ ученики ходятъ всякій въ своемъ платьѣ, прическу носятъ тоже свою, кто въ скобку, кто по нѣмецки, а въ Харьковскомъ учебномъ округѣ—всѣ въ мундирахъ и острижены по формѣ.

Зашелъ я въ трактиръ напиться чаю, разговорился съ однимъ господиномъ, онъ мнѣ сказалъ, что у него есть библія, написанная на кожѣ, и еще книга старая, да онъ не знаетъ—какая. Я распорядился чтобы онъ доставилъ эти книги къ К.... для Погодина.

Юрьевъ монастырь. 10 Января.

Нынче, часовъ въ 12, отправился я къ Юрьеву, правымъ берегомъ Волхова. Для меня это была совершенно новая и оригинальная картина: на полномъ зимнемъ пейзажѣ—быстро текущая рѣка. Все кругомъ

сковано зимой, одинъ только Волховъ остался вольнымъ Новгородцемъ! Ударятъ сильные морозы—и онъ поддается — ничто̀ сдѣлаешь! — присмирѣетъ и онъ, покроется льдомъ, да не надолго; опять сломитъ ледяныя оковы и понесется быстро, вольно!

На самомъ Волховѣ заколовъ не дѣлаютъ; нельзя: суда ходятъ; да и Волховъ глубокъ, а закалываютъ *озѐрки,* т. е. заливы волховскіе, которые иногда лѣтомъ и пересыхаютъ. Когда весной вода въ маленькихъ рѣчкахъ и озеркахъ войдетъ въ берега, тогда начинаютъ дѣлать заколы. Заколываютъ такимъ образомъ: вбиваютъ поперегъ всей рѣки или устья озерка 2 ряда кольевъ, такъ чтобы колья одного ряда не были противъ кольевъ другаго, а на искось; потомъ между этими рядами вбиваютъ *лучину,* тонкія дощечки въ руку, или въ 3, въ 2 пальца шириною, а длиною смотря по глубинѣ, такъ чтобы лучина выходила изъ воды. Лучина вбивается одна отъ другой близко, только чтобъ вода проходила. Къ кольямъ привязываютъ перекладины, а къ перекладинамъ привязываютъ лучину. Иногда заколываютъ съ лодокъ, а иногда, когда мелко, идутъ въ воду, по поясъ не больше. Тогда закольщики надѣваютъ *штаны,* т. е. широкіе кожанные штаны съ сапогами вмѣстѣ сшитые, доходящіе до полгруди, запрятывая туда и полушубокъ. Чтобъ узнать—годны ли для работъ на заколахъ штаны, ихъ до̀-полна наливаютъ деггемъ; не

пройдетъ деготь—и вода не пройдетъ; пройдетъ деготь—мастеру штаны назадъ отдаютъ.

Г. Зарубинъ мнѣ говорилъ, что закольщики, надѣвая такіе штаны, наливаютъ ихъ теплою водою и тогда идутъ въ воду. Это онъ видѣлъ на Взвадѣ (большая деревня). Въ другихъ мѣстахъ этого не дѣлаютъ, а просто на чистоту: надѣваютъ штаны, а коли мелко, то и просто сапоги, да и въ воду. Сдѣлавши заколъ, ждутъ, пока вода станетъ сбывать. Рыба, какъ извѣстно, весной идетъ въ гору; когда же вода начнетъ сбывать, рыба вмѣстѣ съ водой идетъ внизъ, и подойдя къ заколу, тамъ остается; пройдти негдѣ; тогда ее очень легко брать; а какъ часто озерки совершенно высыхаютъ, то ни одной *рыбины* въ заколѣ не оставятъ, всю возьмутъ; развѣ какая выше въ ямѣ останется, рыбинъ десятка полтора. На рѣчкахъ дѣлаютъ нѣсколько заколовъ, всякъ себѣ; а на озеркахъ и ручьяхъ одинъ; озерки отдаются на откупъ (1). Около самаго Новагорода есть заколъ на озеркѣ, который, говорятъ, ходитъ до 4,000 р. сер.

Дорогой къ Юрьеву мнѣ не попался ни одинъ попутчикъ; были только встрѣчные; меня всегда поражаютъ *поозеры* своею привѣтливостію. Это не роб-

(1) Говорятъ, что сперва въ откупныхъ мѣстахъ позволялось ловитъ рыбу удочками; есть и пословица: *„на уду запрету нѣтъ.“* Теперь же откупщикъ обязываетъ тѣхъ, кто въ его заколѣ ловитъ удочкой, продавать ему рыбу за условленную прежде цѣну.

кая вѣжливость человѣка, забитаго холопствомъ; нѣтъ, этотъ съ вами вѣжливъ, но совѣтую и вамъ быть съ нимъ тоже. Всякій, встрѣтившій васъ, непремѣнно скажетъ вамъ: «здравствуй, молодецъ хорошій», или «здравствуйте, ваше степенство!»

Въ Юрьевъ монастырь, или какъ здѣсі выговариваютъ *морастырь*, или *номастырь*, я пришелъ до вечерень. Около лѣтняго большаго собора три могилы монаховъ, изъ которыхъ самый замѣчательный, кажется, тѣмъ, что былъ духовникомъ благодѣтельницы монастыря, какъ сказано на памятникѣ, графини А. А. Орловой, другой—братъ его, третій—Шилкинъ или Шишкинъ, не помню. Три брата Орловыхъ: Алексѣй, Григорій и Өеодоръ, какъ я послѣ узналъ, похоронены въ самомъ соборѣ. Монахи всѣ заняты своими дѣлами, и я насилу добился, гдѣ будетъ служба, и то не отъ монаха, а отъ мальчика, штатнаго, который приходитъ сюда ежедневно изъ Юрьевой слободы. Про богатство иконостасовъ монастырскихъ церквей нечего и говорить: всѣмъ извѣстно, что графиня Орлова большую часть всего своего имѣнія отдала этому монастырю чрезъ руки Фотія, бывшаго Юрьевскимъ архимандритомъ. Разсказываютъ, что въ этомъ монастырѣ при Фотіѣ изъ ризницы пропало разныхъ вещей и камней на 800,000 руб. (асс. или сер. не знаю). Изъ Петербурга пріѣхали производить слѣдствіе. Фотій отправился къ Орловой (она жила

въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ монастыря),сказалъ ей, что она дала въ монастырь камни вѣрно не добромъ отцомъ ея нажитые, и что вѣрно Богу не угодно принять такой даръ. Орлова сдѣлала всѣ пропавшія вещи лучше прежнихъ и упросила въ Петербургѣ не производить слѣдствія. Иконостасъ по этому очень богатъ, утварь тоже; но я былъ удивленъ тѣмъ, что въ церкви народу было довольно, а передъ иконами горѣла всего одна грошовая свѣча, поставленная какимъ-то горемыкою. Даже лампады не всѣ были зажжены. Служба шла очень долго: до 7½ часовъ. Стемнѣло совершенно, идти было некуда; я спросилъ у одного монаха: могу ли я переночевать въ монастырѣ? Но тотъ, вѣрно обрадовавшись, что вырвался изъ церкви, только глянулъ на меня, и пробѣжалъ мимо; я къ другому — то же. Наконецъ одинъ пòслушникъ мнѣ сказалъ, чтобъ я шелъ за народомъ изъ монастыря. « Тамо-тко и гостинница монастырская„. Вышедши изъ монастыря, я пошелъ за толпою, но оказалось—не въ ту сторону: надо было идти на право, а я пошелъ налѣво; я вернулся и къ счастію попалъ на богомольца, который довелъ меня въ гостинницу, куда бы я одинъ ни за чтò не попалъ. Надо было обойти кругомъ весь монастырь, пройдти бани, разныя службы, и проч. Гостинница состоитъ изъ двухъ половинъ—мужской и женской. Мужская — довольно большая комната, съ чугунною и русскою

печью; кругомъ широкія лавки, у передняго угла столъ, посреди виситъ ночникъ; перегородкой отгороженъ небольшой чуланъ—келья повара. Когда мы вошли въ гостинницу, тамъ было человѣкъ 10—12 богомольцевъ и богомолокъ, или, какъ здѣсь говорятъ, *странныхъ* и *странницъ*. Послѣ почти четырехъчасовой службы всѣ устали и сидѣли молча около 10 минутъ. Потомъ разговорились. Поваръ, парень лѣтъ 25 въ подрясникѣ и монашеской шапкѣ, обратясь ко мнѣ, спросилъ: «Откуда, рабъ Божій?»—Изъ Москвы почтеннѣйшій. — «Доброе дѣло, рабъ Божій, задумалъ доброе дѣло!» — «А ты, рабъ Божій, откуда?» спросилъ онъ другаго. — Я-то ? — « Ну да, ты откуда ? » — Мы дальніе. — « А сколь далеко?» — Да изъ-за Чудова, Новгородской губерніи.—«Ну, это еще не гораздо далеко, верстъ 70!» — « А, долбежники!» подхватилъ Тверской мѣщанинъ: долбежники!»—Отъ чего же долбежники? спросилъ я. — «Какъ отъ чего! Можетъ-быть ты слышалъ: еще за нашихъ дѣдовъ былъ царемъ Иванъ Васильевичъ Грозный, слышалъ?» —Слыхалъ.—«Ну, такъ вотъ этотъ самый Иванъ Васильевичъ Грозный долбешкой гонялъ Новгородцевъ въ Волховъ топить!» —За что же онъ ихъ топилъ?—«А этого я тебѣ сказать не могу. Вѣрно какую ни на есть огрубность сдѣлали.»—А ты откуда? спросилъ московскій мѣщанинъ, приведшій меня въ гостинницу, очень благообразный мужикъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ:

—ты откуда? спросилъ онъ отставнаго солдата?—Мы недальніе: всего верстъ за двадцать отсюда.— «Богу пришелъ потрудиться?» продолжалъ Москвичъ.— Нѣтъ, не хочу грѣшить; дѣло есть въ Новѣгородѣ; такъ я нонче переночую въ морастырѣ, завтра пораньше сбѣгаю въ городъ, подамъ просьбу, а къ обѣду опять въ морастырь.—«Какую просьбу?»—«Да вотъ какую: мы сперва наперво были люди господскіе. Господа отдали меня въ солдаты, и служилъ я, мои родненьки, Богу и великому Государю ровно 27 годочковъ. А какъ пошелъ я на службу, осталась у меня жена (годокъ только съ ней и пожилъ), осталась жена, да грудной мальчикъ. Прихожу въ-чистую, а сынъ прежъ меня приходилъ по желтому билету ([1]) и опять ушелъ: его тоже въ солдаты отдали, остались и у него двое дѣточекъ. Чѣмъ кормиться, чѣмъ питаться?..« Всѣ на него жалобно взглянули, послышались въ разныхъ углахъ вздохи. Многіе перекрестились съ словами:—«Господи, Боже мой! Господи помилуй!» Пока мы балякали, поваръ, надѣвши фартукъ, поставилъ на столъ ведро квасу, къ которому и стали подходить: сперва одинъ, нѣсколько погодя другой. Поваръ поставилъ ближе къ переднему углу чашку щей. Всѣ, помолясь Богу, и умывши руки изъ висѣвшаго тутъ же рукомойника, сѣли за столъ, мужчины въ пе-

([1]) Т. е. въ безсрочный отпускъ.

реднемъ углу, женщины съ краю. Поваръ поставилъ корзинку съ ложками, всякъ сталъ брать себѣ ложку. Замѣчу мимоходомъ: богомольцы брали какую попало, только Москвичъ одну ложку взялъ съ ряду, а другую выбралъ и подалъ мнѣ; страдницы же стали выбирать, и сперва шопотомъ, потомъ громче и громче, а наконецъ и громкимъ крикомъ изъявлять свое неудовольствіе: ложекъ не было хорошихъ! Поваръ стоялъ, усмѣхался, и съ самою добродушною улыбкою поддразнивалъ ихъ. Наконецъ все угомонилось; всѣ примолкли.—«Дадутъ намъ хлѣба?» спросилъ я шопотомъ своего сосѣда Москвича.—«Тутъ сухари накрошены», —отвѣчалъ онъ мнѣ тоже тихо, я попробовалъ щей; ничего, есть можно: съ рыбой, хоть и изъ сѣрой капусты. Подъ конецъ блюда этого, поваръ роздалъ всякому по ломтю хлѣба. Кончивши щи, послѣ предложенія «подлить еще», отъ чего всѣ отказались, намъ подали кашицу съ конопляным масломъ. Кашица была даже и очень хороша. Поваръ всѣхъ угощалъ очень радушно. Поужинали, встали изъ-за стола, помолились Богу, и начали опять говорить.—«При графинѣ было не то,—пропищала скороговоркой одна страдница:—при графинѣ подавали всегда три блюда; три блюда хорошія; сперва подадутъ щи хорошія съ рыбой, а тамъ кашу крутую съ масломъ, а тамъ, по праздникамъ, пироги съ кашей; а на передній уголъ, хоть и второй руки, а все-таки изъ пшеничной муки.»

— « Да нынче, родненькая, суббота», проговорилъ сперва незамѣченный мною мужичокъ юродивый. Онъ былъ небольшаго роста, волосы черные съ сильною просѣдью; видно было, что онъ рѣдко причесывался, но волосы его сами собой сложились въ чудныя кольца. Лицомъ онъ былъ худощавъ, глаза голубые, и какъ-будто испуганные; но это ни чуть не мѣшало ему быть прекраснымъ; такого добросердечія, простоты, искренности—не часто случается видѣть. Послѣ какъ я ни старался заговаривать съ нимъ, онъ, улыбаясь, только говорилъ: — «да, да, да, да.»

— А вы откуда, спросилъ Москвичъ повара?— «Мы изъ Демьянска.» —Чтожь, монашествуете? —«Да, послугъ справляемъ.»—А давно монашествуете?— »Двухъ *годъ* нѣту: въ Маѣ два будетъ.»—«Вретъ! изъ мужиковъ», проговорилъ отставной солдатъ вполголоса: «по найму!» Въ комнатѣ было тихо, а потому нельзя было не слыхать этихъ словъ; однако поваръ не слыхалъ, или не хотѣлъ слышать, и ничего не отвѣчалъ. Изволите видѣть—повару захотѣлось почваниться: все-таки монашескій санъ выше крестьянскаго!

—«А много у васъ монашествующей братіи?» опять спросилъ Москвичъ повара.

— Да 93 человѣка,—отвѣчалъ тотъ: только они не всѣ здѣсь живутъ.

— «А гдѣ же?»

— Съ версту, а не то версты полторы будетъ тамъ скитъ у насъ есть; какой монашекъ запьется, такъ того въ скитъ и сошлютъ. Вотъ отецъ П., хорошій монахъ, да разъ грѣхъ попуталъ: напился, ну это еще бы ничего..... а вотъ куда сатана дернулъ: уѣхалъ въ городъ баловаться, а тамъ его поймали, да къ отцу архимандриту и привели. Тотъ ужъ его изчунялъ, изчунялъ.... Ну, изъ монастыря въ скитъ не послалъ, длятого, что первый разъ: про отца П. кого хочешь спроси, ни онъ къ кому въ келью, ни къ нему кто — никогда! Монахъ чистый, монахъ честный, постникъ какой; а вотъ Богъ же попустилъ лукаваго искусить... ну, а другова какова замѣтитъ отецъ архимандритъ, сейчасъ въ скитъ, а отца П. не захотѣлъ срамить.

Во время этого разговора богомолки всѣ ушли въ женское отдѣленіе, а богомольцы стали укладываться на ночь спать. Я и Москвичъ были одѣты лучше всѣхъ; насъ обоихъ величали всѣ (кромѣ повара, который всѣхъ называлъ рабами Божьими), «ваше степенство». Всѣ ложились, оставались мы только двое не выбравшіе мѣстъ для ночлега. Какъ вы думаете, какія мѣста намъ достались, самыя худшія? Далеко ошиблись! Самыя лучшія! Москвичъ поспѣшилъ занять худшее изъ двухъ оставшихся мѣстъ.

Монастырская прислуга ходитъ каждый день, кромѣ пятницы и субботы: прислужники шьютъ, воду

носятъ и другія работы исправляютъ на монаховъ.

Едва только мы размѣстились, какъ поваръ замѣтилъ, что у многихъ, въ томъ числѣ и у насъ, нѣчего было постлать, ни положить въ головы; онъ сейчасъ пошелъ за свою перегородку, принесъ нѣсколько войлоковъ, обшитыхъ тикомъ, и подушекъ. Я выпросилъ у него свѣчку и сталъ перебирать свои дневники.

Едва всѣ уснули, какъ кто-то застучалъ въ окно. Москвичъ всталъ, вышелъ на крыльцо.—«Спрашиваютъ, гдѣ въ Ракому проѣхать», сказалъ онъ, и опять легъ спать. Я забылъ сказать, что здѣсь былъ нищій мальчикъ лѣтъ 10. Я его уговаривалъ лечь на лавкѣ, но онъ легъ, вмѣстѣ съ юродивымъ, почти на голомъ полу, чему я послѣ позавидовалъ: не успѣлъ я лечь, какъ на меня напали клопы, такъ что я цѣлую ночь не могъ уснуть, зажегъ свѣчу и опять за дневникъ.

С. Юрьино. 11-го Января.

Поутру я проснулся поздно, когда уже пришли богомольцы отъ ранней обѣдни. Богомолки засуетились, выпросили у повара самоваръ и унесли въ свою половину. Одна принесла келейнику босовики. Спасибо, спасибо, мой дорогой, спасибо, что поберегъ мои ноженьки», говорилъ она.—«Мнѣ спасибо не надо, говорилъ онъ шутя: а ты мнѣ рубль сер. дай!» Та засмѣялась и ушла. Я спросилъ, какіе босови-

ки она ему принесла?—«Да вотъ ея башмаченки сохли, такъ я ей свои босовики давалъ», отвѣчалъ онъ. Народу противъ вчерашняго прибавилось. Кто-то проговорилъ: «Страдницы безъ чаю быть не могутъ!» —«Да, не могутъ! а дома чай и перекусить нѣчего», отозвался другой.—«Всякія бываютъ; бываютъ и такія: срамничаютъ, а не страдничаютъ! Вотъ было, рабы Божіи», проговорилъ поваръ: «вотъ смѣху было! На той недѣли приходитъ сюда страдница. Я, говоритъ, дворянка! Полковницкой дочкой сказывается. Ну, полковницкой дочки отвелъ я особую келью. Только вижу полковницкая дочь *головата* (1) гораздо: того дай, другаго принеси..... Я прихожу къ ней, да и говорю,—надоѣла крѣпко,—говорю: матушка, если ты дворянка, покажи видъ.—Какъ ты смѣешь спрашивать у меня видъ? Какъ ты смѣешь требовать?—«Требовать я не требую», говорю я: а если не покажешь, иди въ общую братскую. Та схватила мѣшочекъ свой, да изъ монастыря бѣжать. А тутъ случился сотскій, къ ней:—Покажи видъ! Та туда, сюда..... Я сотскій, говоритъ, покажи, не пущу: къ становому представлю!..... Какъ показала она видъ-то...... То-то смѣху...... солдатская дочь!....»

— Богомолокъ простыхъ не бываетъ, прогово-

---

(1) Т. е. въ головѣ много выдумокъ.

рилъ кто-то: все дворяники!—«Не угодно ли кому кипяточку?» спросила вбѣжавшая богомолка. Нѣсколько мгновеній никто не отвѣчалъ, а потомъ всѣ въ одинъ голосъ проговорили: «благодаримъ покорно, никому не нужно!»

Заблаговѣстили къ обѣднѣ, я пошелъ въ церковь. Та же бѣдность освѣщенія, что̀ и вчера: нѣсколько грошовыхъ свѣчъ поставили богомольцы и только! По окончаніи обѣдни, я попросилъ монаха, какъ послѣ оказалось, отца П., показать мнѣ ризницу и библіотеку монастырскія. Въ библіотеку онъ вызвался меня повести послѣ обѣда; о ризницѣ сказалъ, что не можетъ ее самъ показать, а ризничій уѣхалъ. Я пошелъ въ гостинницу, тамъ народу было гораздо больше вчерашняго: человѣкъ около 50. Мнѣ ужасно хотѣлось курить; въ общей братской я не зналъ —можно ли? Я вчера выходилъ на крыльцо, теперь пошелъ на Волховъ. Выкуривъ папироску, вернулся въ гостинницу; тамъ уже садились за столъ. Та же исторія съ ложками, тѣ же блюда, все то же; даже опять та же богомолка спрашивала пироговъ; поваръ-келейникъ тоже отвѣчалъ, что нѣтъ. Только какъ народу было много, то обѣдали за двумя столами: за верхнимъ сидѣли мужчины, а за нижнимъ женщины и ребятишки. Во время обѣда пришла нищая, преразбитная баба. Съ ней зашучивалъ келейникъ, просилъ у нея денегъ.—«А ты думаешь нѣтъ

у ней денегъ? сказалъ : одинъ богомолецъ. «Тамъ около насъ есть нищая,—такая же. Въ третьемъ году у ней украли 700 рублей; да вотъ мѣсяцъ тому назадъ, еще 320 рублевъ!»—Да это Алена? спросили нѣкоторыя.—«Она; приходила она къ намъ, такъ говорила, что еще и золотыхъ съ сотню наберетъ. Воровъ нашли, да только денегъ-то осталось 35 рублей; они признались, что деньги *ейныя* (ея).»

Послѣ обѣда я пошелъ отыскивать П. Онъ встрѣтилъ меня въ корридорѣ и мы прямо пошли въ библіотеку, не заходя къ нему въ келью. Про библіотеку я не стану ничего говорить: Погодинъ былъ здѣсь и видѣлъ, что Фотій привелъ ее въ порядокъ, она и помѣщается въ его лѣтней кельѣ, разумѣется, исправленная и *очищенная:* Фотій былъ благочиннымъ во всѣхъ новогородскихъ монастыряхъ, а потому занялся во всѣхъ *очисткою* библіотекъ. Онъ, какъ мнѣ сказывали крестьяне Юрьевской слободы, выбралъ изъ всѣхъ монастырскихъ библіотекъ *вредныя* книги, привезъ ихъ въ Юрьевъ монастырь, разложилъ костеръ и приказалъ ихъ при себѣ сжечь. Одинъ крестьянинъ укралъ одну книжку, которую выпросилъ у него какой-то солдатъ. Да, я забылъ сказать, что до осмотра библіотеки, я подошелъ къ одному монаху, сидѣвшему за оградой монастырской, подъ благословеніе: «Господь благословитъ! прогово-

рилъ онъ, я простой монахъ.» Какъ ни старался я съ нимъ заговорить, но монахъ не поддавался.—Ловите ли вы рыбу? спросилъ я его.—«Нѣтъ-съ! Господи спаси и помилуй!» Въ это время другой монахъ (какъ я послѣ узналъ, самъ ловецъ), въ накидку ряска, клобукъ на бокъ, но не отъ щегольства, а такъ, самой свирѣпой наружности, покупалъ рыбу у рыбака. Не сторговались. —«Ишь проклятый, сказалъ онъ, подходя къ моему монаху, 20 руб. проситъ!»—Серебромъ, батюшка? спросилъ я.—«А ты еще на ассигнаціи считаешь?»—А много ли рыбы?—«А не считалъ.»—Сколько же вы давали?—«Ты бы слушалъ, если хотѣлъ знать.» Повернулся онъ, да и пошелъ.—«Отецъ А., сказалъ мой монахъ, что жъ ты свѣчи мнѣ!»—Да вѣдь ты взялъ!—«Да ей Богу же не бралъ! Взялъ бы, чему же еще просить!»—Врешь, взялъ!—«Да лѣшій ты этакой.....(я не берусь сказать на кого походилъ отецъ А.....) —Ну! занесся! равнодушно проговорилъ отецъ А. —«Этакаго лѣшаго и свѣтъ не видалъ», возражалъ изъ всѣхъ силъ мой монахъ.—Приходи—дамъ; вѣдь отъ тебя не отвяжешься: взялъ не взялъ—нужно дать.

Послѣ этой сцены я пошелъ къ отцу П., для осмотра библіотеки. Штатный служка проводилъ меня къ нему и дорогой сказалъ, что отецъ А. да-

валъ за рыбу (а рыба была одни язи), по 2 р. 50 к. сер. за пудъ.

Новгородъ. 16 Января.

Изъ Юрьева монастыря я пошелъ опять къ Ильменю, не разсчитывая на успѣхъ работы, а съ единою цѣлію себя повеселить. Желалъ бы я, чтобъ кто нибудь, видя Ильмень-озеро, не какъ декорацію, а Ильмень съ жителями, съ духомъ Новагорода Великаго, остался къ нему равнодушнымъ!

Не такъ сдѣлалось, какъ я хотѣлъ! А все-таки, слава Богу, сдѣлалось къ лучшему. Пройдя съ версту по лѣвому берегу Волхова, подъ Юрьевскою слободою, увидалъ старика рыболова, починивавшаго свои мерёжи. Я къ нему подошелъ, и онъ вскорѣ пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ на мерёжи. Я разумѣется отправился съ нимъ.

— Ты, дядя, всегда одинъ ѣздишь на мерёжи? спросилъ я, садясь въ лодку.

—«Коли тихая погода, отвѣчалъ старикъ, да старухѣ недосугъ—одинъ ѣзжу; ну, а коли вѣтры, лодку будетъ сносить, одному ѣхать нельзя, возьму старуху. Я вынимаю, она лодкой поправляетъ. У насъ все такъ дѣлается; лѣтомъ, зимой ли, все выѣзжаютъ на озеро вдвоемъ, мужъ съ женой. Теперь ты возьмешь весло, какъ стану мерёжу кидать.

— Весло-то я возьму, да на врядъ помогу: не знаю, что надо дѣлать.

—« Поможешь!.... Глянь-ко, глянь», проговорилъ онъ, указывая на Юрьевъ монастырь: «что твои звѣздочки горятъ главы-то на *номостырѣ*. Графиня ([1]), дай ей Господи царство небесное, золотила главы что ни на есть самымъ чистымъ золотомъ.»

— А ты знавалъ графиню?

—«Какъ не знавать! Душа была у ней чистая; какъ жила графиня, *хорошо было: хоть пеи-пьшь— ротъ-ухо!* ([2]) Бывало Фотій кого побьетъ, напишетъ записку, да и пошлетъ къ графинѣ, а та тужь пору— золотой и выдастъ».

— А Фотія ты зналъ?

—«Какъ не знать! Я пришолъ разъ къ обѣднѣ, Фотій служилъ, отошла обѣдня, я къ Фотію подъ благословеніе и *тесъ* ([3]). «Приди ко мнѣ», говоритъ онъ мнѣ. Я пришолъ, онъ далъ записку: отнеси, говорить, графинѣ. Я только подалъ записку не самой графинѣ, лакею, что-ль какому, мнѣ и выдали золотой. У графини все деньги были золотыя; къ ней возили въ боченкахъ.»

---

(1) Гр. Анна Алексѣевна. Орлова-Чесменская.

(2) Sic!

(3) Это слово, безъ опредѣленнаго, кажется, смысла, употреблено здѣсь старикомъ, чтобы выразить, какъ онъ скоро попалъ подъ благословеніе, сунулся. Онъ сопровождалъ это движеніемъ руки подносимой подъ благословеніе.

Пріѣхали мы на мерёжи, и когда мнѣ старикъ передалъ весло, я оказался не совсѣмъ способнымъ; но какъ вѣтру не было, то старикъ и безъ моеи помощи поставилъ мерёжи, а вынимать ихъ и помощь моя не нужна была. Въ мерёжахъ попалось очень много раковъ (мы привезли ихъ до 250) и десятка три, или четыре небольшихъ налимовъ, отъ 5 до 7 вершковъ.

Пока старикъ ставилъ и вынималъ мерёжи, и разсказывалъ про вѣтры на Ильменѣ, я вынулъ свою записную книжку, и записалъ слѣдующее, отъ слова до слова.

1) *Крестовый западъ*: возьмется, скрестится противъ сиверика, креститъ Волховъ; нѣтъ хитрѣе вѣтра.

2) *Подъ-сиверный западъ*: все одинъ дуракъ: пойдетъ катать.... Милосердый Господи, пыхнуть не дастъ....

3) *Сиверикъ*: онъ хоть задуетъ когда—да прямо, все легче.

4) *Востокъ*: этотъ легче вѣтеръ.

5) *Зимнякъ*: прямо въ Зубки (деревня); эти два вѣтра съ крышъ не рвутъ; это не вѣтеръ, коли я ѣду, куда хочу; а то вѣтеръ, коли съ берега ѣхать не куда.

6) *Озерникъ*: отъ Старой-Русы; самый чудесный! Если придетъ Божья половина—ау!....

7) *Чистый полуденникъ*: прямо пойдетъ съ Ужина къ Питеру — славно! Озерникъ да полуденникъ для ловцовъ—Господь хлѣбъ даетъ!....

8) *Шелонникъ*: у насъ называется, когда по Шелони идетъ.

9) *Мокрякъ*: когда дуетъ на Юрьево отъ Ракомы.

10) *Падыра*: самая страшная буря.

Для проходящихъ барокъ что ни лучшіе—Шелонникъ да Мокрякъ, для ловцовъ Озерникъ-Полуденникъ, да Шелонникъ, да Зимнякъ самые лучшіе: рыбы понагонитъ.

— «Написалъ»? спросилъ меня старикъ, когда я закрывалъ записную книжку.

— Написалъ, отвѣчалъ я ему.

— «Прочитай.»

Я прочиталъ.

— «Все вѣрно».

Мой старикъ сталъ вынимать мерёжи, вытряхивать изъ нихъ раковъ и налимовъ, и у насъ на нѣсколько минутъ прекратился разговоръ.

— Какой это столбъ стоитъ? спросилъ я старика, указывая на столбъ, очень похожій на верстовый, хотя большой дороги и не было. Мы въ это время были подъ самымъ скитомъ Юрьевскимъ, извѣстнымъ въ народѣ подъ именемъ Перюньскаго [1].

— «А вотъ видишь ты, какое дѣло было», началъ разсказчикъ: «былъ звѣрь-зміяка, этотъ звѣрь-зміяка

[1] Это не совсѣмъ Перюньскій и не совсѣмъ Перунскій, а звукъ какой-то средній между у, ю и ы. Въ книгахъ монастырь называется Перынь.

жилъ на этомъ самомъ мѣстѣ, вотъ гдѣ теперь скитъ святой стоитъ, Перюньской. Кажинную ночь этотъ звѣрь-зміяка ходилъ спать въ Ильмень озеро съ Волховскою коровницею. Перешелъ зміяка жить въ самый Новгородъ; а на ту пору и народился *Володимеръ*—князь въ Кіевѣ; тотъ самый Володимеръ князь, что привелъ *Руссею* въ вѣру крещенную. Сказалъ Володимеръ князь: «всей землѣ Русской—креститься». Ну и Новгороду—тожь. Новгородъ окрестился. Чорту съ Богомъ не жить: Новый-Городъ схватилъ зміяку Перюна, да и бросилъ въ Волховъ. Чортъ силенъ: поплылъ не внизъ по рѣкѣ, а въ гору—къ Ильмень-озеру; подплылъ къ старому своему жилью,—да и на берегъ! Володимеръ князь велѣлъ на томъ мѣстѣ церковь рубить, а дьявола опять въ воду. Срубили церковь: *Перюну* и ходу нѣтъ! Отъ того эта церковь назвалась Перюньскою; да и скитъ тоже Перюньской.»

— А столбъ-то какой?

— «Да на то и поставленъ: мѣсто гдѣ, значитъ, Перюнъ изъ Волхова выскочилъ. Въ Новѣ-городѣ, я помню, ставили столобочекъ, ставили съ царемъ, такъ тамъ солдаты въ барабаны били, въ музыку играли, честь отдавали, попы молебенъ пѣли. А здѣсь принесли солдатики столбушекъ, вкопали, да и ушли. Да только не сказали народушку: какой такой съ чего зародился *той* столобикъ. А ѣхали-то

изъ Грузина: отъ Новагорода до Грузина считается 90 верстъ, 90 верстъ ѣхали съ *столобомъ* и поставили столобъ.»

Послѣ я узналъ, что этотъ «столобочекъ-памятникъ» ни что иное какъ верстовой столбъ, поставленный водяною коммуникаціею.

Причалили мы къ тому мѣсту, откуда поѣхали; мой дядя заднимъ концомъ веслà досталъ кнейку, т. е. сѣтку, навязанную на обручи, и сталъ перекладывать рыбу изъ лодки въ кнею, потомъ вынулъ тѣмъ же весломъ другую кнею и туда переложилъ раковъ. Я хотѣлъ купить у него раковъ, но онъ не продалъ, пригласилъ къ себѣ, и когда я согласился, досталъ опять обѣ кнеи, изъ одной отобралъ налимовъ съ десятокъ, а изъ другой раковъ съ сотню, положилъ въ шапку и мы отправились къ нему въ домъ.

— «Попробуй, братъ, нашей рыбки: попробуй, изъ Волхова рыба слаще озерной: тамъ грѣха много, кажинный ватаманъ съ нечистою силою знается.»

Пришли. Хозяинъ отдалъ хозяйкѣ и рыбу и раковъ варить, а я послалъ за водкой.

— «При покойникѣ Фотіѣ все было лучше: вотъ кабакъ, и тотъ былъ: умеръ Фотій—кабакъ снесли.»

Принесли водки, уха поспѣла, и мы сѣли обѣдать

втроемъ: хозяинъ съ хозяйкой, да я. Послѣ обѣда старуха начала разсказывать про чудеса.

— «Вотъ у моего хозяина», говорила она: «есть сестра, и теперь жива, выдали ее замужъ, да на свадьбѣ-то ихъ и испортили. Покажись молодому, будто молодая до него гуляла, онъ ее и поколотилъ. Ну, ничего, отошла свадьба; стали они жить вдвоемъ. Какъ-только мужъ придетъ домой обѣдать,—жена кричать, а мужъ ее бить. Кажинный день жена кричала, а мужъ ее билъ. Спасибо, пришелъ добрый человѣкъ, въ три дня все покончилъ: надъ дверьми было ввернуто пѣтунье (1) перо, въ полу (а полъ былъ изъ барочнаго лѣсу) вынули изъ дырки—гвоздемъ было заколочено—волосья, уголь и соль. Выкинулъ онъ эту дрянь, да не велѣлъ мужу жену колотить, все и прошло. Жена первый день покричала-таки, на другой поменьше, а на третій и кричать перестала.»

Пообѣдавъ, я пошелъ къ Волхову: попавшагося мнѣ ловца я попросилъ перевезти меня на ту сторону.

— Отъ чего у васъ Волховъ не мерзнетъ? спросилъ я своего перевозчика.

— «А вотъ отъ чего», — сталъ говорить тотъ, переставъ грести весломъ: «Еще за нашихъ дѣдовъ,

(1) Т. е. пѣтушье.

еще Питеръ былъ не подъ нашимъ владѣніемъ, былъ царь Грозный, Иванъ Васильевичъ. Пріѣхалъ царь Грозный въ Новгородъ, пошелъ къ Софіи къ обѣднѣ. Стоитъ Иванъ царь, Богу молится; только глядитъ—за иконой бумага видится. Онъ взялъ ту бумагу, и распалился гнѣвомъ! А ту бумагу положили по *насердкамъ* духовники, а какая та была бумага, никто не знаетъ. Какъ распалился Грозный царь—и велѣлъ народъ *рыть* въ Волховъ; царь Иванъ сталъ на башню, что на берегу налѣво, какъ отъ сада идешь на ту сторону; сталъ Грозный на башню, стали народъ въ Волховъ рыть: возьмутъ двухъ, сложатъ спина съ спиной, руки свяжутъ, да такъ въ воду и бросятъ; какъ въ воду—такъ и на дно. Нарыли народу на 12 верстъ; тамъ народъ остановился, нейдетъ дальше, нельзя Грозному народу больше рыть! Послалъ онъ посмотрѣть за 12 верстъ вершниковъ—отъ чего мертвый народъ внизъ нейдетъ. Прибѣжали вершники назадъ, говорятъ царю: мертвый народъ стѣной сталъ.—«Кàкъ тому быть?» закричалъ царь: «давай коня!» Подали царю коня; царь сѣлъ нà-конь и поскакалъ за 12 верстъ. Смотритъ—мертвый народъ стоитъ стѣной, дальше нейдетъ. Въ то самое времячко стало царя огнемъ палить: сталъ огонь изъ земли кругомъ Грознаго выступать. Поскакалъ царь Иванъ Васильевичъ прочь; огонь за нимъ; онъ скачетъ дальше,

огонь все кругомъ!.... Царь соскочилъ съ коня, да на колѣночки сталъ, Богу молиться. «Господи! прости мое согрѣшеніе». Огонь и пропалъ. Пріѣзжаетъ царь въ Новгородъ; тамъ черезъ сколько времени пришелъ къ митрополиту обѣдать въ постный день. Митрополитъ поставилъ на столъ *рѣдьчину* (1), а царю кажется—голова кобылья!—«Чѣмъ ты меня подчуешь, митрополитъ?» говоритъ царь: «теперь постъ, а ты поставилъ мясо, да еще какое—кобылью голову, что ѣсть и въ скоромный день грѣхъ большой!» Митрополитъ усмѣхнулся, да и говоритъ:—«Ѣсть кобылью голову грѣхъ, а народъ губить—святое дѣло!» Благословилъ митрополитъ ту рѣдьчину; царю и показалась рѣдьчина—рѣдьчиной. Съ-тѣхъ-поръ Волховъ и не мерзнетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Грозный царь народъ рылъ: со дна Волхова тотъ народъ пышетъ... А гдѣ народъ становился за 12 верстъ, тамъ Хутынскій монастырь царь поставилъ.......»

(1) *Рѣдьчина*, какъ и *рыбина*—означаетъ *одну* рѣдьку или рыбу, а *рѣдька* и *рыба* у народа—имена собирательныя.

II

ИЗЪ ПСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

---

15 Августа 1859 г.

Я пріѣхалъ въ Псковъ рано поутру 10 Августа, и, немного отдохнувъ, пошелъ ходить по городу. Псковъ не великъ, но какъ-то правильно и красиво стоитъ на холмахъ. Благодаря тому, что этотъ городъ въ сторонѣ, онъ и не тронутъ: улицы небольшія и идутъ какъ-то причудливо, то повернутъ вправо, потомъ влѣво, то раздѣлится иная на двѣ. Церкви большею частію очень маленькія и довольно старинныя. Я входилъ въ нѣкоторыя, однакожъ не видалъ, можетъ быть и случайно, старыхъ иконъ; тѣ же, на которыя мнѣ указывали, какъ на старинныя, сильно подновлены и—къ сожалѣнію—доволь-

но неискусно; но я увѣренъ, что Подключникову была бы здѣсь работа. Подойдя къ Кремлю, стѣны котораго почти разрушены, встрѣтилъ я стараго дьячка, пригласившаго меня въ соборъ, который въ настоящее время бѣлятъ и поновляютъ въ немъ иконы. Въ этомъ соборѣ почиваютъ мощи святыхъ князей Гавріила-Всеволода и Довмонта и Христа-ради-юродиваго Николы. Провожатый показывалъ мечи св. князей: Довмонта небольшой, а Гавріила-Всеволода длинный съ гербомъ и надписью на рукояткѣ: honorem meum nemini dabo (чести своей никому не отдамъ). Къ намъ подошли еще два дьячка и мы цѣлой толпой пошли въ склепъ, гдѣ похоронены какія-то княжескія дѣти и 5 епископовъ. Первый изъ похороненныхъ здѣсь епископовъ Симонъ, умершій въ 1755 году, очень уважаемъ здѣшними жителями: многіе приходятъ къ нему съ молитвою и получаютъ, говорятъ, облегченіе. Отсюда я полезъ наверхъ; и когда подошелъ подъ самую крышу, мнѣ предлагали взойти на нее, но я отказался и довольствовался видомъ изъ окна. Видъ оттуда великолѣпный: подъ самыми ногами рѣка Великая, которая, извиваясь, показывается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вдали чуть виднѣется Талабское озеро; по ту сторону, какъ разъ напротивъ, какая-то деревенька, а немного поправѣй стоитъ очень уединенно

женскій монастырь; и все это на совершенно ровномъ мѣстѣ, такъ-что и конца не видно!....

— «Этотъ соборъ строенъ царемъ Петромъ 1-мъ» сказалъ мнѣ проводникъ, выходя изъ церкви:» а когда освѣщали этотъ соборъ, самъ царь пріѣхалъ на освященіе, и самъ апостола читалъ.»

Потомъ показывали мнѣ какіе-то *покои:* маленькій одноэтажный каменный домъ, построенный на мѣстѣ сломанной для этого церкви.

Возвратясь изъ собора, я подговорилъ плыть съ собою здѣшняго мѣщанина Алексѣя Ѳедоровича Полякова: онъ досталъ челнокъ и мы отправились съ нимъ на веслахъ, внизъ по Великой. Едва успѣли мы отплыть съ версту, нагнали *будару*.

— Бударка-то *порозня,* сказалъ Алексѣй Ѳедоровичъ, такъ мы свою лодочку привяжемъ къ бударкѣ, намъ и полегче будетъ.

— Будару тянутъ бичевой, такъ намъ, и не позволятъ привязать, замѣтилъ я ему.

Нашъ корабль не большой, тяготы не сдѣлаетъ, отвѣчалъ онъ; да къ тому же мнѣ всѣ тутъ знакомы: лѣтъ какихъ сорокъ, слишкомъ, бѣгалъ на своей ладейкѣ со Опскова на Юрьевъ; теперь только сталъ старъ, такъ этимъ лѣтомъ и продалъ свою будару, да скучно—куплю осенью: осенью ладьи дешевы, а весной ранней можно большія деньги заработать.

Мы повернули къ плывшей бударѣ, и въ-самомъ-

дѣлѣ Алек. Θед. былъ знакомъ съ хозяиномъ этой будары.

— «Иванъ Ивановичъ, ты? спросилъ онъ, привязывая свою лодку къ бударѣ около руля.

— А! Алексѣй Θедоровичъ! куда Богъ несетъ? отвѣчалъ тотъ, приподнявъ шапку.

— Вотъ съ добрымъ человѣкомъ по Талабску озеру покататься хотимъ.

— Доброе дѣло, доброе дѣло! проговорилъ онъ и запѣлъ довольно нескладно:

«Младъ чиновникъ возвращался
Къ отцу, къ матери домой.»

— Малый молодой, а ловкій, сказалъ мнѣ Алек. Θедор: и богатый, какихъ нибудь отъ роду лѣтъ 30, а свою будару справилъ: тысячу восемьсотъ заплатилъ.

— Серебромъ? спросилъ я.

— Да, серебромъ...... Да ты посмотри какая бударина-то: такъ скажешь, что дешево.

— А можно взлѣзть на будару?

— Отчего же? Можно..... Эй, Иванъ Иванычъ! крикнулъ онъ: человѣкъ хочетъ на будару къ тебѣ лѣзть!

— Милости просимъ, милости просимъ! отвѣчалъ хозяинъ будары.

Я довольно неловко полѣзъ на будару: нашъ челнокъ вертѣлся при малѣйшемъ движеніи; а надо

было стать на край челнока, потомъ перепрыгнуть четверти на три, или на цѣлый аршинъ вверхъ на лѣсенку, и послѣ по лѣсенкѣ, совершенно прямо стоящей, перебраться еще аршина на 3 вверхъ, наконецъ, ухватившись за край (бортъ) будары, переползти въ будару. Процедура этой лазни доставила не мало добродушнаго смѣха, какъ Ивану Ивановичу, такъ и моему доброму Алексѣю Ѳедоровичу. Кончилось однако все благополучно и я былъ въ бударѣ.

— Не знаю, какъ тебя по имени-отчеству величать,—проговорилъ, смѣясь, мой новый хозяинъ,—а лазить ты не большой мастакъ!

— Да вотъ какъ видишь,.... отвѣчалъ я, едва переводя духъ.

Кое-какъ перелѣзъ я на палубу и сѣлъ на парусъ, свернутый копной впереди мачты.

— Ты изъ коихъ мѣстъ? спросилъ меня хозяинъ, оставаясь около руля.

Я ему сказалъ.

— Тяни! крикнулъ хозяинъ двумъ работникамъ, тянувшимъ *бечеву*.

— Куда идешь? спросилъ я, когда Иванъ Иванычъ, поработавъ рулемъ, успокоился.

— А въ Устье-погостъ, въ Назимовское село, коли знаешь, отвѣчалъ тотъ: купилъ лебастръ въ деревнѣ Дубникѣ близъ Изборска, да купилъ-то я

за дешево..... лебастръ былъ копѣйки по 3 пудъ, а много-много три съ половиной; только прослышалъ я, что въ Питерѣ купецъ откупаетъ весь лебастръ въ нашемъ краю; хочетъ, знаешь, добрый человѣкъ, цѣну поднять..... Я и купи 16,000 пудовъ по 4 к. Купецъ сталъ давать всѣмъ, кто только ломаетъ, по 6 коп., а то и по 7 за пудъ: мои-то мужики, *наламамши* мнѣ лебастру, передали тому купцу—а я, пріѣхамши грузить—да и стой! Я къ окружному въ Опсковъ, говорю такъ и такъ: не погуби; моя благодарность сколько силъ хватитъ..... —«Мнѣ, говоритъ, твоя благодарность не нужна; объ этомъ и не помысли, а что надо по закону—сдѣлаю.» Сейчасъ послалъ за мужикомъ; тотъ было туда-сюда, да какъ зуботычинъ сколько скушалъ—признался!—«Ну, говоритъ окружный: хочешь: лебастръ давай, хочешь—700 руб. штрафу; а не хочешь: все продамъ, а удовлетворю: все продамъ, а взыщу—впередъ не мошенничай! Вотъ тебѣ сроку до завтра!» А мужикъ-то *тышчникъ* [1].... думалъ-думалъ—взялся доставить лебастру.... А лебастръ нынѣ въ цѣнѣ: въ Лифляндіи много берутъ для земли: вздымаетъ—позему класть не надобно!»

— А тамъ почемъ? спросилъ я.

— Что́ Богъ дастъ!

---

(1) Т. е. тысячникъ.

Послѣ я спросилъ у Алексѣя Өедоровича о Лифляндскихъ цѣнахъ на алебастръ.

— Да хозяинъ за провозъ беретъ 5 к. съ пуда, а свой товаръ лучше; ты и считай!

Наконецъ мы пріѣхали въ Устье; работники перешли на ладью, бросили якорь, закинули канатъ на берегъ, и всѣ пошли въ шакшу (каюту) съ кафельной печью около руля, куда пришелъ и мой дѣдъ Алексѣй Өедоровичь.

— Хозяина надо поподчивать было чаемъ, да ребята будутъ обижаться: они чаю не любятъ, а къ водкѣ привычны; такъ ка̀къ скажешь, Павелъ Ивановичь? и не дожидаясь моего отвѣта, дѣдъ приказалъ одному работнику Ивану грѣть чайникъ, другова Лёву послалъ за штофомъ, а мы перебрались въ *хозяйскую* шакшу (безъ печи) на носъ.

Напившись чаю, поужинавъ ухой, мы легли спать.

Часовъ въ 6 поутру мой дѣдъ разбудилъ меня: —Чай готовъ.

Втроемъ: хозяинъ будары, Алексѣй Өедоровичь и я въ хозяйской сѣли за чай.

— «Ты думаешь легкое дѣло ладьей править», сталъ мнѣ говорить Алексѣй Өедоровичь: «дѣло трудное: будара по дну 12 саженъ, и отъ носу до кормы—14, а по бокамъ такъ 17, да отъ краю до днища двѣ сажени печатныхъ; такъ стало въ водѣ-

то она сидитъ, при полномъ грузѣ, 8 пядъ, 2 аршина значитъ: такъ хозяинъ должо́нъ знать, гдѣ ходъ въ рѣкѣ, трахтъ то-есть,—а то и немного со́пцемъ (рулемъ) свихнешься, ладьѣ мало-мало пристать надо..... здѣсь въ рѣкѣ дно мягкое..... пристань будара ко дну—часа 4 провозишься, а то и сутки промаешься, пока судно назадъ стянешь.... а тамъ глядишь *повѣтрь* (попутный вѣтеръ) пройдетъ..... такъ ты сколько простоишь: противъ вѣтеръ пойдетъ, судамъ ходу нѣтъ: ты и стой! Мнѣ разъ пришлось на самомъ этомъ мѣстѣ девять дёнъ простоять, да и не по своей винѣ, а такъ, отъ сердца... У насъ, знаешь, парусъ круглый въ 12 саженъ ([1]). такъ дѣлается: къ нижней *раинѣ* ([2]) по концамъ пристегнуть, а къ верхней, въ частую.... такъ четверти на двѣ привязка отъ привязки..... привяжутъ, да и вздынутъ на *перыши* ([3]) на самый верхъ на *стыръ* (мачту); такъ при вѣтрѣ сила большая: небывалому и несправиться. Такъ ѣду я въ прошломъ.... нѣтъ въ запрошломъ году.... объ эту пору ѣду я въ Юрьевъ и вотъ *въ* самой *Головы* ([4])

(1) Круглый—квадратный.

(2) *Раины*—бревна съ небольшимъ 12 саженъ, къ концамъ стесанныя; нижняя раина не подымается.

(3) Вертикальный воротъ.

(4) Мѣсто гдѣ начинается озеро; въ *Головѣ* довольно мелко четвертей 5 глубины, суда при переходѣ этого мѣста скидаютъ часть груза.

попадается мнѣ Ванька Сутугинъ, изъ нашихъ же.... сопцемъ угодилъ не туда, да и засѣлъ! Знамое дѣло, не оставить человѣка въ напасти... а по́вѣтрь, по́вѣтрь.... душа *картитъ* (болитъ), что не выѣхалъ! Провозился я съ Ванькой часа 4, по́вѣтрь и прошла, и простоялъ я 9 суточекъ, ровно 9 сутокъ. А работникамъ ты все-таки плати.

— А почемъ хозяинъ платитъ работникамъ? спросилъ я.

— Да не ровно: за *сходъ* (т. е. сходить въ одинъ конецъ отъ Опскова до Юрьева или отъ Юрьева до Опскова) за сходъ хорошему работнику 10 цѣлковыхъ, а на лѣто платятъ, смотря по человѣку, и 40, и 35, а то и всѣ 50 надо дать. Да къ тому прибавь 2 становыхъ якоря по 8, а то и по 12 пудовъ, да 2 якоря завозныхъ по пуду положить, да *вытягъ* (якорь, на которомъ становятся въ рѣкахъ) $1\frac{1}{2}$ п,. да 4 каната; *здымница*, что канатъ поднимаютъ; *ростуги* (канаты, сдерживающіе мачту), бичевы 120 саженъ: тянутся, коли по́вѣтри нѣтъ, паруса ставить нельзя; *крясы* зелѣзные (5)... сочти все: хозяину дорого стоитъ...

— Во сколько времени можно доѣхать до Юрьева?

— Какъ Богъ дастъ: коли хорошая повѣтрь, въ недѣлю добѣжишь.

(5) Крясы—крюки, которыми подымаютъ товаръ въ барку; здѣсь говорятъ, зелѣзо вм. желѣзо.

— А на будару много положишь?

— Да на какую будару? Есть будары, что 12 т. пудовъ положишь, только рѣдко, а на эту будару больше 6 т. не положишь.

— Теперь положу только 4, проговорилъ хозяинъ: *въ Головы* обгружаться (1) не буду.

— Стало получишь 200 рублей за сходъ? спросилъ я Ивана Ивановича.

— Что́ Богъ дастъ, отвѣчалъ онъ: а по чемъ чай брали? спросилъ онъ меня.

Я видѣлъ, что Ивану Ивановичу не хотѣлось посвящать меня въ свои счеты, которые были, кажется, ясны,—и не сталъ его больше разспрашивать.

Немного погодя я съѣхалъ на берегъ. При этомъ кстати замѣтить: въ Устьѣ пристань очень хороша: самыя большія здѣшнія суда свободно пристаютъ вплоть къ берегу.

Погостъ Устье и имѣнье г. Назимова стоятъ на самомъ берегу р. Великой, а ближе всего къ берегу—церковь, старинной постройки, съ стѣнной колокольней. Я отъискалъ священника, который былъ такъ обязателенъ, что взялся самъ показать церковь. Въ церкви, можетъ-быть, и старые образа, да только поновленные; самая большая достопримѣчательность этой церкви—паникадило, на которомъ значится 7117 годъ (1609).

(1) Перегружаться.

Осмотрѣвъ эту церковь, мы съ священникомъ взяли лодку и поѣхали въ деревню Горки, лежащую на островѣ, тоже Горки, покупать рыбы на уху.

— Много здѣсь рыбы, не въ озерѣ, а въ рѣкѣ? спросилъ я у гребца.

— Въ рѣки? Ничо̀ва. Туточка, какъ кончится Великая, да до Талабска озера, говорятъ, 77 рѣкъ, между кажинымъ островомъ рѣка; а ни въ одной теперь ни одной рыбины не словить; весной много понагонитъ; весной большой бываетъ ловъ: понагонитъ снѣтка, крупной, а теперь ни одной не поймать.

— Вотъ ты сказалъ: «говорятъ, здѣсь 77 рѣкъ», а ты не знаешь, сколько именно рѣкъ?

— Да рѣки не считаны; кто ихъ считалъ? Вотъ главныя рѣки: Ворона рѣка—проходъ суднамъ; Гладышня—тоже проходъ; не то что Ворона, а все проходъ; а тамъ Средняя, Выкупка, Ершовка, Скоруха... да всѣхъ и не пересчитаешь.

— Всякой есть имя?

— А ка̀къ же, всякой!

— Скажи, пожалуйста, всѣ поименно.

— А Богъ ихъ знаетъ! вотъ тоже острова: Гладышня, гдѣ печи, Ситно̀, Долго̀й... а всѣхъ не пересчитаешь: для того: видишь сколько ихъ (1)?...

Въ Горкахъ купили рыбы на 5 копѣекъ столько,

(1) Я не могъ записать всѣхъ названій; а Псковичамъ, казалось бы, надо было обратить на это вниманіе.

что достало на уху мнѣ и всѣмъ моимъ спутникамъ; рыба была мелкая, это правда, теперь крупной не ловять, но все-таки на 5 копѣекъ....

Хозяинъ будары уѣхалъ за алебастромъ, и потому работники его, оставшись въ суднѣ, ничего не дѣлали. Когда я вышелъ послѣ обѣда, часовъ въ 7 на палубу, ко мнѣ подошелъ работникъ Иванъ, малый лѣтъ 26—27, темнорусый, статный и видный изъ себя.

— Пришелъ ты, Павелъ Иванычъ, посмотрѣть на наши промыслы? спросилъ онъ.

— Да, такъ пріѣхалъ покататься.

— Хочешь я тебѣ покажу штуку; такую штуку, какихъ ты, можетъ, сродясь не видывалъ, а можетъ, и не увидишь. Хочешь?

— Сдѣлай одолженіе.

Онъ на минуту ушелъ и вернулся назадъ съ компасомъ въ рукахъ.

— Видѣлъ?

— А что̀ это такое?

— А вотъ видишь, это по нашему называется компасъ· всякіе вѣтры компасъ показываетъ.

— Какой же вѣтеръ лучше?

— Всякій вѣтеръ способенъ, коли по пути; только всякій вѣтеръ свое названіе имѣетъ.

—Этотъ ка̀къ называется? спросилъ я указывая на N.

— Это Сиверикъ, курчавый бываетъ: какъ задуетъ—волна курчавая; а это Сточень къ Востоку съ

меженняго (лѣтняго) бываетъ; Тепликъ повыше Востоку; это Полуденникъ; Мокрякъ — съ мокраго мѣста; примѣчають: подуетъ Мокрякъ — дождь идетъ; Чухонскій Поперечень, Западъ, Русскій Поперечень.... вотъ и всѣ вѣтры.... По тѣмъ вѣтрамъ всѣ суда ходятъ: будары, полубударницы, троеночки, четверки (1).

Показавъ мнѣ эту штуку, мой Иванъ отнесъ ее и снова вернулся ко мнѣ.

— Хорошо вамъ теперь, сказалъ я: лежи на боку, да ѣшь хозяйхской хлѣбъ....

— Эхъ, добрый человѣкъ! проговорилъ Иванъ: я вѣдь нанялся на сходъ: мнѣ чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше; вотъ Лёвкѣ — счастье: онъ лѣтній!...

Еще разъ переночевавъ на ладьѣ, 12 числа поутру я отправился на самое озеро — на Талабско, какъ здѣсь называютъ, или на Псковское, какъ въ географіяхъ пишутъ. Я уже прежде говорилъ, что р. Великая раздѣляется на множество рукавовъ; мы ѣхали по главному — по р. Воронѣ. Вдали на озерѣ виднѣлись суда; одни шли къ Пскову на парусахъ, другія, шедшія къ Юрьеву, стояли на якоряхъ: ждали повѣтри. При самомъ входѣ въ рѣку (изъ Вороны въ Великую) стояла будара.

— Это будара на мель стала, сказалъ мнѣ Алек.

(1) Такъ называются суда по количеству поднимаемой клади; на малыхъ судахъ — на троеночкѣ, на четверкѣ по одной каютѣ.

Өедор.: надо было держать лѣваго берега, а онъ вишь какъ вправо забралъ! Не скоро стянется.

— А много стягиваться надо?

— Какое много: какой-нибудь сажень, да и того —нѣтъ!

Отъ будары были брошены два якоря, и хозяинъ съ двумя своими работниками, налягаясь всѣмъ тѣломъ, тянули якорь на пёрыши.

— Помогай Богъ! крикнулъ Алексѣй Өедоровичъ, когда мы поровнялись съ работавшими.

— Милости просимъ! отвѣчали тѣ.

— Что̀, сѣла на мель?

— Ничего не подѣлаешь: якорь не держитъ, Алексѣй Өодоровичъ, самъ знаешь: дно мягкое, якорь-то и ползетъ.... Бьемся, бьемся, а и всего-то стянуться во по коль! Онъ показалъ далѣе отъ кормы на пол-аршина.

— Надо было вамъ праваго (1) берега держать...

— Надо, Алексѣй Өедоровичъ, надо....

— Дураки! тихо сказалъ мнѣ Алек. Өедор.; когда мы довольно отъѣхали отъ будары: тутъ малый ребенокъ не ошибется; а онъ вишь гдѣ затесался! Въ устьяхъ не хитро̀: тамъ всего на самой глуботѣ шесть пядъ.

Наконецъ мы выѣхали изъ Вороны въ открытое

---

(1) Имъ праваго, а по теченію рѣки лѣваго.

озеро, и вдали показались острова: Талабско, Таловенецъ, Верхній, Съемско, Ражитицъ.

—« На Талабскѣ теперь деревня не Талобска, сказалъ Алексѣй Θедоровичъ, — а Александровскій посадъ.

— Давно жъ это переименовали?

— А вотъ видишь: какимъ-то случаемъ былъ тамъ, заѣхамши какъ-то, царь Александръ Павловичъ, — вотъ чѣмъ наградить? онъ и велѣлъ называться не Талабско, а Александровскимъ посадомъ, да и дали имъ полицію, ратушу. Разумѣется, чести больше, а жить хуже.

Вѣтеръ былъ не очень силенъ, но какъ я послѣ узналъ, не было никакой возможности пускаться въ озеро: никто въ самую тихую погоду, нетолько вдвоемъ, но и одинъ, не побѣжитъ въ челнокѣ до Талабска.

Впрочемъ мнѣ ѣхать до Талабска и не было надобности, ловцы въ озерѣ на глубокомъ мѣстѣ не ловятъ а около береговъ, на мелкомъ мѣстѣ. Отъѣхавъ верстъ 5 по озеру, мы подъѣхали къ ловцамъ.

— Пусть вытаскиваютъ запасъ, сказалъ Алексѣй Θедоровичъ:—послѣ подъѣдемъ.

Я согласился и спросилъ, какъ у здѣшнихъ ловцовъ составляются артели?

— Больше семействами, а нето скопятся два семейства и ловятъ. Выберутъ изъ старшихъ жерника, т. е.

хозяина (главнаго начальника), да половчѣй кого *коромщика;* жерника—бросать *запасъ*, неводъ по нашему, коромщика—управлять ладьей, а остальные ловцы просто съ рукавицами, или и споловщики—изъ части ловятъ; а не то просто работники, вотъ тебѣ и вся *дружина.* Чаще всего, хозяинъ добудетъ запасъ, да и подбираетъ изъ работниковъ или изъ половщиковъ, и самъ же хозяинъ назначаетъ, кому быть жерникомъ, кому коромщикомъ; ну, тѣмъ и часть, или половину прибавитъ супротивъ простаго ловца, когда дѣлятъ рыбу, а зимой еще бываетъ *комора:* его дѣло стряпать, лошадямъ воды приготовить: тотъ на половинной части.

— Дѣлятъ какъ же рыбу?

— А вотъ какъ: всю добычу разбиваютъ на 24 *части* (а вотъ этотъ хозяинъ, Яковъ Андреевичъ дѣлитъ на 22), такъ всѣмъ ловцамъ, а всѣхъ ловцовъ, на двухъ лодкахъ 12 человѣкъ, кажинному ловцу по одной долѣ; да кромѣ той доли коромщику, жернику—для того, работа тяжела—еще доля, на ловцовъ выходитъ 14 частей; остальныя части хозяину на запасъ (неводъ съ принадлежностями). А придетъ время тяжелѣй къ самой осени—хозяинъ догонитъ дружину до 16 человѣкъ: частей-то хозяину придетъ и меньше. Это вотъ Яковъ Андреевичъ—человѣкъ хорошъ:—а у другихъ дѣлятъ на 24 части: такъ на ловцовъ выходитъ 10 частей, да коромщику

съ жерникомъ по 2 части, за запасъ остается хозяину 10 частей; а не вся дружина—такъ еще больше того хозяинъ беретъ себѣ.

— Какая цѣна работнику?

— У насъ все равно, нѣтъ работника, посылай работницу; нѣтъ своихъ, нанимай; у насъ нанять можно; ловцу что ни есть лучшему надо дать въ лѣто 50 руб. серебра, а поплоше, то и 25, а работницѣ цѣна знамая:—20 цѣлковыхъ!

Стали вынимать неводъ, по здѣшнему запасъ; мы подъѣхали, когда уже все было кончено и ловцы собирались на новую тоню.

— Уговори, дѣдъ, сказалъ я Алексѣю Өедоровичу: уговори ихъ взять меня съ собою на лодку.

—Уговаривать нечего: подъѣдемъ—садись на ту, гдѣ семь человѣкъ: тамъ занятнѣе: тамъ весь запасъ лежитъ.

Мы причалили къ большой лодкѣ.

— Помогай Богъ, Яковъ Андреевичь! крикнулъ Алексѣй Өедоровичъ жернику.

— Милости просимъ, Алексѣй Өедоровичъ! отвѣчалъ тотъ, скидавая шапку: Куда Богъ несетъ?

— А вотъ съ добрымъ человѣкомъ пріѣхали вашихъ промысловъ взглянуть, какъ здѣшніе *жихари* (жители) пробываютъ.

— Доброе дѣло, доброе дѣло!

— Такъ вотъ что́, Яковъ Андреевичъ, возьми ты молодца къ себѣ: пусть посмотритъ всѣхъ нашихъ обычаевъ: ему занятно.

— Милости просимъ, милости просимъ!

Я сталъ перебираться на лодку, которую мнѣ указалъ Алексѣй Ѳедоровичъ.

— Только ты, дядя, не мѣшай, сказалъ обращаясь ко мнѣ Яковъ Андреевичъ: ты садись на носъ и сиди смирно.

Я обѣщалъ и по его приказанію сѣлъ на носъ.

— Съ Богомъ! крикнулъ Яковъ Андреевичъ: Обѣ лодки (на одной было 5, на другой съ жерникомъ 7 человѣкъ) поѣхали почти рядомъ: отъѣхавши отъ прежней тони съ полверсты, съ нашей лодки перекинули на другую лодку бичеву, привязанную къ правому крылу запаса; тамъ, перехвативши, привязали ее къ своему канату, накрученному на баранъ (вертикальный воротъ).

Когда лодки разъѣхались сажень на 15, на другой лодкѣ бросили якорь, мы же поплыли сперва довольно покойно; но едва бичева, брошенная на другую лодку, натянулась, какъ жерникъ закричалъ:

— «Навались!»

За нимъ всѣ съ крикомъ «Навались! Нажми! у! у! (в)другъ — (в)другъ!» стали работать веслами, перегибаясь подъ острымъ угломъ впередъ и, взмахнувъ весломъ, опрокидываясь назадъ почти въ горизонтальномъ положеніи; жерникъ въ это время, захватывая охапками запасъ, сталъ бросать въ воду. Вы можете судить объ усиліяхъ гребцовъ: запасъ въ

250 саженъ былъ выкинутъ не болѣе, какъ въ 2 минуты; но ихъ усилія въ сравненіи съ усиліями жерника совершенно ничтожны: жерникъ въ эти двѣ минуты выкинулъ неводъ, въ которомъ было, какъ меня здѣсь ловцы увѣряли, до *трехъ-сотъ* пудовъ вѣсу [1]!

Запасъ былъ весь выкинутъ, ловцы успокоились и тихо стали гресть; жерникъ сѣлъ на кормѣ; поставили баранъ и бичева стала распускаться; когда вся бичева, около 120 саженъ, вышла, бросили якорь и стали запасъ тянуть на баранъ.

Въ другой лодкѣ и въ то же время воротили другой баранъ и тянули къ себѣ другое крыло запаса.

Крылья запаса показались у насъ въ лодкѣ; вынули якоря, какъ въ нашей, такъ и въ другой, и обѣ поплыли, распуская бичеву дугою, одна къ другой. Другая ладья, зашедши за нашу, бросила якоря, наша сдѣлала то же. Человѣка по 3, по 4, перемѣняясь, стали *тянуть* баранъ. Вытянули всю бичеву. Тогда съ другой ладьи, отвязавъ бичеву отъ запаса, перекинули *петину* (привязанную къ запасу веревку) на нашу, и всѣ ловцы (между которыми была дѣвка Марья), надѣвъ кожанные передники, закрывающіе и плечи, перепрыгнули въ нашу ладью, и всѣ стали тя-

(1) Разумѣется—это сильно преувеличено, хотя, впрочемъ, пеньковый неводъ, чрезвычайно частый, въ 250 саж. одной длины, не говоря о ширинѣ, да въ добавокъ еще *мокрый*, долженъ тяжело вѣсить.

нуть запасъ въ лодку, одни за верхнюю тетиву, другіе за нижнюю. Едва увидали на крыльяхъ одну рыбину, какъ жерникъ сталъ бить воду весломъ — пугать рыбу; отъ испугу рыба, идущая отъ запаса къ лодкѣ, должна была вернуться въ запасъ. Жерникъ, перешедши въ другую лодку, разъѣзжалъ около тони и чаще билъ весломъ. Показалась матка; нижнюю тетиву скорѣй старались вздернуть на лодку. Наконецъ и нижняя и верхняя тетива матки была въ лодкѣ. Жерникъ подвинулъ другую лодку къ нашей такъ, что матка, бывшая еще въ водѣ, была между лодками. Тогда къ жернику перепрыгнули человѣка 3 или 4 и перенесли верхнюю тетиву къ нему въ лодку. Я, по совѣту своего проводника, тоже перешелъ къ нему. Жерникъ взялъ сакъ, четверика въ три, сталъ брать рыбу изъ матки и ссыпать въ ящикъ, сложенный изъ досокъ во всю средину лодки, такъ что въ него можно было всыпать четвериковъ до 60.

Къ намъ подъѣхалъ мужикъ, лѣтъ 35, и смотрѣлъ на работу ловцовъ; мальчишекъ, дѣвченокъ съ полдесятка стояло, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ лодки, по колѣно и выше въ водѣ: мы были болѣе полуверсты отъ берега и вода была довольно холодна, но на это они рѣшительно не обращали вниманія.

Жерникъ захватилъ своимъ сакомъ рыбы четверика 2 и высыпалъ въ лодку.

— Смотри, смотри, какъ рыба закипитъ, сказалъ, мнѣ одинъ изъ ловцовъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, высыпанная мелкая рыба, отъ $1^1/_2$ до $^1/_2$ вершка, прыгая, очень походила на кипучую воду, какъ видомъ, такъ и шумомъ.

— Дѣвка Машка потягивай, а не то... крикнулъ молодой ловецъ и прибавилъ еще слово неудобное для печати; но это поощреніе было не поощреніемъ, а любезностью, потому что дѣвка Машка все время, не развлекаясь ничѣмъ, сильно тянула запасъ, да теперь, когда слегка только придерживали матку, ей и потягивать было не зачѣмъ.

Жерникъ взялъ сакомъ еще рыбу, тоже высыпалъ, потомъ еще, и наконецъ приказалъ поднять матку; когда вода изъ матки стекла, всю остальную рыбу пересыпали прямо въ лодку. Всей рыбы было поймано въ эту тоню четвериковъ 12 — 14.

— Глянь-ко, глянь, какъ кипитъ *соболекъ!* сказалъ мнѣ жерникъ.

— Какой соболёкъ?

— А вотъ эта рыба у насъ зовется соболькомъ, или еще хохолкомъ, или тамъ хохликомъ..... разно называется.

— Да вѣдь тутъ разная рыба?

— Разная, больше окуньки, малая часть снѣтка ершика, а все по нашему соболёкъ. А коли самая маленькая--то по нашему уклейка.

Когда рыба была вся ссыпана, ловцы стали расправлять запасъ, а жерникъ захватилъ совкомъ рыбы и высыпалъ въ мѣшокъ, подставленный пріѣзжимъ мужикомъ, потомъ высыпалъ въ другой разъ, взглянулъ на мужика: тотъ полупросительно, полунастоятельно, смотрѣлъ на него, не отнимая мѣшка; жерникъ всыпалъ еще съ полсовка, такъ-что всей рыбы далъ онъ около 3-хъ—4-хъ гарнцевъ; тогда мужикъ свернулъ мѣшокъ, снялъ шапку, поклонился и пустился въ дружелюбные разговоры съ ловцами. Ребятишки и дѣвчонки стали робко приближаться къ хозяйской лодкѣ; сперва подошли двѣ дѣвочки; хозяинъ каждой всыпалъ по неполному совку (менѣе гарнца) рыбы въ подолъ.

Не много погодя пришло еще ребенка три; отъ берегу по водѣ выше колѣна бѣжали еще мальчиковъ и дѣвочекъ тоже около 5, всѣ они робко подходили, и всѣмъ имъ или хозяинъ, или какой-нибудь ловецъ бросалъ въ подолъ неполный совокъ рыбы.

Запасъ [1] былъ собранъ, ладьямъ надо было

[1] Запасъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) *Клячь*, которая идетъ къ *гужалъ* или *пятамъ*, 30 саженъ: къ крылу каждая яча 2 вер.; къ этому пришивается 2) *середка*, тоже къ каждому крылу 40 саженъ, яча $1\frac{1}{2}$ вер Потомъ 3) *частый*, длины 30 саженъ, яча 1 вер. Потомъ 4) *перши*, длины 30 саженъ, яча $\frac{1}{2}$ вершка или меньше; наконецъ 4) *гили*, до $\frac{1}{8}$ вершка, изъ которыхъ дѣлается и матка. Это запасъ зимній, т. е. самый большой; лѣтній дѣлается рѣдко такой величины; впрочемъ и зимній и лѣтній бываютъ меньше, но во всякомъ случаѣ, пропорціонально названнымъ частямъ. Малый запасъ называютъ *мутникомъ*.

ѣхать на другую тоню; я остался въ ладьѣ жерника и мы поплыли.

— Откуда у тебя, любезный, ловцы? спросилъ я Якова Андреевича.

— Да все, человѣкъ любезный, изъ здѣшнихъ жихаревъ, отвѣчалъ тотъ.

— Маша у васъ работница?

— Нѣтъ, сама хозяйка: *ейный* отецъ мнѣ приходится родный братъ.

— Какъ же при дядѣ родномъ дѣвкѣ говорятъ всякую непристойность?

— Ребятамъ не закажешь! отвѣчалъ тотъ: да и наши дѣвки къ этому привычны.

Я замолчалъ.

— Вонъ.... вонъ виднѣется церковь, — видишь? сталъ говорить хозяинъ: это Толабско, на самомъ озерѣ стоитъ, все въ лѣсу, и лѣсъ сосновый, чудный такой. Въ прошломъ году вихремъ сорвало до 2,000 деревъ; а деревья были саженъ по 10 и больше. Вихо́ръ этотъ шелъ грядой, какъ просѣку сдѣлалъ!

— Отъ чего вы здѣсь не закидываете неводъ?

— А *сита*-то!

— Какая сита̀?

Онъ указалъ на тростникъ, который росъ въ озерѣ, на саженной глубинѣ, и подымался, на аршинъ слишкомъ, надъ водой.

— А по берегамъ растетъ камышь,—продолжалъ хозяинъ: по нашему *троста.*

Вытянули неводъ, опять стали подходить дѣти за рыбой; хозяинъ давалъ имъ рыбу съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Э, пропади вы совсѣмъ! ворчалъ онъ, кидая совкомъ, въ подолъ имъ, рыбы.

— За что̀ же ты имъ даешь? спросилъ я жерника.

— Да ка̀къ не дать? отвѣчалъ хозяинъ: вода ихняя: не дашь рыбы, они не дадутъ воды; сами они не ловятъ, а тогда и намъ здѣсь не ловить.

— Вся вода въ озерѣ чья нибудь?

— Нѣтъ только около береговъ — жихаревъ, а середь озера вода вся вольная.

Въ это время подплылъ хозяинъ запаса, въ лодкѣ съ 3 женщинами-гребцами, перемѣнилъ свою лодку на лодку съ рыбой и поплылъ къ *печамъ;* съ нимъ отправился и я, и Алексѣй Ѳедоровичъ, привязавши свою лодку къ нашей. Отъѣхавъ немного, мы поставили парусъ и направились на островъ, гдѣ были поставлены *печи.* Не доѣзжая нѣсколько до печей, хозяинъ весело крикнулъ:

— Эй! Евсегнѣюшка! Печи топи, печи топи!

— Затоплены! отвѣчалъ съ берега Евсегнѣюшка.

— Всѣ топи! всѣ топи!

— Всѣ затоплены!

— Евсегнѣй у меня за печника,—сказалъ онъ мнѣ:

отъ кажинной печи по 7 коп. получаетъ; случается, въ день раза три всѣ печи стопитъ, а у меня ихъ 10; такъ другой день придется ему больше двухъ рублей.

Сошедши на берегъ, я пошелъ къ печамъ, которыя стояли отъ берега въ 7—8 саженяхъ. Въ сараѣ были поставлены 10 огромныхъ печей: по 4 печи съ обѣихъ сторонъ и 2 печи у третьей стѣны. Каждая печь внутри была почти квадратная, болѣе сажени, съ подомъ изъ квадратнаго кирпича, собственно для этого приготовляемаго, 5 печей топились.

— Всѣ печи будешь топить? спросилъ я печника, поздоровавшись съ нимъ.

— Надо всѣ топить: да вдругъ-то топить нельзя: одинъ со всѣми зà-разъ не справишься.

Хозяинъ, между-тѣмъ, съ помощію тѣхъ же женщинъ и еще двухъ молодцовъ изъ своей семьи, сыпалъ мѣркой рыбу изъ лодки въ корыта, по три мѣры въ корыто. Отъ лодки на берегъ была перекинута доска и по этой доскѣ тащили корыта, потомъ поднимали и носили къ печамъ. Всего улову оказалось 31 мѣра.

— Скажи, пожалуста, спросилъ я хозяина: ты сушишь всю рыбу; кàкъ же ты разсчитываешься съ своими ловцами.

— Ловцамъ деньги плачу, отвѣчалъ хозяинъ: беру мѣру по рублю на ассигнаціи, а высушу — продамъ въ городѣ по 10-12 коп. сереб. гарнецъ, а тое рыбу,

что теперь наловять, завтра повезу на рынокъ въ городъ: тамъ что̀ дадутъ, то и подѣлимъ.

Алексѣй Өедоровичъ, отобравши рыбы покрупнѣе, развелъ на берегу огонь и заварилъ уху для всѣхъ.

Когда немного прогорѣли первыя пять печей, печникъ затопилъ остальныя; черезъ часъ первыя совершенно прогорѣли, и печникъ сперва отгребъ уголья въ передній правый уголъ, потомъ зажегъ длинную лучину, просунулъ въ отдушинку, нарочно для того сдѣланную съ правой стороны устья, вершка въ 3 длиной и 2 шириной,—вымелъ одну за другой печи, насыпалъ въ каждую на подъ мелкаго песку, чтобъ рыба не приставала къ поду, и потомъ сталъ насыпать рыбу: насыпавъ—закрывалъ заслонку.

— Соли вы не кладете? спросилъ я.

— На собольковъ не кладемъ, отвѣчалъ мнѣ печникъ: а на снѣтковъ кладемъ, фунтовъ по 5 на печь; а захочешь получше, то и 12 положишь. Только, когда снѣтковъ сушишь—печи не закрываешь; снѣтковъ труднѣй сушить; надо умѣлому. Собольковъ перевернешь раза два и хорошо; а тѣхъ надо знать, когда и ка̀къ повернуть.

Печникъ засыпалъ остальныя пять печей; Алексѣй Өедоровичъ сварилъ уху; изъ дровъ и заслонки сдѣлали столъ: и всѣ, перекрестясь, сѣли за этотъ столъ. Я забылъ сказать, что женщины, убравъ рыбу, вымыли внутри лодку и уѣхали, захвативъ съ собой

рыбы. Послѣ ужина Алексѣй Θедоровичъ постлалъ мнѣ на берегу рогожку и я завалился спать.

Проснувшись на другой день, я пошелъ къ *печи*. Въ сараѣ было много народу, потому-что въ этотъ день не ѣздили на озеро; хозяинъ съ жерникомъ поѣхали въ городъ продавать рыбу, которую наловили ловцы послѣ нашего отъѣзда къ печамъ, какъ мнѣ сказывали, мѣръ 6, не больше; они эту рыбу не стали сушить, а положили продать и деньги раздѣлить, былобъ чѣмъ праздникъ встрѣтить. Около печей въ сараѣ спали три дѣвки-ловца, съ которыми молодые парни-ловцы шутили: будили ихъ, дѣлали имъ громко предложенія, не совсѣмъ цѣломудренныя. Въ заднемъ углу сарая разсказывалъ старикъ-ловецъ другому ловцу, что̀ значитъ постъ, въ особенности пятница.

— «Знаешь ли ты: кто 12 пятницъ — говорилъ онъ,—ни чѣмъ не оскоромился, тому всѣ грѣхи, сколько ни на есть, всѣ прощены будутъ, и на томъ и на этомъ свѣтѣ.

— Этимъ не спасешься! возразилъ другой: надо Богу больше молиться.

—Ка̀къ будешь молиться, отозвался старикъ. (Надо вамъ сказать, что старикъ этотъ былъ себѣ такъ, *благой*, не состоящій ни въ какой должности, пришедшій неизвѣстно за чѣмъ, и уходившій неизвѣстно куда.) Этимъ однимъ, продолжалъ онъ, что будешь

ходить въ церковь, да молиться безъ усердія—мало возьмешъ; а вотъ я вамъ скажу, мои ро́дненькіе, вотъ что́: былъ-себѣ одинъ мужикъ—такъ-себѣ; отъ роду тотъ мужичокъ и въ церковь не ходилъ, Богу не маливался; разъ пришелъ въ церковь, Богу помолился на святой недѣлѣ, да и навѣки свою душеньку спасъ.... Ка̀къ будешь молиться!

Мой Алексѣй Өедоровичъ успѣлъ вскипятить чайникъ, заварить чай, устроить чайный столикъ. Онъ пригласилъ меня; я въ свою очередь пригласилъ печника.

— «Ка̀къ Богъ дастъ родъ снѣтку,—заговорилъ печникъ: бабы, случается, весной рѣшетомъ ловятъ около Загорицъ, немного повыше отсюда, по правому же берегу Великой.

— Когда сушка идетъ лучше? спросилъ я печника.

— Съ первины, осенью, снѣтокъ жирный; положишь въ печь — стекаетъ, да и ссыхаетъ: съ двухъ мѣръ одна выходитъ; стало *утирки* (потери) много бываетъ, а весной снѣтка сушишь — съ прибавкомъ выходитъ: положишь четверикъ—полгарнца прибытку будетъ. Снѣтка труднѣй сушить, чѣмъ хохлика; а какъ другой разъ привезутъ много—просто совсѣмъ смаешься; въ большомъ запасѣ, да коли оба жерника знающіе — много наловятъ.

— Зимой два жерника?

— И зимой и лѣтомъ бываетъ по одному, бываетъ и по два, какъ случится, — отвѣчалъ печникъ: большой запасъ — два жерника; малый запасъ — одинъ!....

— Который же старше?

— А оба старшіе, — отвѣчалъ тотъ: всякъ на своемъ крылѣ; сойдутся *вмѣстяхъ*, вмѣстяхъ и совѣтуютъ. Жерникъ великое дѣло; бываетъ: хозяинъ запаса за ловца, а работникъ за жерника, коли у работника въ головѣ больше, чѣмъ у хозяина: такъ на лову хоть какъ ругай жерникъ хозяина, тотъ слова не смѣетъ сказать. Случается — побѣднѣй народъ скопляется, такъ ставятъ всѣ по частинкѣ, а все-таки слушаютъ только двухъ жерниковъ.

— У котораго жерника бываетъ больше гребцовъ? спросилъ я у Алексѣя Ѳедоровича.

— Который подъ вѣтромъ — тому меньше, отвѣчалъ онъ, а который идетъ на вѣтеръ — тому больше надо.

Въ это время подошелъ къ намъ старый ловецъ, толковавшій о постѣ по пятницамъ: ему тоже Алексѣй Ѳедоровичъ налилъ стаканъ чаю.

— Зимній ловъ лучше, сталъ онъ говорить: зимою, пока еще снѣгъ не палъ на ледъ, сквозь ледъ все видно; вотъ сдѣлаютъ пролубь, запустятъ запасъ и станутъ тянуть къ *корыту* (1); станутъ тянуть запасъ полегонечку, а жерникъ ляжетъ ничкомъ на

(1) *Корыто*—пролубь, въ которую вынимаютъ запасъ.

ледъ. Нѣтъ снѣтка — жерникъ лежитъ смирно; станетъ показываться снѣтокъ—жерникъ станетъ подымать ногу; подыметъ и опуститъ, подыметъ и опуститъ; а какъ много попадетъ снѣтка — ногу подыметъ и не опускаетъ; закричитъ — чтобъ тянули запасъ проворнѣй, кричитъ, ругаетъ! Тогда и ребятамъ веселѣй тянуть; тянутъ, кричатъ: «тяни, ребята, тяни! у жерника нога въ *стоячень*!» Знамое дѣло, снѣтка много — тянуть надо сильнѣй: не то снѣтокъ уйдетъ.

— При ловцѣ скажи-ко ты про зайца или лисицу, сказалъ мнѣ, смѣясь, Алексѣй Ѳедоровичъ.

— Отчего не сказать? вѣдь ты говоришь?

— Я человѣкъ старый,—отвѣчалъ онъ: меня тронуть не посмѣютъ; а ты не говори; ловцы за это сердятся гораздо: дурная примѣта; да къ тому жъ у насъ дурнаго ловца *заячникомъ* дразнятъ. Кому надо сказать заяцъ — назови —*кривень*; надо сказать лисица—говори—*хвостуха*; тогда ничего.

— А вотъ было, братцы мои, смѣху, сказалъ молодой бѣловолосый, съ самою добродушною физіономіей, ловецъ, который, прислушавшись къ нашему разговору, подошелъ къ намъ: вотъ было смѣху: пришелъ на тони къ намъ со Звѣнковца Ванька Карышъ [1], мы и подступили къ нему: «Какихъ, молъ, ты звѣрей знаешь?» — Тотъ сдуру-то: «Я, говоритъ,

---

[1] *Карышъ*—карась.

знаю: волка, лисицу, зайца»... Только онъ вымолвилъ то слово, на него всѣ кинулись, раздѣли, и давай пороть передниками (кожанными); а вотъ дѣдушка сталъ приговаривать: «Насъ двѣнадцать братовъ, тринадцатая камора, четырнадцатый Микола, пятнадцатый Петръ-Павелъ; а ты, гузка, лежи, не поворачивайся, говори—не проговаривайся!» Выпороли на эти слова—и пустили... То-то смѣху было!...

Побалякавъ еще немного, мы съ Алексѣемъ Өедоровичемъ простились и поѣхали къ *Опскову* (Пскову).

— Вотъ здѣсь былъ городокъ, сказалъ мнѣ Алексѣй Өедоровичъ, указывая на лѣвый берегъ Великой, когда мы немного проѣхали погостъ Устье и Назимовскую гору.

— Чей же такой городъ былъ?

— Говорятъ — царицы Ольги, отвѣчалъ онъ: да тому быть нельзя.

— Почему же?

— За что (¹)? а за то: этотъ берегъ (западный) весь край *забранный;* да и этотъ (восточный) пустой былъ. На нашей сторонѣ былъ Сороковой боръ, и въ томъ бору жилъ вольный народъ: холопъ бѣглый, такъ—какой грѣшникъ (преступникъ).. Забѣгутъ въ какую деревню: прикажутъ пиво варить; а не то—грабитъ... Бывало, поймаютъ которыхъ—вѣшать... Бабка моя жила 120 лѣтъ, сама видѣла висѣлицу въ

(¹) Здѣсь говорятъ *за-что, вм.* почему.

Чертовомъ Ручью, что для такого народу была сдѣлана.... Война была частая: то Шведъ подойдетъ, то Литва, то Нѣмецъ изъ-подъ Риги; пройдутъ, да вплоть до самаго Опскова и вычистятъ; ну, до Опскова вычистятъ, а въ самый Опсковъ ни разу никто не входилъ, ни одинъ злодѣй. А остатняя война Шведская: дошелъ Шведъ до Печоръ — да и полно! А прежде Литовскій царь Баторій подступалъ: на Терёхѣ въ монастырѣ Пантелеймоновомъ шатры разбивалъ; въ *Лыбутѣ*, 17 верстъ вверхъ по *воды*, прямо переправлялся со всею своею силою.

— Лыбута ([1]) городъ или село?

— Нѣтъ, просто деревня.

Надо замѣтить, что здѣсь погостами называютъ села, селомъ — сельцо, т. е. гдѣ есть барскій домъ; а деревнею — гдѣ нѣтъ ни церкви, ни барскаго дома.

— Только эта деревня знатна гораздо за тѣмъ: въ той деревнѣ Лыбутѣ родилась царица благовѣрная Россійская Ольга; родилась она въ крестьянскомъ званіи и была перевозчицей; а за тѣмъ, что гораздъ изъ себя красавица была, да и гораздъ хитра была — царицей сдѣлалась, а тамъ во святыя вошла.

— Какъ же такъ это случилось?

— А вотъ слушай: съ первоначалу жизни, немного по послѣ, была, какъ сказано, Ольга крестьянка пе-

([1]) Говорятъ и Лыбуста, но Выбутой не называютъ, какъ въ одной книжкѣ сказано.

ревозчицей въ Лыбутѣ. Разъ перевозитъ она князя Всеволода...

— Какой такой князь Всеволодъ?

— Всеволодъ, да и Всеволодъ—не знаю.. Увидалъ Всеволодъ Ольгу и помыслилъ на Ольгу; а этотъ князь былъ женатъ. Сталъ тотъ князь говорить Ольгѣ, а Ольга ему на тѣ его на пустыя рѣчи отвѣтъ: «Князь! зачерпни рукой справа водицы, изпей!» Тотъ зачерпнулъ, изпилъ.—«Теперь, говоритъ Ольга, теперь, князь, зачерпни слѣва, изпей и этой водицы.» Князь зачерпнулъ и слѣва водицы, изпилъ.—«Какая же тутъ разнота: та вода и эта вода?» спрашиваетъ Ольга у князя.—«Никакой тутъ разноты нѣтъ, говоритъ князь: все одна вода.»—«Такъ, говоритъ Ольга, что жена твоя, что́ я, для тебя все равно.» Князь Всеволодъ зардѣлся, замолчалъ и отсталъ отъ Ольги. Да и много она князей перевела: котораго загубитъ, котораго посадитъ въ такое мѣсто.... говорятъ тебѣ: гораздъ хитра была. Спустя сколько времени Ольга пошла за князя замужъ, только не за Всеволода, а неизвѣстно за какова. Тогда много князей было, и всякій своимъ царствомъ правилъ, а всѣ между собой родня были и всѣ промежъ себя воевали: хотѣлось всякому у другова царство его отнять. Пошолъ войною на мужа Ольгинова его двоюродный братъ, да и убилъ его. Убилъ мужа Ольги, да и прислалъ къ ней пословъ мириться: только Ольга кото-

рыхъ посадила за столъ обѣдать, да и приволила ихъ въ волчью яму, что подъ тѣмъ столомъ вырыта была; а которыхъ зазвала въ баню, а тамъ обложила баню хворостомъ, да и сожгла всѣхъ, а послѣ самаго ихъ князя убила, на его царство сѣла и стала двумя царствами править. Прошло сколько времени, поѣхала Ольга въ Царь-городъ къ тамошнему царю въ гости. Какъ увидалъ ее тамошній царь—«Выходи, говоритъ, за меня замужъ!» Ну, а Ольгѣ какая неволя была идти замужъ? Сама себѣ царица! а выйди замужъ: мужъ глава женѣ.—«Ты, говоритъ Ольга, православный, а я поганая (она тогда не крестимшись была), такъ мнѣ не приходится за тебя идти.»—«Ну, такъ крестись,» говоритъ царь.—«А ты будь моимъ крестнымъ!—Хорошо!» говоритъ. Перекрестилась Ольга, приняла крещеную вѣру.—«Теперь давай вѣнчаться, Ольга,» говоритъ царь. А Ольга ему:—«Нельзя — ты мой крестный!» Такъ и провела.

— Грозный царь Иванъ былъ здѣсь? спросилъ я, когда тотъ, кончивъ разсказъ про Ольгу, замолчалъ.

— Какъ же, былъ, отвѣчалъ Алексѣй Өедоровичъ: сколько разъ былъ! про два раза-то и я знаю.

— Разскажи пожалуйста, какъ это было.

— Первый разъ царь Грозный пріѣзжалъ: Новогородцы нажаловались. Опсковъ тогда былъ не особая губернія, какъ теперь; а была тогда все одна Новгородская. Царь за какую-то заслугу сдѣлалъ Оп-

сковъ—губерніею, а Новогородцы послали войско — опять привести Псковичей подъ свою волю. Только Псковичи такого звону задали Новогородцамъ, что тѣ насилу ноги уплели. Видятъ Новогородцы, что сила не беретъ, послали Грозному сказать: «Псковичи, молъ, бунтуютъ.»—А какой тутъ бунтъ?! Ну цари, разумѣется, этого не любятъ; Грозный распалился гнѣвомъ, поѣхалъ къ Опскову; не доѣхалъ Грозный царь до Опскова за 6 верстъ, становился онъ въ Любятовѣ. Прослышали Псковичи, что Грозный царь пришелъ подъ Опсковъ громить Опсковъ и стоитъ въ Любятовѣ, съ полуночи зазвонили въ колокола къ заутрени: Бога молить, чтобъ Богъ укротилъ сердце царево. Грозный царь тогда былъ заснумши въ Любятовѣ; какъ ударили въ большой колоколъ, царь вздрогулъ и проснулся.—«Что такое? говоритъ:—зачѣмъ такой звонъ?»—«Псковичи Бога молятъ, говорятъ ему, чтобъ Богъ твое царское сердце укротилъ.» Поутру Микола Христоуродливый велѣлъ всѣмъ, всякому хозяину, поставить противъ своего дома столикъ, накрыть чистою скатёрткою, положить хлѣбъ-соль и ждать царя. Попы въ золотыхъ ризахъ, съ крестами, образами, съ зажженными свѣчами, народъ—общество, *посадники*, пошли встрѣчать Грознаго, и встрѣтили у Петровскихъ воротъ. Только показался царь Иванъ Васильевичъ, откуда ни возьмись Микола Христоуродливый, на палочкѣ верхомъ, руку подперъ

подъ бокъ,—прямо къ царю.. Кричитъ: «Ивашка, Ивашка! ѣшь хлѣбъ-соль, а не человѣчью кровь! Ѣшь хлѣбъ—хлѣбъ-соль, а не человѣчью кровь! Ивашка, Ивашка!»....Царь спросилъ про него:—Что́ за человѣкъ? —«Микола Христоуродливый», ему сказали; царь—ничего—проѣхалъ прямо въ соборъ. А Микола Христоуродливый заѣхалъ, все на палочкѣ верхомъ, заѣхалъ впередъ; только царь съ коня, а Микола: «Царь Иванъ Васильевичъ! Не побрезгай моими хоромами: зайди ко мнѣ хлѣба-соли кушать» —а у него была подъ колокольнею маленькая келейка. Царь пошелъ къ нему въ келью. Микола посадилъ царя, накрылъ столъ, да и положилъ кусокъ сыраго мяса.—«Чѣмъ ты меня подчуешь! крикнулъ Грозный-царь:—Ка́къ ты подаешь мясо: теперь постъ (а тогда былъ постъ или пятница—не знаю); да еще сырое! Развѣ я собака?»—Ты хуже собаки! крикнулъ на царя Микола Христоуродливый: хуже собаки!... Собака не станетъ ѣсть живаго человѣчья мяса,—ты ѣшь! Хуже ты, царь Иванъ Васильевичъ, хуже собаки! Хуже ты, Ивашка, хуже собаки!» Царь затрепенулся, испугался и уѣхалъ изъ Опскова ни какого зла не сдѣламши!

— Другой же разъ когда онъ былъ? спросилъ я Алексѣя Өедоровича, когда тотъ кончилъ разсказъ.

— Другой разъ Грозный царь былъ здѣсь въ Опсковѣ когда онъ былъ ѣхамши подъ Ригу воевать; подъ Ригу онъ ѣхалъ: на Изборьскъ, на Печоры. На

то время въ Печорахъ архимандритомъ былъ преподобный Корнилій. Былъ Грозный пріѣхамши въ Печоры; стрѣчалъ его съ крестомъ — иконами Корнилій преподобный. Благословилъ его Корнилій, да и говоритъ: — «Позволь мнѣ, царь, вокругъ монастыря ограду сдѣлать.» — Да велику ли ограду ты, преподобный Корнилій, сдѣлаешь? Маленькую дѣлай, а большой не позволю. — «Да я маленькую, говоритъ Корнилій преподобный: я маленькую: коль много захватитъ воловья кожа, такую и поставлю.» — Ну, такую ставь! сказалъ засмѣявшись царь. Царь воевалъ подъ Ригою ровно семь годовъ; а Корнилій преподобный тѣмъ временемъ поставилъ не ограду, а крѣпость; да и царское приказаніе выполнилъ: поставилъ ограду на воловью кожу: онъ разрѣзалъ ее на тоненькіе-тоненькіе ремешки, да и охватилъ большое мѣсто, а кругомъ то мѣсто и огородилъ стѣной, съ башнями, — какъ есть крѣпость. Воевалъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ Ригу семь лѣтъ и поѣхалъ назадъ. Проѣхалъ онъ Новый-Городокъ[1], не доѣхалъ Грозный 12 верстъ до Печоръ, увидалъ съ Мериной горы — крѣпость стоитъ. — «Какая такая крѣпость!» закричалъ царь... Разпалился гнѣвомъ и поскакалъ на Корниліеву крѣпость. Преподобный Корнилій вышелъ опять встрѣчать царя, какъ царскій чинъ велитъ: съ крестомъ, иконами, съ колокольнымъ звономъ. Подска-

[1] Нейгаузенъ.

калъ царь къ Корнилію преподобному: —«Крѣпость выстроилъ! закричалъ царь: — на меня пойдешь!» Хвать саблей, и отрубилъ Корнилію преподобному голову. Корнилій преподобный взялъ свою голову въ руки, да и держитъ передъ собой. Царь отъ него прочь, а Корнилій преподобный за нимъ, а въ рукахъ все держитъ голову. Царь дальше; а Корнилій преподобный все за нимъ, да за нимъ... Царь видитъ то, сталъ Богу молиться, въ грѣхахъ отпущенія просить; сталъ царь Богу молиться, Корнилій преподобный и умеръ. Такъ царь ускакалъ изъ Корниліевой крѣпости въ чемъ былъ: все оставилъ: коляску, сѣдло, ложки... кошелекъ съ деньгами забылъ... Такъ испугамшись былъ... Послѣ того подъ Опсковъ и не ѣздилъ.

Въ этихъ разсказахъ мы проѣхали Житницкій дворъ.

— Видишь сопочки (¹)? спросилъ меня Алексѣй Ѳедоровичь, указывая на западный берегъ: тамъ батареи стояли: Литва подходила, такъ поставила, хотѣла Опсковъ взять; а наши поставили на этомъ берегу (на восточномъ) свои батареи и не пустили. Затѣмъ: нашимъ стоять лучше было: наши батареи стояли у самаго устья р. Камёнки...—А съ чѣмъ ѣхали? крикнулъ онъ мимо плывшей лодкѣ, въ которой сидѣлъ старикъ съ тремя бабами.

— Съ уклейкой,—отвѣчали съ лодки.

(¹) Сопочками здѣсь называютъ всякую курганообразную гору.

— А хорошо ѣли уклейку?

— Плохо!

— Почемъ покупали?

— По три копѣйки серебромъ за гарнецъ.

— А на Горкѣ рубль тридцать покупали (ассигнаціями за четверикъ)! Назадъ везешь?

— Назадъ!

— Это съ Будыжи мужикъ, сказалъ Алексѣй Ѳедоровичь, обращаясь ко мнѣ: у нихъ на Будыжи живетъ мужикъ, Платономъ Семеновымъ зовутъ, лѣтъ ему 120 будетъ, охотникъ по монастырямъ ходить; вотъ такъ ловецъ! Внуки у него съ сѣдыми бородами, ну, а противъ его не выйдутъ: пойдетъ у нихъ плохой уловъ; старый поѣдетъ на озеро самъ; пересмотритъ, переправитъ запасъ,—опять пойдетъ рыба... Смотри: правый берегъ Великой—песокъ, лѣвый—камень; крупный камень отбираютъ, теперь на чугунку много идетъ, а мелкій здѣсь остается. А песокъ нашъ въ Лифляндію на зеркальный заводъ возятъ; повезли было въ самую Калугу—да далеко, выгодъ мало.

Разговаривая мы проѣхали Загорицы, Неготь Кусву, Писковицъ, Гладково.

— Знаешь, зачѣмъ это село зовется Гладково?

— За чѣмъ?

— Баринъ тутъ былъ такой щедривый, его и прозвали Гладкимъ, а по немъ и село стало зваться

Гладково.... А тамъ будетъ Конско, а тамъ Овсище, а противъ Овсища Микольскій Волокъ, здѣсь была церковь;—церквище и теперь видно; а пониже церквища—какой-то погребъ. Сперва, старики говорятъ, лѣтъ 80 не больше, городъ былъ до самаго Овсища: лѣтъ 150 назадъ моръ былъ, много народу повымерло и стали селиться ближе къ собору...

— «Что̀ ты каменьевъ по дну накидалъ! закричалъ вдругъ Алексѣй Өедоровичъ мочившему пеньку мужику:—а еще старостой зовешься!

— А! Алексѣй Өедоровичъ! отвѣчалъ тотъ:—какъ тебя Богъ милуетъ?—

— А дѣти гдѣ? что самъ мочишь пеньку-то?

— А дѣти въ городѣ, Алексѣй Өедоровичъ! тамъ и пьютъ, тамъ и закусываютъ....

— А вотъ Пѐрино ([1]), продолжалъ Алексѣй Өедоровичъ, когда мы проѣхали Подвишенье: сперва былъ монастырь Миколы Пѐринскаго; сперва было тутъ озеро, садъ. Уничтожили монастырь—куда что̀ дѣлось... осталось одно церквище на сопкѣ! Вотъ Снятна гора, а на горѣ стоитъ Снятной монастырь, тамъ наши архіереи живутъ,—прибавилъ онъ, проѣхавъ Хотицы на восточномъ, и Манькино, Бацьковицы на западномъ берегу.

— Ты не знаешь, отчего гора называется Снятна гора? спросилъ я Алексѣя Өедоровича.

([1]) Перино, Перыно; среднее между *и* и *ы*.

— Ка́къ отчего? отвѣчалъ онъ:—Здѣсь стоялъ монастырь: подступила Литва и сняла монастырь *той* ([1]); а монахи заперлись въ церкви,—ихъ тамъ поганая Литва и сожгла. За тѣмъ и гора прозывается: Снятна́ гора. А видишь ты часовенку впереди, подальше отъ берега? подъ самой той часовенкой схоронены тѣ монахи, что въ церкви сгорѣли.

Незнаю, отъ того ли называется гора Снятна— Снятной горой, или нѣтъ; но она очень похожа на снятую гору: верхняя часть какъ-будто срѣзана очень ровно, снята.

— Гдѣ народъ чище живетъ? спросилъ я Алексѣя Ѳедоровича.

— Какъ то есть чище?

— На которомъ берегу, на западномъ или восточномъ, напр. дѣвки меньше шалятъ?

— На западномъ, по нашему въ Забраномъ Краю, народъ, какъ можно! гораздъ тише; а на нашемъ старомъ, хуже—баловливѣй; а въ Талабскѣ, или вотъ на Чудскомъ берегу, тамъ живутъ раскольники; дѣвки-то—лѣтъ по четырнадцати, по пятнадцати ходятъ кирпичи рѣзать; какъ пошла—такъ и загуляла!...

— Неужели всѣ дѣвки?

— Гдѣ же ты найдешь такую землю, что всѣ дѣвки гуляютъ? Много дѣвокъ гуляютъ—и то пло-

---

([1]) Здѣсь говорятъ: *той*, *тоя*, *тое*, вм. *тотъ*, *та*, *то*; *евойный*, *ая* *ое*, вм. *его*; *ейный*, *ая*, *ое*, вм. *ея*.

хо! Хозяйскія дѣвки смирно живутъ; а работницы... подобьется хозяинъ, хозяйскій сынъ.... а то къ хозяйской работникъ какой... Кѝкъ можно всѣ?! Былъ одинъ только, одинъ городъ Содомъ-и-Гоморъ, и тотъ Богъ гнѣвомъ наказалъ...

— Порченыхъ у васъ много?

— Порченыхъ, говорятъ, было довольно, только на моей намяти не было: старые попы заклятіе дѣлали: волхвы и поотстали отъ своихъ дѣловъ. Даютъ женщинамъ лекарство, дѣвкамъ еще, чтобъ любила... Сколько здѣсь острововъ было! продолжалъ, спустя немного, Алексѣй Ѳедоровичъ, а теперь вотъ только три: Длинный, Солодожный, да Кусовка, гдѣ сѣно монастырское; еще подъ самымъ подъ Опсковомъ Степановскій Лугъ; вотъ и всѣ. А острова большую помогу дѣлаютъ: перегонятъ на тѣ острова скотъ, лошадей; а то на лодкахъ перевезутъ; такъ ни пастуха, ни пастушки [1] никого не надо...

Чѣмъ ближе подъѣзжаешь ко Пскову, тѣмъ гуще-и-гуще растетъ трава по Великой, отъ которой подымались на поверхность желтенькіе, очень красивые, маленькіе цвѣточки.

— Здѣсь-то рыбы! заговорилъ Алексѣй Ѳедоровичъ: здѣсь-то рыбы: тою травой рыба питается. А поймать нельзя: въ тинѣ весь запасъ изорвешь,

---

[1] Тамъ должность пастуховъ большею частію исправляютъ женщины.

а ничего рыбѣ не сдѣлаешь!... ни одной поймать нельзя; удочкой—и то нельзя.

Я спросилъ у своего спутника, находятъ ли тутъ гдѣ клады около Пскова.

— Находятъ, только въ руки не дается: нашъ Сыренскій (т. е. изъ деревни Сыренской) ѣхалъ на лодочкѣ здѣсь ночью около Вонючаго Ручья; видитъ на Волокѣ свѣча теплится,—онъ спрыгнулъ съ лодки, да туда; видитъ икона Божіей Матери, а передъ иконой свѣча теплится, а внизу больше 100 бочекъ золота; Сыренскій-то захватилъ сколько смогъ, да въ лодку. Сидитъ въ лодкѣ, да и думаетъ, что мало взялъ; думалъ, думалъ—пошелъ въ другой разъ, принесъ и другой разъ,—все мало; пошелъ въ третій,—взялъ въ третій, принесъ въ лодку, хотѣлъ ѣхать... Какъ наскочитъ *не наша сила,* стала лодку *пружить* (1).... тотъ туда-сюда; пружитъ, да и полно!.. «А, пропади ты, нечистая сила!» сказалъ онъ съ сердцовъ. Какъ сказалъ онъ то глупое слово, и нечистая сила и золото, все пропало! Смотритъ: и самъ стоитъ на *кряжѣ* (2): нечистая сила напустила на него, ему и казалась вода!....

Мы пріѣхали во Псковъ, и я, простясь съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ, отправился къ своимъ прежнимъ хозяевамъ, Егору Васильевичу и Александрѣ

(1) Погружать, топить.

(2) Материкъ, не островъ.

Ивановнѣ Васильевымъ. У нихъ было много проѣзжихъ. При конторѣ дилижансовъ отдѣльныхъ нумеровъ нѣтъ, а только двѣ общія комнаты, въ которыхъ помѣщаются всѣ проѣзжіе безплатно. Александра Ивановна, считая себя не въ правѣ помѣстить меня въ общія комнаты, потому что я могъ стѣснить другихъ проѣзжихъ, *казенныхъ*, все-таки пріютила меня. Въ восьмомъ часу поутру стали проѣзжіе выѣзжать на чугунку, такъ какъ машина отправляется въ 8 часовъ. Послѣ всѣхъ выѣхалъ старикъ, съ очень добрымъ лицомъ. Онъ во все время не сказалъ со мной ни слова; но во всѣхъ его разговорахъ съ другими видны были и привѣтливость, и доброта. Послѣ я узналъ, что этотъ старикъ былъ Польскій магнатъ, и что лице его не обманывало, при выѣздѣ онъ далъ въ пользу бѣдныхъ 10 рублей серебромъ; только неофиціально, а одному частному лицу — для раздачи бѣднымъ.

Изборскъ пригородъ, 17 Августа.

15 Августа я выѣхалъ изъ Пскова и пріѣхалъ въ Изборскъ довольно поздно. Сначала меня поразило шоссе: едва пробита одна дорожка, да и та съ грѣхомъ по поламъ. Случалось, впрочемъ очень рѣдко, встрѣтить кого нибудь, тогда одинъ съѣзжалъ съ дороги и дожидался; пока другой проѣдетъ, точно

такъ, какъ по нашимъ проселочнымъ дорогамъ при встрѣчѣ съ обозомъ. На разстоянiи около 30 верстъ до Изборка шоссе захватило только одну деревню Дубняки, и то какъ-то не совсѣмъ, да сельцо Бибиково; самый Изборскъ остался съ полверсты въ сторонѣ.

Въ Изборскѣ кривыя улицы, избы угломъ на улицу; крыши съ большимъ навѣсомъ впереди, безъ всякаго украшенiя; заборъ—тынъ: навкось складенный изъ шестовъ; но вы сейчасъ замѣтите, что здѣсь много Чухонцевъ: здѣсь попадаются окна не Русскiя: квадратныя съ тремя переплетами снизу вверхъ и тремя же отъ права налѣво. Не знаю, сохранили ли улицы прежнее названiе, или названы недавно: Подгорная, Невская, Садницкая, Маслинская. Эти улицы извиваются между садами и довольно свѣжими домами; перерѣзываются другими улицами, которыя и названiй не имѣютъ. Когда я подходилъ къ здѣшнему Кремлю, мнѣ попалась дѣвка лѣтъ 50-ти.

— Къ собору, родной, идешь? спросила она меня.

— Къ собору, отвѣчалъ я.

— Ты приходи къ намъ на крестный ходъ, заговорила дѣвка: крестный ходъ бываетъ—куда-какъ у насъ весело—говорить нечего! Въ нашъ Словенецъ-Изборьскъ много ходитъ народу. Икону-образъ кругомъ города носятъ.

Я спросилъ у нее, какая у нихъ икона?

— «Икона наша изъ полону вывезена. Былъ нашъ Изборьскій въ полону въ невѣрныхъ земляхъ, и явилась тому полонённику Матушка-Богородица. «Возьми меня, говоритъ, и иди самъ изъ невѣрной земли; тебѣ никто въ дорогѣ ничего не сдѣлаетъ, и придешь ты съ моей помощью счастливо до самаго своего дому—до Изборьска». Въ Изборьскѣ тогда жила вдова богомольная; жила эта вдова около Плосской башни; такъ этой вдовѣ и отдалъ полонённикъ *тую* икону. Стояла та икона у ней ровно тридцать лѣтъ; а послѣ явилась во̀-сняхъ вдовѣ и объявилась, что она чудотворная. Тогда весь народъ и сталъ ходить сюда молиться ей, Матушкѣ. Сколько разъ переносили ее въ Опсковъ, только она, Матушка, все-таки сюда объявлялась. Видятъ —дѣлать нечего, ее и оставили въ Изборьскѣ. Нашъ городъ отъ того, и называется *богоспасаемый городъ*. Сперва городъ нашъ былъ большой, хорошій, самъ князь Рюрикъ жилъ здѣсь..... »

Извѣстно, что въ Изборскѣ княжилъ Труворъ; замѣчательно, что имя Рюрика сохранилось въ памяти народной: мнѣ не одинъ разъ случалось слышать, что Рюрикъ княжилъ въ Изборскѣ.

Простившись съ словоохотливой старухой, я пошелъ кругомъ кремля; видъ со всѣхъ сторонъ чрезвычайно хорошъ и далекъ; вообще городъ съ своими четырьмя церквами, зелеными садами, очень красивъ.

Погулявъ по городу, я пошелъ въ одну избу, гдѣ узналъ, что есть самоваръ, чай пить. Изба была очень опрятная, всѣ лавки и столъ были выкрашены красною масляной краской, перегородка раскрашена тоже масляной краской, разноцвѣтными узорами.

— Не хочешь ли ягодокъ? спросила меня хозяйка, женщина лѣтъ за 50, очень благообразной наружности, предлагая мнѣ горсть невзрачныхъ сливъ.

— Почемъ продаются у васъ сливы?

— Да ты тàкъ возьми — безъ денегъ, отвѣчала она: нонче дешевы, 60 коп. (ассигнаціями) мѣра; а въ другой годъ *ану* (*ону*, ее), за мѣру-то за то не купишь; этотъ годъ меды дороги, медовъ нѣтъ; а гдѣ и достанешь — такъ двугривенный фунтъ! Варить-то ягодъ и не варятъ, оттого и ягоды дешевы. А то вотъ въ той избѣ, вонъ третья напрàво съ той стороны, около *ровеня* (1) *арбанъ* (2) стоитъ, такъ тотъ хозяинъ много ягодъ варилъ: да теперь сбѣжалъ.

— Кàкъ сбѣжалъ? спросилъ я.

— Съ пуста такъ сбѣжалъ: былъ онъ сборщикомъ: затратилъ казну, да и сбѣжалъ тихимъ матомъ. А такой бывало: обо всемъ *опытъ беретъ* (3): ленъ *тягать* (4) что ли... у насъ одни мужики ленъ сѣютъ,

(1) Колодезь.
(2) Анбаръ.
(3) Заботится.
(4) Брать ленъ, пеньку; вообще драть,—вытягивать.

тягаютъ, бабы только прядутъ.... ([1]) А, да никакъ самоваръ поспѣлъ....

Напившись чаю, я опять пошелъ въ Кремль. Уже вечерѣло. Дѣвки съ пѣснями ходили по улицамъ, потомъ остановились на *Горкѣ*, небольшой площади среди города, водили хороводы. Пѣли пѣсни довольно извѣстныя:

«Я посѣю ли млада̀ младѐнька
Цвѣтиковъ маленько.»

«Заиньку» и т. п. Въ хороводѣ здѣсь при мнѣ ходили только дѣйствующія лица, а остальныя сидѣли на завалинкѣ, дѣвки по одну сторону, ребята по другую.

— Здравствуй, ро̀дный, сказалъ мнѣ старикъ, когда я пришелъ къ Проломнымъ воротамъ въ кремлѣ.

— Здравствуй, отвѣчалъ я: скажи пожалуста, отчего эти ворота зовутся Проломными?

— Вотъ отъ чего: подступала Литва и становилась на Митинской горѣ, видишь налѣво; теперь тамъ Митина деревня. Стрѣляла Литва та изъ пушекъ по Изборьску, пробила она вороты и народу много погубила. Подъ валомъ лежатъ убіенные воины; и когда крестный ходъ—всегда останавливаются: поминовеніе бываетъ. Какъ пробила Литва во-

---

([1]) Это не всегда, а бо̀льшею частію.

роты, стали обносить кругомъ города чудотворную икону Корсунской Богородицы—Литва сама себя перерѣзала; а которые остались—такъ тѣ разбѣжались. Съ-тѣхъ-поръ и зовутъ ихъ Литовскими воротами или Проломомъ.

— Часто нападали на вашъ городъ?

— Какъ не нападать! Нашъ городъ не нынче строенъ: Опсковъ построенъ давно, а Изборьскъ триста лѣтъ прежде стоялъ. Теперь только онъ обѣднялъ, а прежде былъ стольный городъ; первый князь Русскій Рюрикъ жилъ въ Изборьскѣ.

— Не извѣстно, на которомъ мѣстѣ?

— Подлинно не извѣстно; только надо полагать—близко Собора.

Печоры—пригородъ. 18 Августа.

Вчера около 10 часовъ я вышелъ изъ Изборска въ Печоры. Не много пройдя, я сошелся съ косцами, которые шли косить ячмень, или, какъ они называли, *жито* или *житмень*.

— Какъ вамъ, братцы, Богъ урожай далъ? спросилъ я.

— Да какъ тебѣ сказать—не знаю, отвѣчалъ мнѣ одинъ изъ нихъ: гдѣ пониже, да земля понѣжнѣй,—хлѣбъ, ленъ хорошо уродился; а то не гораздо.

— Вы откуда?

— А вотъ неподалечку деревня есть—Конецки (Конечки) зовется; такъ мы оттуда.

— Много у васъ земли?

— По четверти на душу высѣваемъ.

— Дѣлите землю ежегодно?

— Нѣтъ; какъ наступитъ ревизія, всю ниву озимую, яровую, паръ, дѣлимъ по́-ровну по душамъ. У меня три души, мнѣ шестикомъ три полоски отмѣрютъ, да и отрѣжутъ, у другаго 5—тому 5 полосокъ; только бы въ одномъ мѣстѣ. Сперва только бросятъ жеребій, кому за кѣмъ землю мѣрить.

Дорога изъ Изборска къ пригороду Печоры до́нельзя безлюдна. Кромѣ этихъ косцовъ, мнѣ попались навстрѣчу только два Чухонца, которые шли въ конторку, какъ они называли волостное правленіе, на сходку; да еще догнала какая-то коляска четверней. Вотъ и всѣ встрѣчи, а я пробылъ въ дорогѣ часовъ 5—6; да прибавьте къ этому: отъ самаго Изборска до Печоръ на разстояніи 20 верстъ, нѣтъ ни одной деревни на большой дорогѣ. Не помню я, кто-то глумился надъ кѣмъ-то, сказавшимъ что Чухонцы убѣгаютъ большихъ дорогъ, рѣкъ, озеръ. Этотъ господинъ думаетъ, что Русскіе ихъ оттѣсняютъ. Мнѣ кажется болѣе справедливымъ замѣчаніе Печерскаго жихаря (жителя): «Полувѣрцы, какъ ихъ здѣсь зовутъ, сказалъ онъ мнѣ, полувѣрцы землю пахать очень любятъ; такъ имъ больше ничего и

не нужно; хоть за версту, а то за полверсты, а убѣжитъ отъ дороги».

Эта дорога идетъ холмистыми мѣстами, покрытыми бо́льшею частію мелкимъ березнякомъ; а частію, на расчищенныхъ мѣстахъ, пашнями. Въ настоящее время овесъ и ячмень только начинаютъ косить, ленъ еще частію стоитъ зеленый, нѣкоторый еще и цвѣтетъ. Вчера около Изборска, да и почти по всей дорогѣ сѣяли; нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей сѣютъ въ одну сторону: правой рукой бросаютъ влѣво; поэтому имъ приходится пройти вдвое больше; потомъ запахиваютъ и боронуютъ. Бороновать—въ Орловской, Рязанской губерніи считается и для работника и для лошади легкою работою; здѣсь не то: боронуютъ парою и не прямо, а кругомъ: работникъ или работница, перекинувшись на возжахъ назадъ, заставляютъ лошадей кружиться почти на одномъ мѣстѣ, и лошади, которыя здѣсь хороши, съ трудомъ могутъ работать; впрочемъ я видѣлъ—боронуютъ и на одной лошади, а послѣ этакой боронуютъ прямо. Иначе бороновать нельзя: вся пашня усѣяна въ буквальномъ смыслѣ камнями, отъ вершка до 2-хъ величиною, даже на хорошо взборонованной землѣ много камней величиною въ орѣхъ лѣсной. Здѣсь удобряютъ землю особеннымъ способомъ—*тютежи* жгутъ: берутъ хворостъ, обкладываютъ землей, такъ-что эти *тютежи* имѣютъ форму призмы, дли-

ною смотря по величинѣ хвороста, а въ вышину до трехъ четвертей, и потомъ зажигаютъ; когда тютежи сгорятъ, ихъ разбрасываютъ; такихъ тютежей дѣлаютъ столько, чтобъ пережечь всю землю, вершка на два или на три въ глубину.

Я сошелъ съ большой дороги и подошелъ къ одному пахарю, полувѣрцу лѣтъ пятидесяти, одѣтому по-русски, въ шляпѣ съ огромными полями.

— Помогай Богъ!

— Спасибо! отвѣчалъ тотъ: спасибо, добрый человѣкъ. Посѣяли—надобно бы дождеца, да Богъ не даетъ.

— Здѣсь будешь сѣять? спросилъ я, указывая на вспаханную цѣлину.

— Теперь нельзя: одна дернина: на будущій годъ засѣю— хорошо уродится.

Около дороги часто попадаются чисто вырѣзанные, на землѣ, вершка въ полтора глубиною, знаки.

Эти знаки или гербы полувѣрцы кладутъ на своихъ участкахъ, чтобъ знать, кому чинить дорогу, и надо правду сказать: дорога здѣсь очень исправна.

На 9-й верстѣ лежитъ озеро *Устицъ*, окруженное горами, покрытыми лѣсомъ.

Въ коренной Руси такого уединеннаго мѣста отыскать рѣшительно невозможно; къ такому озеру

непремѣнно бы пришли и построились, а Чухонецъ хоть за полверсты, а ушелъ и отъ озера. На берегу его, на крутой горѣ и очень красивомъ мѣстѣ, стоитъ гранитный крестъ около 1½ аршина вышиной, на которомъ на верхней части высѣченъ крестъ, а на прочихъ надпись: «.... 1748 году Малороссійскіе полки были зде..... в походу Лубенскій.....», двѣ строки я не могъ прочитать.

Отойдя верстъ 14 отъ Изборска, я пошелъ въ деревню, которая виднѣлась въ сторонѣ: мнѣ пришлось идти, до той деревни съ версту полемъ, засѣяннымъ горохомъ, капустой, картофелемъ. Въ рабочую пору и въ Русскихъ деревняхъ не скоро кого нибудь отыщете, но все-таки скорѣй, чѣмъ въ Чухонской. Я прошелъ всю деревню и въ послѣдней только нашелъ хозяевъ дома. Я попросилъ молока у Чухонки; та плохо понимала по-русски; но все-таки поняла и объявила, что молока нѣтъ. Я пошелъ въ избу, гдѣ былъ хозяинъ.

— Да какого тебѣ: кислаго? спросилъ онъ.

— Да хоть кислаго; я заплачу.

Хозяинъ, ничего не говоря, вышелъ, а черезъ минуту хозяйка принесла небольшую чашку молока, хлѣба, и ушла. Я поѣлъ, хотѣлъ разсчитаться, но не съ кѣмъ было: всѣ хозяева ушли! Все не по-русски: Русскій всегда радъ гостямъ; онъ непремѣнно потолковалъ бы, спросилъ бы о новостяхъ; а Чухонецъ

любитъ землю пахать: ему ни до чего другаго дѣла нѣтъ. Избы у нихъ тоже не Русскія: въ двухъ стѣнахъ квадратныя аршина въ полтора окна, раздѣленныя переплетами на 9 квадратовъ, въ углу на лавкѣ стоитъ кіотъ съ иконами; столъ стоитъ близъ лавки посреди стѣны; въ сѣняхъ тоже икона.

Печерскій монастырь стоитъ по обѣ стороны лощины, по бокамъ крутыхъ горъ; онъ начинаетъ показываться верстъ за семь, но потомъ опять прячется за лѣсомъ, а совсѣмъ открывается. когда уже подойдешь къ самому монастырю, окруженному огромными стѣнами, съ полуразрушенными башнями. Стѣны и башни сложены изъ плитняка, часто довольно крупнаго; но попадаются большіе камни: есть до аршина въ поперечникѣ. Эти. камни лежатъ въ стѣнѣ по одному между мелкими, или по нѣскольку. Стѣны были обведены валомъ и рвомъ, въ которомъ и теперь частію видна вода. Я всходилъ на Михайловскую башню, очень не высокую, но откуда видъ по лощинѣ и вдоль—очень хорошъ. По выходѣ изъ монастыря (по здѣшнему номастырь) я нашелъ трехъ мальчиковъ, играющихъ въ слѣдующую игру: одинъ изъ нихъ, указывая при каждомъ словѣ, поочереди на себя, на другаго и на третьяго, говоритъ:

Чикирики
Микирики
Погосту

Жучикъ
Крючикъ
Костка
Хрупъ!

Кому пришлось *хрупъ*, того посылаютъ отбѣжать куда нибудь; остальные въ это время прячутся и ихъ должно искать. Посидѣвъ немного съ ними, я пошелъ и встрѣтился съ однимъ здѣшнимъ старожиломъ, котораго и зазвалъ къ себѣ на чай.

— Давно ли монастырь стоитъ? спросилъ я его.

— Давно, еще за Грознаго царя,—сталъ говоритъ мой собесѣдникъ: были въ Изборьскѣ отецъ съ сыномъ, оба благочестивые люди и охотники на птицу, на звѣря ходить. Пришли эти отецъ съ сыномъ на это самое мѣсто, гдѣ теперь пещеры, и понадобилось имъ на что-то древо. Взяли они топоръ и срубили себѣ древо. А въ старые годы тутъ дремучій лѣсъ стоялъ; срубили они древо, а то древо повалило съ корня другое, и отъ того древа открылась пещера; на стѣнѣ пещеры была надпись: «Богомъ зданная (созданная) пещера». Въ срединѣ той пещеры пѣли ангели и *благоханье* было слышно. Отецъ съ сыномъ вошли въ ту пещеру и нашли тамъ тѣло монаха Марка. Тѣло оставили они въ гробу, а сами пошли въ Изборьскъ. Съ-тѣхъ-поръ сталъ открываться монастырь, стали строить церковь; только переднюю стѣну выведутъ, а тѣ просто изъ песку

въ горѣ вырѣжутъ. Пещеръ тамъ на сколько—не извѣстно. А говорили только, что эти пещеры съ Кіевскими сходятся. Сперва-то можетъ и сходились, ну а теперь много обвалилось.»

— Случалось ли, чтобъ непріятель бралъ монастырь? спросилъ я.

— «Нѣтъ, никогда ни одинъ не входилъ. Подступалъ Стефанъ Баторій подъ нашъ монастырь, такъ Николай Угодникъ днемъ верхомъ ѣздилъ вокругъ монастыря, а по ночамъ пѣшой ходилъ; а съ Угодникомъ было сорокъ мучениковъ. Баторій ничего и не сдѣлалъ. Это все правда: въ писаніи есть.»

— Въ какомъ писаніи?

— «Не знаю въ какомъ, а только есть.»

Какъ-то разговоръ дошелъ до Риги.

— Говорятъ: Рига рано ли, поздно—провалится, сказалъ онъ: по тому случаю, что изъ-подъ Риги къ Питеру подъ Неву ходъ подведенъ, въ случаѣ войны, отъ непріятеля.

— А моя родительница была въ Ригѣ,—перебила моя хозяйка, баба лѣтъ 40: моя родительница была въ Ригѣ, гдѣ былъ подошедши тогда Шведъ, при ней и случилось. Прежде Ригою управляла королевна. Вотъ эту королевну, мать что̀-ли, или не знаю кто—прокляли. Эта самая королевна черезъ сколько лѣтъ выходитъ изъ рѣки, проситъ у часоваго креста. Часовой не посмѣлъ дать креста королевнѣ; на другой

день поставили на то мѣсто двухъ часовыхъ; ну она, какъ бы тамъ ни было, обратилась въ свое мѣсто. Народъ болтаетъ: дай часовой ей крестъ—королевна была бы опять въ Ригѣ, Ригой бы правила, а часовой на ея мѣстѣ.

— Чѣмъ здѣсь народъ занимается? спросилъ я своего хозяина (изъ Чухонцевъ).

— Бо́льшею частію всѣ землепашцы; а то здѣсь многіе занимаются: сапоги, пастолы (по-русски поршни—кожанный лоскутъ, которымъ обвязываютъ ногу).

— Многіе здѣсь занимаются этимъ промысломъ?

— По нашимъ Печорамъ должно-быть человѣкъ 50; у насъ 4 завода небольшихъ, по два работника, да подмастерье; подмастерье этотъ всѣми заводами управляетъ. А то еще хозяева сдаютъ по домамъ шить сапоги, по 20, по 25 коп. сер. за пару; а послѣ везутъ на ярморки въ погостъ «*Лизавета Захарьевна* (1)», въ Ряпино: тамъ мыза большая, бумажный, пильный заводъ; мельница—муку, соль съ Талабска мелетъ; такъ кожевенники наши возами на ту ярморку сапоги, пастолы возятъ; воза по два возятъ. А то у кого есть цѣлковыхъ 10, 20, тотъ купитъ себѣ товару, нашьетъ сапогъ и отвезетъ самъ на ярморку; который паръ 20, который паръ 40.

Нынче я ходилъ въ монастырь и смотрѣлъ ризни-

(1) Погостъ Елисавета и Захарія.

цу. Иконъ старинныхъ, по-крайней-мѣрѣ не подновленныхъ, нѣтъ; явленной иконы Успенія Богородицы я не могъ видѣть: она стоитъ въ довольно темномъ мѣстѣ, а ктому же она вся покрыта дорогою жемчужною ризою. Въ ризницѣ мнѣ показывали золотые сосуды съ слѣдующею надписью: «7189 году сіи сосуды золотые вдомъ Пречистой Богородицы Псковской Печерской монастырь далъ вкладу Борисъ Васильевичь Бутурлинъ, а прямое имя Иванъ, съ женою своею Татьяною, по тестѣ своемъ Семенѣ Алексѣевичѣ Вихоревѣ и по тещи своей инокини схимницы Капетелины по ихъ приказу в вѣчное поминовеніе».

Въ этихъ сосудахъ около 3-хъ фунтовъ вѣсу. Еще тамъ нѣсколько серебряныхъ ковшей: Ивана Грознаго, царевича сына Грознаго, князя Юрья Ивановича, Макарія архіепископа Новгородскаго, Бориса Еремеевича; кружки Густава-Адольфа, короля Шведскаго; Щербинина; чаша, пожертвованная Михаиломъ Ѳедоровичемъ, серебряный горшокъ — дьякомъ Сидоровымъ; нѣсколько крестовъ съ мощами, между которыми одинъ сдѣланъ въ 7098 году въ Іюнѣ по повелѣнію игумена Милетія съ братіею, а въ немъ 118½ золот. вѣсу.

Я прежде говорилъ, что Грозный оставилъ здѣсь, какъ говоритъ народъ, всѣ свои вещи. Здѣсь показываютъ, кромѣ ковшей, ложку, вилку, ножикъ, трубу, пороховницу, кошелекъ для денегъ, двѣ цѣ-

ни; на одной, говорятъ, Грозный носилъ кошелекъ, другая *царская*, на которой онъ носилъ крестъ; болѣе 30 монетъ золотыхъ иностранныхъ; арчакъ, потникъ отъ сѣдла, и чепракъ, который былъ затканъ золотомъ, но золото вынуто на потребы монастырскія.

Еще мнѣ показали перстень съ зеленымъ камнемъ, на внутренней сторонѣ котораго надпись: «Перстень царицы и великія княжны Анастасѣи». Ея же серьги, съ лазоревыми камнями, обдѣланныя жемчугомъ.

Обязательный отецъ намѣстникъ ([1]) Никаноръ показалъ мнѣ библіотеку. Тамъ мало любопытнаго: ее пересматривалъ митрополитъ Евгеній, бывши архіереемъ Псковскимъ, и все интересное взялъ. Я вскользь просматривалъ синодики, которыхъ здѣсь 6; въ одномъ записаны роды: князей Шеховскихъ, Петруши *стрелца* Сумина, *Грошихи*.

Ежели бы я не боялся оскорбить скромность отца намѣстника, я бы много могъ сказать о немъ. Рѣдко можно встрѣтить такое истинное благочестіе; я сказалъ: истинное; этимъ словомъ я не передалъ своей мысли. Представьте себѣ свѣтлаго, добродушно-веселаго человѣка, при которомъ и вамъ дѣлается свѣтло, при которомъ вамъ въ голову не придетъ ни одна несвѣтлая мысль. Онъ очень жалѣлъ, что многія драгоцѣнности, между которыми замѣчатель-

([1]) Архимандритъ, какъ мнѣ сказали, на дежурствѣ въ Петербургѣ въ Сѵнодѣ.

ны ризы, епитрахиль тяжелая (вся засыпанная жемчугомъ) остаются безъ всякой пользы.

— «Будь эти вещи въ Москвѣ,—говорилъ онъ— многіе бы смотрѣли на нихъ, многіе бы учились; а здѣсь кому онѣ нужны.

Посмотрѣвъ пещеры, гдѣ хоронятся умершіе изъ братіи и изъ свѣтскихъ, гдѣ между другими похоронено тѣло монаха Марка, я простился съ о. намѣстникомъ и получилъ отъ него просвиру.

Печоры. 19 Августа.

Прощаясь съ Печорами, прибавлю нѣсколько строкъ. Печоры стоятъ на красивомъ мѣстѣ на берегу рѣки Пачковки. Бо̀льшая часть жителей полувѣрцы, т. е. Чухонцы; но образованные изъ нихъ стыдятся своего происхожденія и говорятъ, что они Рижскіе Нѣмцы, хотя по-нѣмецки не говорятъ. Меня увѣряли здѣсь, что почти пятая часть дѣвокъ выходитъ замужъ, имѣя уже дѣтей; но что хорошій отецъ не позволитъ шалить дочери.

Еще одно слово: графъ Витгенштейнъ послѣ 1812 года, приписывая свои побѣды особенной помощи Божіей, много жертвовалъ въ здѣшній монастырь и выстроилъ на горѣ новую церковь, довольно хорошей архитектуры, и, говорятъ, хорошо украсилъ.

Изборскъ. 20 Августа.

Отойдя съ версту отъ Печоръ, я встрѣтилъ мужика лѣтъ тридцати. Мнѣ хотѣлось съ нимъ заговорить и я попросилъ у него огня, закурить папироску.

— Изволь, миленькой, отвѣчалъ мужикъ, можно; кстати и я покурю; сядемъ-ко.

Мы сѣли, и я сталъ у него разспрашивать, но, къ несчастію, онъ не могъ ничего мнѣ разсказать.

— У насъ народъ не любопытный, сказалъ онъ мнѣ на прощаньѣ: по иншимъ мѣстамъ на спросъ не скажешь—стыдно, а у насъ ни почемъ!

Прежней дорогой мнѣ идти не хотѣлось, я взялъ вправо и зашелъ къ священнику въ погостъ Залѣсье; этотъ священникъ мнѣ разсказалъ, что у нихъ всѣ занимаются хлѣбопашествомъ, въ озимомъ полѣ сѣятъ одну только рожь, которая у крестьянъ даетъ самъ-пятъ, а у помѣщиковъ самъ-десять, а иногда и самъ—12; потому-что помѣщики сѣютъ не простую рожь, а муравьевку, обсильванскую и друг. Яровое поле засѣваютъ преимущественно житомъ, т. е. ячменемъ и льномъ, а отчасти овсомъ; нѣкоторые сажаютъ въ полѣ капусту, потому-что въ полѣ червь не ѣстъ. Ячмень родится самъ-3, 4 и 5, овесъ—самъ-3 и то рѣдко. Ленъ зерномъ—самъ-3, 4; ежели мѣра льна дастъ три пуда волокна—урожай считается хорошимъ; но случается, что съ 10 гарнцевъ получаютъ

льна 10 пудовъ или 20 *пудковъ*. Ленъ здѣсь продаютъ на пудки (20 фунтовъ). Хлѣбъ здѣсь кладутъ въ стойки (копны), а послѣ везутъ на гумно и складываютъ въ *одѣнья* ([1]) — небольшія скирды; въ стойкахъ бываетъ около 30 сноповъ, а въ одѣньяхъ безъ счету.

Нравственностію здѣшніе жители вообще не могутъ похвалиться; обычай выдавать дѣвку замужъ, когда ей далеко минетъ за 20 или за 25 лѣтъ, мужчинамъ жениться отъ 25 до 30,—много мѣшаетъ чистотѣ нравовъ; но и зная это, все-таки съ трудомъ вѣришь, что въ Залѣсьѣ, напримѣръ, какъ оказывается по собраннымъ мною справкамъ, на 70 рожденій, 12 незаконныхъ. Замѣчательно, что полувѣрцы нравственнѣе Русскихъ; Русскіе и полувѣрцы никогда не мѣшаются женитьбой, и потому это замѣтнѣй. Такъ мнѣ здѣсь же сказывали, что въ Лифляндіи знали только два случая о незаконнорожденныхъ и то потому, что въ то время солдаты стояли, и разумѣется, эти двѣ несчастныя дѣвки пропали, тогда какъ между нашими на этотъ проступокъ смотрятъ не очень строго: женихи обѣгаютъ дѣвокъ, у которыхъ есть дѣти, да и то не совсѣмъ; зато на посидкахъ и въ хороводахъ онѣ—первыя.

Отъ священника я пошелъ довольно рано и дошелъ до Рацова, гдѣ зашелъ въ избу; въ избѣ сидѣла од-

([1]) За Окой небольшія скирды называются: *одоньи*, *одонки*.

на старуха; поздоровавшись, я попросилъ у ней пообѣдать.

— Изволь, рòдный, отвѣчала та: да ужъ не погнѣвайся: хлѣбушка дадимъ, кваску хлѣбни, а больше ничего нѣтъ. Въ разоръ разорили, кормилецъ! Баринъ-то, говорятъ и добрый, да чтó толку-то? Управляющій Чухна, чтò хочетъ, то и дѣлаетъ. Вотъ дома теперь только я, да старикъ мой; да и то дома, что боленъ....

Вошелъ больной старикъ, едва передвигая ноги; старуха еще больше стала хныкать. Помочь имъ я не могъ и я, захвативъ у нихъ кусокъ хлѣба, ушелъ. Отойдя отъ Рацова версты съ двѣ, я присѣлъ на берегу озера.

— Кàкъ прозывается это озеро? спросилъ я мальчика, лѣтъ 14-ти бѣжавшаго по дорогѣ.

— Куцино, отвѣчалъ тотъ.

— Деревня близко есть?

— Есть, прокричалъ на ходу мальчикъ, повернулся въ лѣсъ и скрылся; должно-быть пошелъ за орѣхами.

Вѣрно, этотъ мальчикъ изъ полувѣрцевъ. Русскій непремѣнно бы остановился, спросилъ за чѣмъ нужно знать и, можетъ быть,-робѣя, а все-таки вступилъ бы въ разговоръ. Думая о старухѣ, у которой я только былъ, о пробѣжавшемъ мальчикѣ, не помню какъ я заснулъ и проснулся, когда солнце было довольно низко; возвращаться назадъ въ Рацово мнѣ не

хотѣлось, и я, понадѣясь на счастье, пошелъ впередъ отъискивать ночлега; но счастье стало мнѣ измѣнять, или можетъ-быть судьба стала меня готовить къ Псковскимъ невзгодамъ... Было уже очень поздно, когда я подошелъ въ хутору какого-то Нѣмца.

— Куда идешь, добрый человѣкъ, спросилъ меня работникъ, стоявшій у воротъ.

—Въ Изборскъ, почтенный, отвѣчалъ я; далеко-ли отсюда до Изборска?

— До Изборьска недалеко, двѣ версты, сказалъ онъ: да ты не ходи, идти нельзя,—волковъ много; а ночуй у нашего Нѣмца, у него просторно.

Я обрадовался приглашенію, но совершенно напрасно. Нѣмецъ на мою просьбу объявилъ, и то смиловавшись, что « одну только версту опасно будетъ идти, а тамъ другая верста пойдетъ полемъ; а полемъ—нѣтъ никакой опасности.

Когда меня такимъ образомъ успокоивалъ Нѣмецъ, и успокоивалъ очень радушно, а все-таки не пустилъ ночевать, я вспомнилъ про Перовскаго. Въ 1812 году онъ былъ взятъ въ плѣнъ и его повели во Францію. Дорогой онъ износилъ сапоги, потеръ ноги такъ, что едва могъ идти. Во всей Германіи онъ не могъ выпросить себѣ сапогъ: всѣ Нѣмцы о немъ только сожалѣли, а сапоги ему были брошены изъ перваго окна—во Франціи.

— Воды можно у васъ попросить? спросилъ я,

совершенно успокоенный Нѣмецкимъ краснорѣчіемъ.

— Воду кушай, воду кушай!

Напившись, я пошелъ къ Изборску и первую версту прошелъ благополучно; при выходѣ изъ лѣсу я замѣтилъ мужиковъ; по крику можно было догадываться, что они шли съ попойки. Не доходя до нихъ нѣсколько саженъ, я остановился, выкурилъ папироску, а мужики все стояли. Не хотѣлось съ ними сходиться, а дѣлать было нечего, и я пошелъ къ нимъ.

— Братецъ, постой, братецъ! кричали они мнѣ, когда я поровнялся съ ними.

— Что́ вамъ надо, братцы? спросилъ я, не подходя близко къ нимъ.

— Да ты не бойся, братецъ! Мы сами хозяева, подойди пожалуста поближе.

— Что́ же вамъ нужно, братцы? сказалъ я, подойдя къ нимъ.

— Ты въ Изборьскъ идешь; отведи парня до дому.

— Доведи, другъ, кричалъ предлагаемый мнѣ въ товарищи мужикъ, безъ шапки, кафтана и сапогъ.

Онъ былъ пьянъ, другіе же, какъ я замѣтилъ, были совершенно трезвы.

— Отчего же вы сами не ведете его? спросилъ я опасаясь за пьянаго.

— Да намъ некогда, отвѣчали тѣ: намъ завтра на работу идти. Видимъ — человѣкъ пьяный, бѣжитъ, — ка́къ одного пустить; а мы и не изъ той деревни....

Я взялъ подъ руку пьянаго и привелъ его домой, и на другой день узналъ, что онъ былъ въ гостяхъ у своей сестры, отданной замужъ въ другую деревню; тамъ подгулялъ и вздумалъ идти домой. Зять снялъ съ него все — шапку, кафтанъ и сапоги, и, не могши его уговорить остаться ночевать, пустилъ. На дорогѣ напалъ онъ на незнакомыхъ и тѣ повели его домой, а увидавъ меня, сдали мнѣ на руки.

Поутру я пошелъ къ отцу Александру; онъ мнѣ разсказывалъ, что полувѣрцы иногда постовъ не соблюдаютъ, но что во всемъ прочемъ они оченъ религіозны. Такъ напримѣръ: въ церковь ходятъ часто; выстровъ Изборскѣ три богадѣльни и каждая изъ нихъ стоитъ отъ 50 до 60 руб. сереб.; содержатся онѣ также на счетъ прихожанъ. Въ праздникъ приносятъ священнику 1 или 2 *кокоры*(1), а въ каждую богадѣльню по 10. Въ платѣ священникамъ очень честны; такъ напр., въ праздники кропятъ скотъ святой водой; по обычаю должны платитъ по три копѣйки съ каждой штуки, и всегда исправно платятъ, никогда не обсчитываютъ въ числѣ штукъ. Еще показалось мнѣ замѣчательнымъ: Изборскъ отъ Залѣсья 12—14 верстъ; а въ Изборскѣ, по-крайней-мѣрѣ въ приходѣ отца Александра, на сто рожденій — одинъ незаконный.

(1) Кокора—круглый фунта въ 3—4 хлѣбъ изъ лучшей домашней муки.

Пошли мы, послѣ чаю, гулять на Шумильну гору, изъ которой, на самомъ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, бьютъ 11 ключей, и у самой горы стоитъ мельница.

— Мельнику обѣщано: будешь вѣрно молоть — вода будетъ; обмѣривать станешь — воды не станетъ, сказалъ мнѣ мужикъ, пріѣхавшій на мельницу: сталъ обмѣривать, — воды стало меньше.

Воды дѣйствительно стало меньше: нѣкоторые ключи пошли другими руслами, мимо пруда.

Потомъ отецъ Александръ показалъ мѣсто, гдѣ, по народному преданію, находится могила *царя* Трувора, и разсказалъ, что богомольцы, идущіе въ Печоры, заходятъ въ Изборскій соборъ къ здѣшней иконѣ Корсунской Богородицы; больные изъ нихъ берутъ камень, накладываютъ на больное мѣсто и всходятъ на гору противъ Сѣверной башни.

22 Августа. Псковъ.

Дорога изъ Печоръ до Изборска безлюдна, да не больше народу и на дорогѣ между Изборскомъ и Псковомъ. Въ сторонѣ отъ большой дороги есть деревни, какъ я уже говорилъ; но въ этихъ деревняхъ тоже мало жизни. Я по дорогѣ услыхалъ первую пѣсню, пѣсню Русскую, только за 12 верстъ отъ Пскова, потому-что, думаю, нельзя называть пѣснью

«и-го-го! и-го-го!» что́ неразъ кричали полувѣрцы, парни и дѣвки, ѣхавшіе въ ночное. Я ходилъ и по большой дорогѣ и по просёлкамъ—вездѣ одно! Повернулъ къ Талабскому озеру—то же безлюдье. Проходивъ безъ толку нѣсколько дней въ этихъ мѣстахъ, я пришелъ въ Устье къ знакомому уже мнѣ священнику, который былъ такъ добръ, что повѣрилъ мои наблюденія и сдѣлалъ мнѣ много очень полезныхъ замѣтокъ.

— Куда идешь, добрый человѣкъ? крикнулъ мнѣ догнавшій меня на доброй лошади мужикъ, поровнявшись со мной, когда я отошелъ отъ Пскова версты двѣ.

— А ты куда ѣдешь? спросилъ я, не отвѣчая на его вопросъ; да и довольно трудно было мнѣ отвѣчать, куда иду: я этого и самъ не зналъ.

— Привозилъ изъ Новоржева господъ на чугунку, теперь домой ѣду; коли по дорогѣ—подвезу, бойко говорилъ мужикъ.

Я присѣлъ къ нему въ телѣгу, и онъ началъ скороговоркою говорить:

— Взялъ я, братецъ ты мой, въ Новоржевѣ двухъ господъ, взялъ ихъ довезти до чугунки, до машины, по знакомству только, а то, братецъ мой, самъ знаешь: пора рабочая, лошадь дома нужна; возьмешь деньги, самъ не радъ будешь деньгамъ... А по знакомству

можно . . . Съ другихъ не взялъ бы по пяти цѣлковыхъ, а съ нихъ только по три . . .

Мнѣ кажется, что онъ и своихъ знакомыхъ господъ не много уважилъ: за 136 верстъ, съ двухъ, на одной лошади, можно и не уваживши взять шесть рублей.

Мы ѣхали по шоссе, которое идетъ изъ Пскова на Петербургско-Варшавскую дорогу, тоже каменную. Псковское шоссе идетъ на пять верстъ до послѣдней дороги и перпендикулярно въ нее упирается. Я разспрашивалъ многихъ: почему каменную дорогу проложили такъ далеко отъ Пскова? но мнѣ на это никто не могъ сказать ничего. Тѣмъ болѣе это странно, что новая чугунка проложена отъ Пскова очень близко, никакъ не дальше версты, и только въ этомъ одномъ мѣстѣ дороги, и каменная и чугунка, такъ далеко —версты на три слишкомъ —расходятся; въ другихъ же мѣстахъ онѣ сходятся на нѣсколько десятковъ саженъ и идутъ параллельно, до самаго г. Острова. Когда мы подъѣхали къ мосту на р. Терехѣ, я простился съ своимъ спутникомъ и пошелъ къ вновь строющемуся мосту на той же рѣкѣ, для желѣзной дороги, саженяхъ въ двадцати отъ стараго.

Дѣятельность была сильная: рабочихъ было много; одни привозили на тройкахъ огромные камни, другіе тесали камень, третьи копали, возили землю. Я взошелъ на временный деревянный мостъ, подъ который

подводили постоянный каменный и разговорился съ рабочими. Отъ нихъ я узналъ, что въ настоящее время рабочимъ плата очень хороша: рабочему 50 к. сер., а мастеру, каменьщику, менѣе рубля не платятъ. Потолковавъ немного съ рабочими, я пошелъ опять на шоссе: чугункой идти не ловко, а другія артели, какъ мнѣ сказывали, стояли далеко. Пройдя немного по каменкѣ, я перешелъ по каменному мосту рѣку Многу и мнѣ захотѣлось пить.

— Дайте пожалуйста напиться, сказалъ я, подходя къ окну избы, стоявшей на самомъ берегу. У окна сидѣли двѣ женщины, и, услыхавъ мою просьбу, одна вскочила и пошла, а другая вслѣдъ ей проговорила:

— Надо бы странному человѣку квасу испить, да квасу-то нѣтъ.

— Сама знаю,—послышалось изъ избы: надо бы квасу, да гдѣ возьмешь квасу-то?

Спустя минуту, она вынесла мнѣ на улицу воды...

— Спасибо, матушка, сказалъ я возвращая ей, напившись кружку. Она одной рукой приняла кружку, а другою стала шарить около моей руки—желая всунуть мнѣ что-то въ руку.

— Ты человѣкъ странный,—торопливо говорила она: тебѣ пригодится; возьми, возьми!

— Спасибо, матушка,—отвѣчалъ я: мнѣ не надо; лучше кому другому подай.

— И другому подамъ.... а ты-то возьми!

Я взялъ у ней пол-копѣйки серебромъ, и хотѣлось мнѣ эти деньги сберечь, но не удалось: за Псковскими арестами! Простясь съ ней, я пошелъ дальше.

— Здорово, землячекъ! крикнулъ, догоняя меня, отставной солдатъ:—Куда Богъ несетъ?

— Здравствуй,—отвѣчалъ я: иду, любезный, къ Острову. Не по дорогѣ ли?

— Почитай до самой Подрѣзицы по дорогѣ; пойдемъ вмѣстѣ; закуримъ трубочки, поболтаемъ.

Онъ закурилъ трубку, я папироску, и пошли вмѣстѣ, болтая кой-о-чемъ.

— Зайдемъ въ будку, землякъ,—сказалъ онъ, когда мы поровнялись съ одной будкой, поставленной для солдатъ, служащихъ на шоссе. Тутъ живутъ знакомые: солдатъ съ женой; зайдемъ, квасомъ напоятъ, а захочемъ, такъ и самоваръ поставятъ.

Мы вошли въ довольно просторную и очень опрятную комнату, перегороженную на двѣ части. Хозяина —солдата не было дома, и насъ приняла хозяйка, полуобрусѣлая Чухонка, у которой мой спутникъ, поздоровавшись, попросилъ квасу. Хозяйка ту же минуту подняла дверь, сдѣланную въ комнатѣ въ полу, сходила въ погребъ и принесла намъ большую кружку очень хорошаго квасу.

— Такая бѣда! заговорила она, когда мы усѣлись, такая бѣда: сперва торговала квасомъ, яблоками...

все-таки нѣтъ, нѣтъ... а копѣйка лишняя набѣжитъ; а вотъ теперь... не смѣй торговать—да и полно!

. . . .

Хозяйка подчивала насъ чаемъ, но мы отказались, простились съ ней, и пошли дальше.

— Она богата,—сказалъ мнѣ дорогою мой товарищъ: мужъ у ней человѣкъ крѣпкій, а она хозяйка, и огородъ развела, да и торговала по малу... деньги есть. А ни что: люди добрые.... Близко Подрѣзица, расходиться скоро: мнѣ надо влѣво брать; зайдемъ выпьемъ по шкалику; на разставаньи такъ и быть—поднесу!

Я отказался отъ его угощенія и мы разстались: онъ пошелъ въ кабакъ, а я повернулъ въ Подрѣзицу, лежащую въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ большой дороги; на самой дорогѣ стояла харчевня, но мнѣ не хотѣлось въ ней останавливаться.

— Пусти, добрый человѣкъ, переночевать, сказалъ я хозяину, подходя къ одной избѣ.

— Эхъ, ты! отвѣчалъ тотъ: въ плисовой поддёвкѣ ходишь, а въ деревню ночевать повернулъ! Ступай въ харчевню, да возьми особую комнату.

Я пошелъ въ другую избу, тоже получилъ отказъ; въ третью я не захотѣлъ идти, а какъ было еще довольно рано, то пошелъ дальше.

— Помогай Богъ! сказалъ я, подходя къ солдату, который, вмѣстѣ съ малымъ лѣтъ двадцати, убиралъ

разными камушками сотку, т. е. знакъ на шоссе, который ставятъ черезъ каждыя 100 сажень.

— Спасибо, землякъ, спасибо! отвѣчали они: вотъ, братъ, сотки убираемъ.

— Много же вы ихъ въ день уберете? спросилъ я.

— Да много: коли не полѣнишься, отвѣчалъ солдатъ, такъ въ день-то сотки четыре уберешь. Я не работаю; я такъ, вотъ ему помогаю, прибавилъ онъ указывая на парня.

— Пустая работа, сказалъ парень, совсѣмъ пустая: работаешь, работаешь; пройдетъ скотина какая, а то человѣкъ какой, копнетъ ногой,—опять работай! И добро бы большая краса была!....

Стало вечерять, когда я подошелъ къ Суслову. На шоссе выходитъ только одинъ постоялый дворъ или, по-здѣшнему, харчевня. Въ харчевнѣ меня не пустили ночевать, хоть я и предлагалъ плату за ночлегъ.

— Ступай, братъ, въ деревню: мы сами нанимаемъ; значитъ—деньги платимъ, отвѣчалъ мнѣ дворникъ на мою просьбу, вѣрно, не надѣясь на хорошую плату.

— Пусти, добрый человѣкъ, переночевать, сказалъ я первому попавшемуся мнѣ мужику.

—Милости просимъ, отвѣчалъ тотъ; милости просимъ! Пойдемъ въ избу, закусимъ мало, чѣмъ Богъ послалъ.

Хозяинъ избы, очень благообразный мужикъ, лѣтъ 38, только-что вернулся съ поля; подойдя къ своему

двору, онъ нашелъ у воротъ своего сына, мальчика лѣтъ двухъ, взялъ его на руки, и мы вошли въ избу.

— Не обезсудь, добрый—человѣкъ, сказалъ онъ: бѣдность! Я-бъ тебя не такъ угостилъ. Малюха! крикнулъ онъ, обращаясь къ своей дочери, дѣвочкѣ лѣтъ 14: малюха, накрой-ка столъ, сядемъ, поѣдимъ; вотъ и странный съ нами. Вотъ, братъ,—сказалъ онъ мнѣ: вотъ у меня хозяйка! Сперва была и жена, да Богъ взялъ; хорошіе люди видно и Богу нужны! Осталось четверо дѣточекъ, да пятая вотъ хозяйка; а тутъ на бѣду еще выбрали въ десяткіе.... У насъ десятскіе по выбору: выбираютъ на полгода; полгода отслужилъ, выбираютъ другаго....

— Отчего же ты не женишься? спросилъ я у хозяина: этой хозяйкѣ гдѣ же справиться со всѣмъ домомъ.

— Да видишь ты, отвѣчалъ онъ: хорошая за меня, видя нашу бѣдность, не пойдетъ; взять лядащую: какая будетъ хозяйка? Жену взять можно! а хозяйку въ домъ, мать дѣтямъ—пройди весь свѣтъ, не отыщешь! Теперь дочкѣ трудно,—да безъ мачихи! Двухъ сынковъ: одному четыре года, другому шесть,—отдалъ въ пастушки, все съ хлѣба долой, да и малюхѣ моей все легче.

Помолясь Богу, мы съ хозяиномъ сѣли за столъ, который *малюха* (т. е. маленькая) подвинула къ окну; она же принесла молока, варенаго картофелю,

очень хорошаго хлѣба, и сама сѣла съ нами. За ужиномъ разговаривали мало, хозяинъ иногда подчивалъ меня, или просилъ прибавить молока или подвинуть къ нему картофель. Во время ужина я осматривалъ избу. Изба была довольно большая, довольно опрятная и съ поломъ; у самаго входа въ избу налѣво стояла печь и на загнѣткѣ висѣлъ котелъ, а направо столъ; иконы стояли въ кіотѣ въ углу наискось отъ печи; кіотъ былъ поставленъ на четверть отъ лавки и потому подъ иконами нельзя было сѣсть, стало-быть и передняго угла не было. Въ четвертомъ углу стояла кроват —къ лавкѣ были придѣланы еще двѣ доски. Здѣшнія избы похожи больше на Чухонскія; съ Новогородскими имѣютъ онѣ одно сходство: какъ Псковскія, такъ и Новогородскія, ставятъ въ два этажа, хоть часто первый этажъ занимается скотомъ.

Поужинавъ, малюха послала отцу постель: подвинула къ лавкѣ скамью, положила постель —мѣшокъ набитый сѣномъ, въ родѣ перины, положила подушку; потомъ и мнѣ, въ качествѣ страннаго, дала подушку. Мы съ хозяиномъ легли, а молодая хозяйка стала кормить двухъ своихъ маленькихъ братьевъ. Хозяину не спалось, мнѣ тоже; но когда онъ сталъ разсказывать о будущемъ Россіи, не думаю кто бы могъ заснуть. Онъ говорилъ о пользѣ желѣзныхъ дорогъ; но при этомъ прибавилъ, что настоящій вопросъ, объ улучшеніи крестьянъ, гораздо больше имѣ-

етъ значенія для насъ. На этотъ вопросъ онъ сперва смотрѣлъ съ религіозной точки, а потомъ и съ экономической.

— Я человѣкъ вольный,—говорилъ онъ: мнѣ врать не изъ чего; повѣрь мнѣ—лучше будетъ: мужикъ на барщинѣ того не сработаетъ, что на себя; да и такъ на барина не сдѣлаетъ, какъ для себя; и барину будетъ лучше, и мужику совсѣмъ хорошо. Не вовсе, знать, Господь на насъ прогнѣвался!

— Эй! кто тутъ?.... раздался подъ окномъ голосъ: вставай скорѣй! кричалъ кто-то, стуча кнутовищемъ въ окно. Вставай! десять подводъ нарядить надо!

— Ладно! проговорилъ мой хозяинъ: Вотъ видишь, братецъ ты мой: день на работѣ, а ночь на побѣгушкахъ; смаялся такъ..... А на горе,—солдаты идутъ *вверхъ*.....

— Куда вверхъ? спросилъ я.

— А изъ Питера въ Варшаву, пусто ихъ будь! отвѣчалъ тотъ, лѣниво одѣваясь: *Вверхъ* у насъ называется къ Варшавѣ; *а внизъ* — къ Питеру..... Зачѣмъ это солдатъ гонятъ туда?....

Я молчалъ.

— А гонятъ много!—бормоталъ хозяинъ: а зачѣмъ—Господь ихъ знаетъ! сказалъ онъ, выходя изъ избы.

Мнѣ спалось дурно, и я слышалъ, какъ мой хо-

зяинъ передъ свѣтомъ вернулся домой: онъ, войдя въ избу, потихоньку раздѣлся, подошелъ къ кровати, на которой спала его дочь съ маленькими братьями; потомъ легъ. Едва стало разсвѣтать, хозяинъ всталъ и разбудилъ дѣтей. Дочь пошла доить корову, а сына, мальчишку лѣтъ 3, отецъ заставилъ *подпахать*, подместь, полъ.

— Надо къ работѣ пріучать,—сказалъ онъ мнѣ: съмолоду не привыкнуть работать, подъ старость ѣсть нечего будетъ.

Мы съ хозяиномъ простились, онъ съ дочерью пошелъ на работу въ поле, я на строющуюся чугунку; одни ребятишки остались дома; предложилъ было я хозяину за ночлегъ, денегъ, но тотъ только махнулъ рукой и ушелъ, такъ что я уже послѣ него вышелъ изъ избы: онъ уже совсѣмъ собрался, а я еще собирался.

На строющейся чугункѣ я сталъ бродить между рабочими. Протолкавшись часу до 11-го, я попросилъ у одного пить.

— Да у насъ вода, отвѣчалъ тотъ мнѣ: ты ступай вонъ туда—тамъ квасомъ напоютъ.

Я пошелъ, куда мнѣ было сказано, и вошелъ въ крытую землянку. Въ ней двѣ женщины, *очень опрятно одѣтыя*, варили въ огромныхъ котлахъ обѣдъ для рабочихъ, около входа сидѣлъ какой-то мужикъ. Я у нихъ попросилъ напиться.

— Изволь, родимый, изволь,—сказала одна изъ

женщинъ, зачерпнула корцомъ квасу и подала мнѣ; кушай, родниинькій!.

Квасъ былъ очень хорошъ, и я отъ души сказалъ спасибо, отдавая корецъ и усаживаясь въ землянкѣ.

— Какія вы щеголихи, сказалъ я, обращаясь къ поварихамъ.

— Да нельзя, родимый, отвѣчала одна: съ насъ спрашиваютъ за это, сами ли въ грязи, кругомъ ли грязь—за все спрашиваютъ.

— Нельзя ли вамъ дать мнѣ щей, я заплачу, что́ сто́итъ, сказалъ я.

— И!... Избави Господи!.. Грошъ возьмешь—бѣда: прогонятъ. Такъ кушай, сколько хочешь... Да кстати и щи уварились,—говорила женщина, наливъ щей, положивъ большой кусокъ говядины, и подавая мнѣ: У насъ со всѣхъ достанетъ, не то какъ у другихъ хозяевъ.

— А вы чьихъ?

— А Гладина—купца. Купецъ Гладинъ есть въ Питерѣ, тамъ онъ подрядъ снялъ выставлять рабочихъ на дорогу.

Первый разъ мнѣ случилось ѣсть у рабочихъ такія щи; хоть бы въ любомъ московскомъ трактирѣ подали вамъ такихъ, вы бы не обидѣлись. Пообѣдавъ, я пошелъ къ другой артели, которая уже обѣдала.

— Хлѣбъ да соль, братцы! сказалъ я подходя къ нимъ.

— Милости просимъ хлѣба-соли кушать, отвѣчали мнѣ подвигаясь, чтобъ дать мнѣ мѣсто.

— Гладинскіе работники лучше ѣдятъ, сказалъ я, хлѣбнувъ кашицы безъ говядины и даже безъ масла.

— Гладинъ хорошо кормитъ рабочихъ не съ проста, —отвѣчалъ мнѣ одинъ: сытый работникъ вдвое противъ голоднаго работаетъ; кормитъ хорошо, разсчитываетъ хорошо; ну всякому и хочется попасть къ нему; у него что̀ ни лучшіе работники, —плутуетъ, значитъ.

— Да ка̀къ же плутуетъ? —спросилъ я озадаченный такимъ заключеніемъ: платитъ хорошо, кормитъ хорошо: значитъ на правду дѣло ведетъ.

— Да такъ-то оно, такъ!...

— Гладинскаго хлѣба много даромъ ѣдятъ, —прибавилъ другой: кто хошь приходи, квасу, хлѣба, а то и щей—дадутъ.

Рабочіе легли отдыхать, а я пошелъ по чугункѣ въ поле. Погода была не совсѣмъ хороша, но мнѣ не хотѣлось идти въ какую-нибудь деревню и я присѣлъ около чугунки. Здѣсь мѣста большею частію болотистыя, а какіе-то прохожіе развели огонь, —полѣнились затушить, болото и загорѣлось; на сажень кругомъ, то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ, вспыхивалъ огонекъ; невдалекѣ пастушки, двѣ дѣвочки, одной лѣтъ 18, другой около 12, пасли стадо. Меньшая пробѣжала мимо меня, догоняя свинью.

— Передъ дождемъ не удержишь свинью въ стадѣ,—сказала она мнѣ, вернувъ свинью: чуетъ дождь —бѣжитъ домой.

— Что же вы не гасите болото? спросилъ я ее.

— На той недѣлѣ будемъ гасить, отвѣчала она: а то выгоритъ болото, скотъ пасти негдѣ будетъ.

Просидѣвъ до сумерокъ, я пошелъ на каменную дорогу и вошелъ въ первую харчевню: на Варшавско-Петербургской каменной дорогѣ я не видалъ ни одной деревни: однѣ харчевни стоятъ уединенно, изрѣдка къ харчевнѣ (т. е. постоялому двору) присосѣдился кабакъ или конторка, какъ здѣсь называютъ волостныя правленія и сельскія расправы.

— Ступай направо! сказала хозяйка, когда я спросилъ у ней, можно ли ночевать. Можно, отчего жъ нельзя?!

Въ той же корчмѣ пристали и солдаты, которые вели арестантовъ: одинъ арестантъ сильно натеръ ногу и не могъ дойти до этапной станціи. Хозяйка, слѣпая старуха, послала всѣмъ постели, и арестантамъ и солдатамъ; она очень хлопотала, чтобъ расковать арестантовъ, но солдаты, не смотря ни на предложенныя постели, ни безденежный ужинъ, не рѣшились исполнить ея просьбы. На другой день я пошелъ въ Псковъ; зашелъ на почту справиться—нѣтъ ли ко мнѣ писемъ, и ушелъ въ Любятово, гдѣ пообѣдалъ и купилъ серебряную копѣйку, найденную въ этотъ

же день на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Грозный, когда шелъ громить Псковъ. Часа въ 4 послѣ обѣда я былъ на Псковской станціи желѣзной дороги, гдѣ просидѣлъ до 8 часовъ. Взялъ билетъ, сѣлъ въ вагонъ.... Дальнѣйшія происшествія считаю излишнимъ повторять.